

АБ

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОРИС
ЛЕБЛАН



Превращения
Арсена Люпена

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Мир приключений (Азбука-Аттикус)

Морис Леблан

Превращения Арсена Люпена

«Азбука-Аттикус»

1907-1927

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Превращения Арсена Люпена / М. Леблан — «Азбука-Аттикус»,
1907-1927 — (Мир приключений (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-24408-5

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Арсен Люпен – человек, разыскиваемый всеми полициями мира; больше пяти сотен знаменитых краж, более сотни приговоров! Неуловимый грабитель, о подвигах которого трубят все газеты. И в то же время – защитник угнетенных и обездоленных, готовый прийти на помощь и раскрыть тайну, проникнуть в которую оказался бессилён закон. В настоящее издание вошли романы, повести и рассказы о приключениях Арсена Люпена, скрывающегося под разными личинами и масками: «Графиня Калиостро», «Барышня с зелеными глазами», «Зуб Эркюля Петигри», «Человек в овчинной бекеше» и «Агентство „Барнетт и Ко“». Роман «Графиня Калиостро» представлен в новом переводе, остальные произведения выходят на русском языке впервые.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24408-5

© Леблан М., 1907-1927
© Азбука-Аттикус, 1907-1927

Содержание

| | |
|-----------------------------------|-----|
| Графиня Калиостро | 6 |
| Глава 1 | 7 |
| Глава 2 | 16 |
| Глава 3 | 24 |
| Глава 4 | 33 |
| Глава 5 | 41 |
| Глава 6 | 49 |
| Глава 7 | 59 |
| Глава 8 | 69 |
| Глава 9 | 80 |
| Глава 10 | 91 |
| Глава 11 | 100 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 103 |

Морис Леблан

Превращения Арсена Люпена

Maurice Leblanc

LA COMTESSE DE CAGLIOSTRO.

LA DEMOISELLE AUX YEUX VERTS. LA DENT D'HERCULE PETITGRIS.

L'HOMME À LA PEAU DEBIQUE. L'AGENCE BARNETT ET CIE

© И. Я. Волевич, перевод, 2023

© Е. В. Морозова, перевод, 2023

© Ю. М. Рац, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

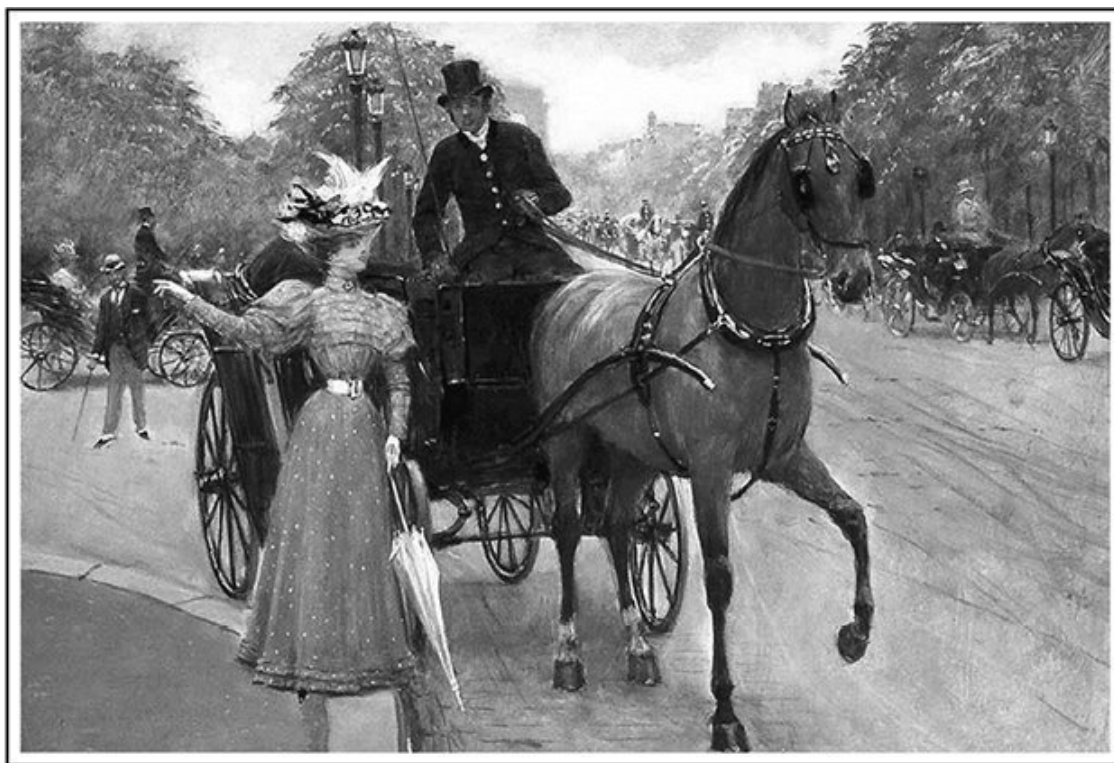
Издательство Азбука®

Графиня Калиостро



Глава 1

Арсену Люпену двадцать лет



Рауль д'Андреци выключил фонарик и оставил велосипед за насыпью, поросшей густым кустарником. На колокольне Бенувиля как раз пробило три часа.

В густой темноте он шел по проселочной дороге, ведущей в поместье Этиговы Плетни, и вскоре оказался у стен замка. Там он немного подождал. Внезапно раздался звон лошадиных подков, скрип колес по мощеному двору и звяканье колокольчиков; ворота распахнулись, и из них показался шарабан. Рауль успел расслышать мужские голоса и мельком заметить ружейный ствол. Экипаж меж тем уже выехал на главную дорогу и направился в сторону Этрета¹.

«Положим, – подумал он, – охота на кайру – занятие увлекательное, а скалы, где водятся эти птицы, далеко... и все-таки хотелось бы узнать, что означает сей неожиданный охотничий выезд и прочая суета».

Рауль пошел вдоль левой стены замка, свернул за один угол... за второй... Отсчитал сорок шагов. В руке у него были два ключа. Первым он отпер низкую дверцу и поднялся по внутренней лестнице, вырубленной в старой, полуразрушенной крепостной стене, которая примыкала к крылу замка. Другой ключ открыл ему потайной вход на втором этаже.

Он включил карманный фонарик и, не особенно таясь – зная, что прислуга занимает другое крыло, а Кларисса д'Этиг, единственная дочь барона, живет на третьем этаже, – прошел по коридору, который привел его в обширный кабинет: здесь несколькими неделями ранее Рауль просил у барона руки его дочери и получил гневную отповедь, оставившую по себе весьма неприятный осадок.

В зеркале отразилось его юное лицо – более бледное, чем обычно. Однако, несмотря на волнение, молодой человек не потерял самообладания и хладнокровно принялся за дело.

¹ Этрета – город на побережье Ла-Манша, известный своими живописными прибрежными скалами, образующими многочисленные природные арки. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Оно было нетрудным. Во время своего недавнего разговора с бароном Рауль заметил, что его собеседник частенько украдкой поглядывал на большой секретер красного дерева, крышка которого была опущена не до конца. Рауль отлично знал, к каким хитростям прибегают те, кто устраивает тайники в подобных секретерах. Через минуту он извлек из едва заметной щели письмо, написанное на тончайшей бумаге и свернутое в трубочку. На нем не было ни подписи, ни адреса.

Он изучил это послание, смысл которого поначалу показался ему слишком незначительным, если учесть, с какой тщательностью оно было спрятано; но затем, проведя кропотливый анализ, выделив наиболее значимые слова и опустив некоторые фразы, явно предназначенные лишь для связности изложения, он смог восстановить первоначальный текст, который гласил:

Я обнаружил следы нашего врага, этой дьяволицы, в Руане и поместил в тамошние газеты объявление о том, что некий крестьянин из Этрета откопал на своем лугу старинный медный канделябр с семью рожками. Она тут же телеграфировала агенту по перевозкам, чтобы ей доставили кабриолет на феканский² вокзал двенадцатого числа в три часа дня. Я распорядился, чтобы утром того же дня агент получил другую телеграмму, отменяющую первую. Таким образом, на вокзале она сядет в Ваш экипаж, который отвезет ее (разумеется, под хорошей охраной) туда, где будет проходить наше собрание.

И тогда мы сможем устроить суд и вынести ей суровый приговор. Во времена, когда цель оправдывала средства, наказание последовало бы незамедлительно. Мертвый враг неопасен. Принимайте решение сами, но хочу напомнить о договоренностях, достигнутых во время последней встречи, и предупредить, что успех нашего дела и даже само наше существование зависят от этого дьявольского создания.

Будьте осторожны. Организуйте охотничий выезд, чтобы рассеять подозрения. Я прибуду в Гавр ровно в четыре часа вместе с двумя нашими друзьями. Не уничтожайте это письмо. Вы мне его вернете.

«Излишняя осторожность – тоже недостаток, – подумал Рауль. – Если бы неизвестный автор не был столь опаслив, барон сжег бы письмо и я никогда не узнал бы о том, что существует план похищения, незаконного суда и даже – да простит меня Господь! – смертного приговора. Проклятие! Представляется мне, что мой будущий тесть, хоть он и набожен, ввязался в авантюру, неподобающую доброму католику. Пойдет ли он на убийство? Все это очень серьезно и дает мне шанс повлиять на него».

Рауль потерял руки. Дело обещало быть интересным, но, пожалуй, не вызывало особого удивления, ибо некоторые обстоятельства уже несколько дней назад показались ему странными. Он решил переночевать на постоялом дворе, а в нужное время вернуться и разузнать, что замышляют барон и его гости и что это за «дьявольское создание», которое им так не терпится казнить.

Он вернул документ на место, однако же не ушел, а уселся перед круглым столиком, на котором стояла фотография Клариссы в рамке, и с глубокой нежностью принялся ее разглядывать. Клариссе д’Этиг исполнилось восемнадцать – она была чуть моложе его. Чувственные губы... мечтательный взгляд... нежно-розовая кожа... светлые волосы – такие же, как у большинства юных уроженок Ко...³ Это лицо так пленяло его, что он не мог отвести от него взор.

Рауля охватило волнение. Далекое от целомудрия мысли завладели юношей помимо его воли. Там, наверху, Кларисса была совершенно одна, и уже дважды, пользуясь ключом, который она сама же ему доверила, он приходил к ней во время чая. Так что же останавливало его сегодня? Никакой звук не мог достичь ушей прислуги. Барон вернется не раньше завтрашнего вечера. Зачем же уходить?

² Фекан – город в Нормандии.

³ Ко – область в Нормандии.

Рауль вовсе не был ловеласом. Порядочность и деликатность боролись в его душе со страстями, силу которых он не раз испытал. Но как устоять перед таким искушением? Гордость, любовь, властная потребность побеждать подталкивали его к действию. Отбросив бесплодные сомнения, он стремительно поднялся по ступенькам лестницы.

Перед закрытой дверью юноша в нерешительности остановился. Ему уже случалось переступать этот порог, но то было посреди бела дня и не нарушало правил учтивости. А в этот поздний час его появление приобретало совершенно иной смысл!

Однако душевные терзания продолжались недолго. Он тихонько постучал в дверь и прошептал:

– Кларисса... Кларисса... Это я.

Подождав минуту и не услышав ни звука, он уже собрался постучать сильнее, как вдруг дверь будуара приоткрылась и из него вышла молодая девушка с лампой в руке.

Он заметил ее бледность и страх и был так ошеломлен, что попятился, готовый немедленно уйти.

– Не сердись, Кларисса... Это сильнее меня... Скажи только слово, и я исчезну...

Если бы Кларисса услышала его слова, увидела его смирение, она бы воспрянула духом. Но сейчас она была не в состоянии ни видеть, ни слышать. Девушка хотела возмутиться, но смогла лишь пролепетать невнятные упреки. Хотела прогнать его, но не смогла поднять ослабевшие руки. Пальцы ее так дрожали, что ей пришлось поставить лампу. Она пошатнулась и упала, потеряв сознание...

Молодые люди любили друг друга уже три месяца, с того самого дня, как встретились на юге, где Кларисса гостила у подруги по пансиону.

Они сразу же ощутили взаимное притяжение, и если для него это чувство было сладостнее всего в мире, то для нее оно стало знаком неволи, которой она с каждым днем дорожила все больше. С первой минуты Рауль казался ей неким непостижимым и таинственным существом, которого она никогда до конца не разгадает. Его приступы легкомыслия, злая ирония, тревожные настроения порой приводили ее в отчаяние. Но до чего же обаятельным он бывал! Как искрился весельем! Как прекрасны были его всплески энтузиазма и юношеского восторга! Все недостатки Рауля казались продолжением его исключительных достоинств, а изъяны – добродетелями, которые просто еще не полностью раскрылись.

Однажды утром, после своего возвращения в Нормандию, Кларисса с изумлением увидела изящного молодого человека, который сидел на крепостной стене, устремив взгляд на ее окна. Рауль поселился на постоялом дворе в нескольких километрах от замка и чуть ли не ежедневно приезжал на велосипеде, чтобы повидаться с ней вблизи Этиговых Плетней. Рано лишившись матери, Кларисса не была счастлива со своим отцом – человеком суровым, мрачным, алчным, чрезмерно набожным, кичившимся своим титулом да вдобавок еще и ненавидимым собственными фермерами. Когда Рауль, не будучи представлен ему по всей форме, осмелился попросить руки его дочери, барон пришел в такое бешенство от дерзости этого желторотого юнца без положения и связей, что немедленно выгнал бы его взащей, если бы только юноша не смотрел на него так, как смотрит укротитель на свирепого зверя.

Именно после этого злосчастного визита, а также надеясь стереть воспоминание о нем из памяти Рауля, Кларисса дважды совершила ошибку, открыв ему дверь своего будуара. Опасное безрассудство, которым и воспользовался влюбленный юноша.

В то утро, пока Рауль прятался в соседней комнате, Кларисса, сославшись на недомогание, попросила принести обед в ее покои. А потом они долго сидели у открытого окна – нежно обнявшись, еще помня сладость недавних поцелуев... и, несмотря на свое грехопадение, безгрешные.

И однако, Кларисса не могла сдержать слез...

Шли часы. Свежий ветер с моря летел над равниной и ласкал их лица. Перед ними, в низине, за большим, обнесенным оградой садом, раскинулись поля, сияющие солнечно-желтым рапсом; справа тянулся до самого Фекана белый контур высоких скал, а слева виднелись залив Этрета, Порт-д'Эваль и острие огромной скалы Игла Бельваль.

Он тихо произнес:

– Не грусти, любимая. В нашем возрасте жизнь так прекрасна, и она станет еще прекраснее, когда мы устраним все препятствия! Не плачь.

Кларисса утерла слезы и, взглянув на него, попыталась улыбнуться. Рауль был так же строен, как она, но широк в плечах – изящный и сильный одновременно. На энергичном лице сияла лукавая улыбка и искрились весельем глаза. Бриджи и куртка, под которой виднелось белое шерстяное трико, подчеркивали необыкновенную гибкость его тела.

– Рауль, Рауль, – сказала Кларисса печально, – даже сейчас, когда вы смотрите на меня, ваши мысли далеко! Вы больше не думаете обо мне после того, что произошло между нами! Как такое возможно? О чем вы размышляете, Рауль?

Смеясь, он ответил:

– О вашем отце.

– О моем отце?

– Да, о бароне д'Этиге и его гостях. Как господа такого почтенного возраста могут тратить время на убийство в скалах бедных невинных птиц?

– Это просто развлечение.

– Вы уверены? А я, признаться, заинтригован. Послушайте, я бы поверил в это, если бы на дворе не стоял славный тысяча восемьсот девяносто четвертый год... Вы не обидитесь?

– Говорите, друг мой.

– Так вот, кажется, они играют в заговорщиков! Да, уверяю вас, Кларисса... Маркиз де Рольвиль, Матье де ла Вопальер, граф Оскар де Беннето, Ру д'Эстье – все эти знатные господа из Ко находятся в сговоре.

Она нахмурилась:

– Вы говорите глупости, друг мой.

– Но вы слушаете меня с таким очаровательным видом, – ответил Рауль, убежденный, что она ничего об этом не знает. – И смóтрите на меня в ожидании, что сейчас я расскажу вам нечто важное!..

– Нечто важное о любви, Рауль.

Он порывисто обхватил ее голову:

– Вся моя жизнь – это любовь к тебе, драгоценная моя. Если передо мной возникла задача и я жажду ее разрешить, то лишь ради того, чтобы добиться твоей руки; Кларисса, представь только: твой отец – заговорщик, он арестован и приговорен к смерти, но вдруг появляюсь я и спасаю его. Разве после этого он может не позволить нам пожениться?

– Он сдастся рано или поздно, друг мой.

– Никогда! Нет ни единого шанса... и неоткуда ждать помощи...

– У вас есть ваше имя... Рауль д'Андрези.

– И даже этого у меня нет!

– Как это – нет?

– Д'Андрези – девичья фамилия моей матери, которую она вернула себе после смерти отца по требованию своей семьи, возмущенной ее браком.

– Почему? – спросила Кларисса, несколько ошеломленная этим признанием.

– Почему? Потому что мой отец не мог похвастаться знатным происхождением и был беден, как Иов... Простой учитель... и учитель чего? Гимнастики, фехтования и бокса!

– Каково же ваше настоящее имя?

– Ах, оно самое заурядное, бедная моя Кларисса.

– Какое именно?

– Арсен Люпен.

– Арсен Люпен?

– Оно совсем не звучное, и его стоило поменять, вы согласны?

Кларисса была потрясена. Какое имя он носил, для нее не имело значения. Но в глазах барона частица «де» перед фамилией была первейшим достоинством будущего зятя...

Однако она тихо сказала:

– Вам не следовало отречься от своего отца. Нет ничего постыдного в профессии учителя.

– Ничего постыдного, – согласился Рауль, смеясь, и этот смех причинил боль Клариссе, – и признаюсь, что я нагло воспользовался уроками бокса и гимнастики, которые он давал мне, когда я был еще ребенком! Но моя мать могла иметь и другие причины, чтобы отречься от этого превосходного человека, а они уж точно никого не касаются.

Рауль порывисто обнял ее, а потом начал танцевать и кружиться. Наконец, повернувшись к Клариссе, он воскликнул:

– Ну, смейся же, девочка моя! Это же невероятно смешно. Рауль д'Андреци или Арсен Люпен – какая разница! Главное, добиться успеха. И я добьюсь его, вот увидишь! Ни минуты в этом не сомневаюсь! Все гадалки обещали мне великое будущее и мировую славу. Рауль д'Андреци станет генералом, министром или послом... А может, все это ждет Арсена Люпена. Такие вещи решаются с участием Провидения и по соглашению обеих сторон. Я готов. Стальные мускулы и мощный ум! Хочешь, я пройду с тобой колесом? Или пронесу тебя на вытянутых руках? А может, ты предпочитаешь, чтобы я незаметно снял с тебя часы? Почитал наизусть Гомера на древнегреческом или Мильтона на английском? Боже, как прекрасна жизнь! Рауль д'Андреци... Арсен Люпен... Гений о двух ликах! Который из них покроет себя славой, этим солнцем всех живущих?

Внезапно Рауль умолк. Его словно бы смутил этот всплеск ликования. Взгляд юноши задумчиво скользил по маленькой комнате, тишину которой он сейчас нарушил; он подумал о том, что точно так же нарушил душевный покой Клариссы, и, в порыве раскаяния опустившись перед девушкой на колени, проникновенно сказал:

– Прости меня. Я поступил дурно, мне не следовало приходить... Но это не моя вина... Я изо всех сил пытаюсь обрести равновесие. Добро и зло одинаково притягивают меня. Ты должна мне помочь выбрать путь, Кларисса, и простить меня, если я совершаю ошибки.

Она страстно обвила руками его шею и ответила:

– Мне не за что прощать тебя, любимый. Я счастлива. Ты принесешь мне много страданий, в этом я уверена, но я заранее и с радостью их принимаю. Вот, возьми мою фотографию. И поступай так, чтобы тебе никогда не пришлось краснеть, глядя на нее. Что до меня, то я всегда буду такой же, как сегодня: твоей возлюбленной и твоей женой. Я люблю тебя, Рауль!

Она поцеловала его в лоб. Он засмеялся и сказал, вставая с колен:

– Ты посвятила меня в рыцари. Отныне я непобедим и готов разить моих врагов. А ну выходите, наваррцы! Я жду вас!⁴

План Рауля – оставим пока в стороне имя Арсена Люпена, потому что в то время, не подозревая о своей грядущей судьбе, он сам относился к нему с некоторым презрением, – так вот, план Рауля был очень прост. С левой стороны замка к крепостной стене вплотную примыкала низкая, с полуразрушенной кровлей, башня, являвшаяся когда-то частью оборонительного бастиона, а теперь едва различимая под волнами густого плюща. Рауль ничуть не сомневался, что собрание, назначенное на четыре часа, будет проходить в большом зале в глубине замка, где барон всегда принимал своих фермеров. Кроме того, он обратил внимание на узень-

⁴ Неточная цитата из трагедии П. Корнеля «Сид».

кое оконце в башне, вероятно служившее раньше вентиляционным отверстием, из которого открывался обзор на деревню.

Подобраться поближе к залу – несложная задача для такого спортсмена! Выйдя из замка, Рауль незаметно прополз по земле под плющом и вскарабкался по его мощным корням к пробитому в толстой стене оконцу; его амбразура оказалась достаточно глубокой, и Раулю удалось ничком вытянуться в ней во весь рост. Таким образом, находясь на высоте пять метров и укрытый плющом, он оставался полностью невидимым; ему же был открыт весь зал – обширное помещение с двумя десятками стульев, столом и широкой церковной скамьей.

Спустя сорок минут в зале появился барон с одним из своих друзей: Рауль не ошибся в своих предположениях. У барона Годфруа д'Этига, обладателя мускулатуры ярмарочного борца, была багровая физиономия, окаймленная рыжей бородкой, и пронизательные живые глаза. Его спутник, Оскар де Беннето, которого Рауль знал в лицо, приходился барону кузеном и тоже выглядел как мелкий нормандский дворянин, только более неповоротливый и вульгарный. Сейчас оба казались сильно взволнованными.

– Уже скоро! – произнес барон. – Сюда вот-вот придут ла Вопальер, Рольвиль и д'Оппегар, а Боманьян вместе с принцем Аркольским и де Бри приедут в четыре... я открыл для них садовые ворота... ну а потом... потом появится она, если, даст бог, попадет в расставленные сети.

– Сомневаюсь, – пробормотал де Беннето.

– Почему же? Она велела прислать за ней кабриолет. Кабриолет подъезжает, она в него садится. Д'Ормон под видом кучера везет ее к нам. У Кот-де-Катр-Шеман наш Ру д'Эстье прыгает на подножку, открывает дверцу, хватается даму, и они вдвоем ее связывают. Все донельзя просто.

Они приблизились к месту, которое находилось непосредственно под Раулем.

Беннето прошептал:

– А потом?

– А потом я объясняю нашим друзьям сложившееся положение, объясняю роль этой женщины...

– И ты полагаешь, что они согласятся ее приговорить?

– Согласятся они или нет, результат будет тот же самый. Этого требует Боманьян, как мы можем ему отказать?

– Ах, – воскликнул де Беннето, – этот человек всех нас погубит!

Барон д'Этиг пожал плечами:

– Чтобы бороться с такой женщиной, как она, нужен такой человек, как он. Ты все подготовил?

– Да, на берегу напротив Лестницы Кюре ждут две лодки. В той, что поменьше, проделано отверстие, она затонет через десять минут после того, как ее спустят на воду.

– Ты положил в нее камень?

– Да, булыжник с дырой посередине, через которую мы проденем веревку.

Оба умолкли.

Ни одно слово не ускользнуло от внимания Рауля д'Андрези, и каждое из них все сильнее возбуждало его страстный интерес.

«Черт возьми! – подумал он. – Это место в райке я не отдал бы ни за какие сокровища! Ай да молодцы! Они говорят об убийстве как о чем-то будничном – вроде смены воротничка!»

Особенно его поразил Годфруа д'Этиг. Как нежная Кларисса могла быть дочерью столь темной личности? Какую цель он преследовал? Какие гнусные мотивы им руководили? Ненависть, алчность, жажда мести, врожденная жестокость? Он напоминал палача прежних времен, готового к кровавой службе. Пламя свечи освещало его багровое лицо и рыжую бороду.

В зал вошли еще трое. Рауль признал в них друзей барона, постоянно бывавших в Этиговых Плетнях. Они сели спиной к двум окнам, освещавшим зал, так что их лица оказались в тени.

Ровно в четыре часа появились два новых гостя. Первый – затянутый в узкий сюртук пожилой господин с военной выправкой, обладатель бородки, которая при Наполеоне III имела имперской, – вошел и остановился у порога. И тут все поднялись с мест, чтобы приветствовать второго незнакомца, которого Рауль без колебаний определил как долгожданного автора анонимного письма и которого барон представил как Боманьяна.

Хотя он единственный из присутствующих не обладал ни титулом, ни приставкой «де» перед фамилией, все обращались к нему как к вождю, с рвением, соответствующим его повелительным манерам и властному взгляду. Бритое лицо, впалые щеки, выразительные черные глаза, горящие огнем, какая-то суровость и даже аскетичность в манерах и одежде – все навело на мысль о его церковном сане.

Он попросил присутствующих сесть, принес извинения от имени своего друга графа де Бри, который не смог приехать, и повернулся к спутнику, представив его так:

– Принц Аркольский... вам наверняка известно, что принц Аркольский – один из нас, но по воле случая он отсутствовал на наших собраниях и действовал издалека – впрочем, весьма удачно. Сегодня нам непременно понадобится его свидетельство, потому что принц в тысяча восемьсот семидесятом году дважды столкнулся с дьявольским созданием, столь для нас опасным.

Рауль мгновенно совершил в уме кое-какие подсчеты и испытал некоторое разочарование: «дьявольскому созданию», должно быть, перевалило за пятьдесят, раз его встречи с принцем Аркольским произошли двадцать четыре года назад.

Принц занял свое место среди гостей; Боманьян тем временем отвел Годфруа д'Этига в сторону. Барон передал ему конверт, содержащий, по-видимому, то самое компрометирующее письмо. После этого между ними произошел тихий, но очень пылкий разговор, который Боманьян прервал властным энергичным жестом.

«А этот господин неуступчив, – подумал Рауль. – Вынесение приговора будет чистой формальностью. Мертвый враг не опасен. В скором времени надо ждать... утопленницу, так как, похоже, решение уже принято».

Боманьян прошел в последний ряд, но прежде, чем сесть, объявил:

– Друзья мои, все вы знаете, как важна для нас эта минута. Объединившись, мы пришли к полному согласию относительно той прекрасной цели, которой хотим достичь, и приступили к выполнению важных задач. Мы справедливо считаем, что интересы нашей страны, нашей партии, нашей веры – я не отделяю одно от другого – зависят от успеха наших начинаний. Однако с недавнего времени эти начинания наталкиваются на дерзость и непримиримую враждебность одной женщины, коя, обладая некоторыми сведениями, начала самостоятельные поиски секретного места, к нахождению которого мы с вами близки как никогда. Если она опередит нас, все наши усилия пойдут прахом. Она или мы – выбора нет. Укрепим же себя горячей надеждой, что битва окончится нашей победой.

Боманьян сел и, упершись руками в сиденье, согнулся, став вполовину ниже, словно не хотел, чтобы его видели.

Минуты шли. Мужчины, собравшиеся здесь ради дела, которое и должно было послужить темой для обсуждения, хранили молчание, ибо их внимание привлекли отдаленные звуки, доносившиеся, судя по всему, из деревни. Мысль о захвате в плен некоей женщины полностью завладела их умами. Им не терпелось увидеть свою противницу. Барон д'Этиг предостерегающе поднял палец: все услышали приглушенное цоканье лошадиных копыт.

– Это мой кабриолет, – сказал барон.

Но вез ли он врага?

Барон направился к двери. В саду, как обычно, никого не было, вся прислуга находилась в парадном дворе замка.

Шум приближался. Экипаж съехал с дороги и теперь пересекал поле. Через минуту он вкатил в ворота.

Кучер махнул барону, и тот воскликнул:

– Победа! Она у нас в руках.

Кабриолет остановился. Д'Ормон быстро спрыгнул с козел. Ру д'Эстье, распахнув дверцу, выскочил наружу. С помощью барона они вытащили из экипажа женщину со связанными руками и ногами, голова которой была обмотана газовым шарфом, и перенесли ее на церковную скамью, стоявшую посреди зала.

– Все прошло без сучка без задоринки, – рассказал д'Ормон. – Выйдя из поезда, она сразу села в кабриолет. В Катр-Шеман мы схватили ее так быстро, что она и ахнуть не успела.

– Снимите шарф! – приказал барон. – И предоставим ей свободу движений.

Он самолично освободил от пут ее руки и ноги.

Д'Ормон снял с головы женщины шарф.

Среди присутствующих раздались крики изумления. Рауль, отлично видевший пленницу с высоты своего наблюдательного пункта, был потрясен не меньше других: его взору предстала женщина во всем великолепии молодости и красоты.

Но тут на фоне общего гомона громко прозвучал чей-то возглас. Принц Аркольский с искаженным лицом и широко открытыми глазами шагнул вперед, изумленно бормоча:

– Это она... она... я узнаю ее... Ах! Однако же это чудовищно!

– Что такое? – спросил барон. – Что в этом чудовищного? Объяснитесь!

И принц Аркольский произнес странную фразу:

– Она такая же, как и двадцать четыре года назад!

Женщина сидела прямо, сжав кулаки на коленях. Шляпа, должно быть, упала во время нападения; ее густые растрепавшиеся волосы, скрепленные золотым гребешком, тяжелой массой спускались с затылка, а два бандо рыжеватого цвета, разделенные надо лбом пробором, волнами лежали на висках.

Лицо ее отличалось удивительной красотой благодаря редкой чистоте линий; на нем, несмотря на то что женщине с трудом удавалось прятать страх, блуждала легкая улыбка. Изящный подбородок, чуть выступающие скулы, потупленный взгляд, тяжелые веки – весь ее облик вызывал в памяти «мадонн» Леонардо да Винчи или, скорее, Бернардино Луини. Их красота кроется в улыбке, которую мы не видим, но о которой догадываемся, – она и очаровывает нас, и тревожит. Одета красавица была очень просто: под дорожной накидкой, которую она сбросила, оказалось серое шерстяное платье, подчеркивавшее ее изящные плечи и талию.

«Проклятье! – подумал Рауль, не отрывая от нее взгляда. – Это дьявольское создание выглядит воплощением невинности! И они собрались в девятером или вдесятером, чтобы ее победить?»

Женщина внимательно наблюдала за теми, кто ее окружал, – за бароном и его друзьями – и пыталась различить остальных, скрывавшихся в полумраке.

Наконец она произнесла:

– Что вы от меня хотите? Я никого из вас не знаю. Почему меня сюда привезли?

– Вы наш враг, – объявил Годфруа д'Этиг.

Она покачала головой:

– Ваш враг? Здесь какая-то путаница. Вы уверены, что не ошиблись? Мое имя – Пеллегрини.

– Вы не мадам Пеллегрини.

– Уверю вас...

– Нет, – повторил барон, повысив голос.

И добавил фразу, столь же несуразную, что и фраза принца Аркольского:

– Пеллегрини – это одно из имен, под которым скрывался в восемнадцатом веке человек, дочерью которого вы себя называете.

Она молчала, словно бы пытаясь осознать всю абсурдность этого утверждения. Затем спросила:

– Как же, по-вашему, меня зовут?

– Жозефина Бальзамо, графиня Калиостро.



Глава 2

Жозефина Бальзамо, год рождения 1788...



Калиостро! Необыкновенный персонаж, который так сильно интриговал Европу и будоражил французский двор при Людовике XVI! Ожерелье королевы... Кардинал Роган...⁵ Мария-Антуанетта... Какие волнующие эпизоды самой загадочной биографии на свете!

Эксцентричный таинственный человек, гений интриги, обладающий даром подчинять себе, личность которого так и осталась неразгаданной.

Самозванец? Кто знает! Имеем ли мы право отрицать, что некоторые люди с более утонченными чувствами могут иметь другое видение мира живых и мертвых, непостижимое для нас? Должны ли мы считать шарлатаном или безумцем того, в ком возрождаются воспоминания его прошлых жизней и кто, вспомнив некогда увиденное, пользуется прошлыми приобретениями, утраченными секретами, забытыми знаниями, демонстрируя могущество, называемое нами сверхъестественным, в то время как он всего лишь являет нам неуверенную и робкую попытку освоения новых возможностей – возможностей, которые человечество в недалеком будущем поставит себе на службу?

Если Рауль д'Андреzi оставался скептиком и даже посмеивался про себя – может быть, несколько принужденно, – глядя на происходящее, то прочие, казалось, восприняли эти экстравагантные заявления как неоспоримую истину. Возможно, у них имелись некие доказательства и тайные знания? И они обнаружили у той, которая, по их словам, была дочерью Калиостро, дар ясновидения и прорицания – такие же, как у знаменитого мага и чудотворца?

Годфруа д'Этиг, единственный среди всех оставшийся стоять, наклонился над молодой женщиной и спросил ее:

– Ваше настоящее имя – Калиостро, не так ли?

Пленница колебалась. Казалось, она ищет лучший ответ и, прежде чем вступить в схватку, хочет выяснить, какое оружие находится в распоряжении противника.

Наконец она спокойно произнесла:

– Я обязана отвечать вам не больше, чем вы имеете право меня допрашивать. Впрочем, зачем мне отрицать, что на моем свидетельстве о рождении значится «Жозефина Пеллеgrини»; по личной прихоти я называю себя Жозефиной Бальзамо, графиней Калиостро; два имени – Калиостро и Пеллеgrини – придают законченность образу Жозефа Бальзамо, который меня всегда интересовал.

– И прямым потомком которого, по вашим словам, вы не являетесь, вопреки некоторым вашим прошлым утверждениям?

Она пожала плечами и промолчала. Была ли это предосторожность? Презрение? Протест против абсурдного обвинения?

⁵ Луи де Роган (1734–1803) – французский кардинал и дипломат, покровитель графа Калиостро. Был замешан в скандальной истории с покупкой ожерелья для Марии-Антуанетты; впоследствии оправдан.

– Я не желаю считать это молчание ни признанием, ни отрицанием, – продолжил Годфруа д’Этиг, повернувшись к своим друзьям. – Слова этой женщины не имеют никакого значения, и опровергать их было бы пустой тратой времени. Мы собрались здесь, чтобы принять трудные решения по делу, которое большинству из нас знакомо лишь в общих чертах. Поэтому я полагаю крайне важным напомнить факты. Они максимально кратко изложены в записке, которую я вам сейчас зачитаю. Прошу выслушать меня со всем вниманием.

И он спокойно прочитал те несколько страниц, автором которых (Рауль в этом несколько не сомневался) был Боманьян.

В начале марта 1870 года, то есть за четыре месяца до начала войны между Францией и Пруссией, среди толп иностранцев, наводнивших Париж, никто так не привлекал к себе внимания, как графиня Калиостро. Красивая, элегантная, разбрасывающая деньги направо и налево, почти всегда одна или в сопровождении молодого человека, которого она представляла как своего брата, – всюду, где бы ни появилась эта особа, в каком бы салоне ее ни принимали, она становилась объектом острого любопытства. Сначала публику интриговало ее громкое имя, а затем – впечатляющее сходство со знаменитым Калиостро: таинственный вид, некоторые чудесные исцеления, совершенные ею, ответы, которые она давала людям, спрашивающим о своем прошлом или будущем. Роман Александра Дюма ввел в моду Жозефа Бальзамо, так называемого графа Калиостро. Действуя подобным же образом и даже еще более дерзко, красавица-иностранка уверяла, будто является дочерью Калиостро, говорила, что знает секрет вечной молодости, и, улыбаясь, рассказывала о встречах и событиях, которые происходили во времена императора Наполеона.

Ее престиж был так велик, что она проникла во дворец Тюильри и явилась при дворе Наполеона III. Ходили слухи даже о частных раутах, на которых императрица Евгения собирала вокруг красавицы-графини самых близких своих друзей. Подпольный номер сатирической газеты «Шаривари» (впрочем, сразу конфискованный) описывает сеанс, на котором присутствовал один из гостей. Вот этот пассаж:

«В ней есть что-то от Джоконды. Выражение ее лица, которое не сильно меняется, но которое почти невозможно определить, можно назвать как нежно-простодушным, так и жестоко-порочным. В ее взгляде такая опытность, а в неизменной улыбке столько горечи, что вполне можно поверить в ее восьмидесятилетний возраст, на который она намекает. Иногда она достает из кармана зеркальце в золотой оправе, капают на него две капли жидкости из крохотного флакона и, протерев, смотрит на свое отражение. И перед нами снова молодая прелестница!

Когда мы спросили ее об этом чуде, она ответила:

– Это зеркало принадлежало Калиостро. Для тех, кто смотрится в него с верой, время останавливается. Видите, на оборотной стороне выгравирована дата – тысяча семьсот восемьдесят третий год, а дальше следуют четыре строки с четырьмя великими загадками. Эти загадки, которые граф мечтал разгадать, он услышал из уст самой королевы Марии-Антуанетты, и якобы утверждал, что тот, кто найдет на них ответы, станет могущественнее королей.

– Можно ли нам прочитать их? – спросил кто-то.

– Почему нет? Прочитать – не значит разгадать, ведь даже Калиостро не хватило на это времени. Вот они:

In robore fortuna⁶.

Надгробие королей Богемии.

Сокровища королей Франции.

⁶ Счастье помогает смелым (лат.)

Канделябр с семью рожками.

Потом она поговорила с присутствующими, открыв каждому такое, что повергло в изумление всех нас.

Но это было всего лишь вступление, и императрица, отказавшись задать хоть один вопрос, касающийся ее лично, пожелала получить несколько откровений, проясняющих будущее.

– Пусть Ваше Величество соблаговолит слегка дунуть на него, – сказала графиня, протягивая зеркало.

И тут же, рассмотрев облачко пара на его поверхности, прошептала:

– Я вижу грандиозные картины... великую войну этим летом... победу... колонны войск, проходящих сквозь Триумфальную арку... Императора провозглашают Принцем империи⁷.

– Такова переданная нам записка, – продолжал Годфруа д'Этиг, – документ совершенно поразительный, потому что он был опубликован за несколько недель до объявления войны. Кто же эта женщина? Кто эта авантюристка, чьи опасные предсказания, воздействующие на довольно слабый дух несчастной государыни, не могли не сыграть роковую роль в катастрофе тысяча восемьсот семидесятого года? Кто-то – читайте тот же номер «Шаривари» – спросил ее:

«Итак, вы дочь Калиостро, но кто ваша мать?»

– Моя мать?! – воскликнула она. – Ищите ее очень высоко, в кругу Калиостро... и даже еще выше... Да, это она... Жозефина де Богарне, будущая супруга Бонапарта, будущая императрица...»

– Полиция Наполеона Третьего не могла бездействовать. В конце июня она представила краткий доклад, написанный по окончании сложного расследования одним из ее лучших агентов. Цитирую:

«Итальянские паспорта синьорины, дата рождения в которых представляется сомнительной, оформлены на Жозефину Пеллегрини-Бальзамо, графиню Калиостро, родившуюся в Палермо 29 июня 1788 года. По приезде в Палермо мне удалось обнаружить старые церковные книги прихода Мортарана, и в одной из них я нашел запись, датированную 29 июня 1788 года, о рождении Жозефины Бальзамо, дочери Жозефа Бальзамо и Жозефины де ля П., французской подданной.

Скрывалась ли под „П.“ Жозефина Ташер де ля Пажери – такова девичья фамилия бывшей жены виконта де Богарне и будущей супруги генерала Бонапарта? Я удвоил свои усилия и после кропотливых поисков узнал из писем лейтенанта военной полиции, что в 1788 году господина Калиостро едва не арестовали. Последний, хотя и был изгнан из Франции после истории с ожерельем королевы, тайно проживал под именем Пеллегрини в небольшом особняке в Фонтенбло, где каждый день принимал у себя высокую стройную даму. Жозефина де Богарне в то время тоже живет в Фонтенбло. Она тоже высокая и стройная. За день до ареста Калиостро исчезает. Назавтра внезапно уезжает и Жозефина де Богарне. Месяц спустя, в Палермо, рождается ребенок.

Эти совпадения не кажутся очень убедительными. Но какой вес они приобретают, когда два события встают рядом! Через восемнадцать лет императрица Жозефина привозит в Мальмезон юную девушку, выдавая ее за свою крестницу, и эта девушка настолько располагает к себе Наполеона, что тот забавляется с ней, как с ребенком. Как зовут эту девушку? Жозефина, или, точнее, Жозина.

Падение империи. Царь Александр I, будучи в Париже, принимает Жозину и посылает ее в Россию. Какой титул она теперь носит? Графиня Калиостро».

⁷ *Принц империи* – титул Наполеона IV (1856–1879), сына Наполеона III и императрицы Евгении Монтихо.

Последние слова барон д'Этиг произнес в гробовой тишине. Его выслушали с глубочайшим вниманием. Рауль, находясь в полном замешательстве от этой невероятной истории, пытался уловить на лице графини признак волнения или смятения. Но она была по-прежнему невозмутима, и в ее красивых глазах таилась та же улыбка.

Барон продолжал:

– Этот доклад, а также, возможно, опасное влияние, которое графиня приобрела в Тюильри, должны были положить конец ее фортуне. На нее и на ее брата выписали постановление о выдворении. Брата выслали из Германии, ее – из Италии. Однажды утром она вышла в Модане, куда ее доставил молодой офицер. Он поклонился ей и попрощался. Этого офицера звали принц Аркольский. Именно ему удалось раздобыть эти два документа, номер «Шаривари» и оригинал секретного рапорта со всеми печатями и подписями, который он и держит сейчас в руках. И наконец, это он только что уверенно удостоверил перед вами идентичность двух особ: той, которую он видел тем утром, и той, которую видит сейчас.

Принц Аркольский встал и важно произнес:

– Я не верю в чудеса, однако то, что я утверждаю, похоже на чудо. Но во имя истины я клянусь честью офицера, что эта женщина – та самая, которой я, прощаясь, отсалютовал на моданском вокзале двадцать четыре года назад.

– Только отсалютовали, не добавив ни одного учтивого слова, не так ли? – проговорила Жозефина Бальзамо, повернувшись к принцу. Голос ее звучал игриво и несколько насмешливо.

– О чем это вы?

– О том, что французский офицер слишком галантен, чтобы проститься с красивой женщиной, всего лишь официально отдав ей честь.

– Что?

– Вы наверняка сказали ей хотя бы несколько слов...

– Может быть... я уже не помню... – ответил принц Аркольский с некоторым смущением.

– Вы склонились к изгнаннице, месье. Вы поцеловали ей руку, задержав в своей немного дольше, чем того допускают приличия, и сказали: «Я надеюсь, мадам, что те минуты, которые я имел удовольствие провести рядом с вами, будут иметь продолжение. Что касается меня, то я никогда их не забуду». И вы проникновенно повторили: «Никогда, мадам, вы слышите? Никогда...»

Принц Аркольский производил впечатление весьма воспитанного человека. Однако, услышав свои собственные слова, воспроизведенные с такой точностью спустя двадцать четыре года, он растерялся и пробормотал:

– Дьяволица!

Впрочем, он тут же опомнился и перешел в наступление:

– Я забыл это, мадам. Если воспоминание о первой встрече и было приятным, то вторая встреча полностью изгладила его из моей памяти.

– И что же это за вторая встреча, месье?

– Это было в начале следующего года в Версале, куда я сопровождал французских официальных лиц, уполномоченных вести мирные переговоры после поражения. Я увидел вас в кафе. Вы сидели за столиком с бокалом в руке и веселились в компании немецких офицеров, один из которых был адъютантом Бисмарка. В тот день я понял и вашу истинную роль в Тюильри, и то, чьим эмиссаром вы являлись.

Все эти разоблачения, все эти сверхъестественные жизненные перипетии были представлены присутствующим меньше чем за десять минут.

Никаких аргументов. Никакой попытки с помощью логики или красноречия доказать немислимую версию. Ничего, кроме описания эпизодов. Ничего, кроме чых-то кратких обличающих свидетельств, обрушившихся на жертву, как удары увесистого кулака, и звучавших

совершенно несуразно, ибо все они относились к событиям столетней давности и противоречили бесспорной молодости этой женщины!

Рауль д'Андреци не верил своим ушам. Ему казалось, что перед ним разыгрывается сцена из романа, а точнее – из какой-то фантастической, мрачной мелодрамы; заговорщики тоже словно бы находились по другую сторону реальности, слушая все эти рассказы так, будто они имели ценность неоспоримых фактов. Конечно, Раулю было известно об интеллектуальной нищете этих дворянчиков, обломков минувших времен. И все же как могли они не считаться с вопиющей нелепицей, как могли верить в возраст, приписываемый этой женщине? При всей их наивности, неужто у них не было глаз?

Впрочем, поведение графини казалось еще более странным. Почему она хранила молчание? Ведь оно означало ее согласие со сказанным! Возможно, она не хотела разрушать легенду о вечной молодости, которая ей нравилась и способствовала осуществлению ее замыслов? Или же, не подозревая об ужасной опасности, нависшей над ее головой, она сочла этот спектакль просто розыгрышем?

– Таково прошлое, – заключил барон д'Этиг. – Я не буду останавливаться подробно на промежуточных эпизодах, которые связывают его с сегодняшним днем. Скажу лишь, что, постоянно оставаясь в тени, Жозефина Бальзамо, графиня Калиостро, участвовала в трагикомедии буланжизма⁸, а также в Панамском скандале⁹. Мы находим ее следы во всех событиях, фатальных для нашей страны, но не всегда у нас есть доказательства, свидетельствующие о ее секретной роли. Только чьи-то показания. Так что давайте перейдем к нашему времени. Но прежде... Мадам, вам, очевидно, нечего возразить?

– Отчего же? – отозвалась она.

– Тогда говорите.

Молодая женщина сказала все с той же несколько насмешливой интонацией:

– Я хотела бы узнать... раз уж вам вздумалось устраивать надо мной суд, да еще так, как в Средневековье... вы действительно всерьез верите выдвинутому против меня обвинению? Если да, то вы, пожалуй, могли бы без промедления приговорить меня к сожжению заживо, как приговаривали ведьм, шпионок и вероотступниц, коих святая инквизиция никогда не прощала.

– Нет, – ответил Годфруа д'Этиг, – эти истории из вашей жизни были рассказаны лишь для того, чтобы несколькими штрихами дать о вас максимально ясное представление.

– И вы полагаете, что дали обо мне максимально ясное представление?

– В том ракурсе, который нас интересует, да.

– Не много же вам нужно. Ну и какую связь вы усматриваете между этими историями?

– Я вижу три связующие нити. Во-первых, свидетельства людей, которые вас узнали и благодаря которым мы шаг за шагом можем вернуться в самое отдаленное прошлое. Во-вторых, ваше собственное признание.

– Какое признание?

– Вы повторили принцу Аркольскому слово в слово разговор, который произошел между вами на моданском вокзале.

– Действительно, – сказала она. – Что еще?

– Еще? Вот три портрета, на которых изображены именно вы. Ведь это вы, не правда ли? Она взглянула на них и подтвердила:

– На трех этих портретах изображена я.

⁸ *Буланжизм* – ультраправое движение во Франции в конце 1880-х годов под лозунгами реваншистской войны против Германии.

⁹ Имеется в виду финансовый и политический скандал, разразившийся во Франции в 1892 году во время строительства Панамского канала.

– Отлично, – кивнул Годфруа д’Этиг. – Первый – это миниатюра, написанная в тысяча восемьсот шестнадцатом году в Москве с Жозины, графини Калиостро. Второй – фотография, датируемая тысяча восемьсот семидесятым годом. А этот последний снимок сделан недавно в Париже. Все три портрета подписаны вами. Одна и та же подпись. Один почерк. Одинаковый росчерк.

– И что это доказывает?

– Это доказывает, что одна и та же женщина...

– Что одна и та же женщина, – перебила она его, – в тысяча восемьсот девяносто четвертом году выглядит так же, как в тысяча восемьсот шестнадцатом и в тысяча восемьсот семидесятом. На костер ее!

– Не смейтесь, мадам. Вы знаете, что смех для нас – худшее из оскорблений.

Она нетерпеливо отмахнулась от него и пристукнула по подлокотнику:

– В конце концов, господа, не пора ли прекратить этот фарс? Что все это значит? В чем вы меня обвиняете? Почему я здесь?

– Вы здесь, мадам, чтобы дать нам отчет о совершенных преступлениях.

– Каких преступлений?

– Нас с друзьями было двенадцать; двенадцать человек, которые шли к одной цели. Сегодня нас только девять. Трое других убиты вашей рукой.

Тень улыбки (по крайней мере так показалось Раулю д’Андреци) скользнула по губам Джоконды. Впрочем, ее прекрасное лицо тут же обрело привычное выражение спокойствия, словно ничто не могло нарушить безмятежности этой женщины, даже ужасное обвинение, выдвинутое против нее с такой ненавистью. Неужели обычные чувства, свойственные человеческому роду, – негодование, возмущение или ужас – ей неведомы? Во всяком случае, она никак их не выказывала. До чего же странно! На ее месте любая другая женщина, виновная или нет, возражала бы, а она молчала, и невозможно было понять, свидетельствовало ли это о цинизме или о невинности.

Друзья барона тоже молчали; на их напряженных лицах читалась ожесточенность. Рауль заметил Боманьяна, который оставался почти полностью невидимым для Жозефины Бальзамо. Он сидел, закрыв лицо руками. Но глаза его сверкали между раздвинутыми пальцами, а взгляд жег ненавистную ему женщину.

Годфруа д’Этиг принялся среди полной тишины оглашать обвинительное заключение – точнее сказать, заключение, состоящее из трех чудовищных обвинений. Он перечислил их коротко и сухо, не вдаваясь в подробности, не повышая голос, словно бы зачитывая протокол.

«Полтора года назад Дени Сент-Эбер, самый молодой из нас, охотился на своих землях в окрестностях Гавра. С наступлением вечера он повесил ружье на плечо и покинул своего арендатора и телохранителя, сказав, что хочет посмотреть с вершины утеса на закат. Ночью он так и не вернулся. Утром во время отлива его тело нашли среди прибрежных скал.

Самоубийство? Дени Сент-Эбер был богат, здоров, жизнелюбив. Зачем ему убивать себя? Преступление? Об этом мы даже не думали. Остается одно – несчастный случай.

Через месяц, в июне, нам снова пришлось облачиться в траур. Жорж д’Иноваль, который все утро охотился на чаек у подножия Дьепских скал, поскользнулся на водорослях, да так неудачно, что упал, ударившись головой о камень и потеряв сознание. Через несколько часов его обнаружили два рыбака. Он был мертв. У него остались вдова и две малолетние дочери.

Еще один несчастный случай, не так ли? Да, несчастный случай для вдовы, для двух сирот, для семьи... Но для нас? Возможно ли, чтобы такая случайность произошла дважды в нашей маленькой группе? Двенадцать друзей объединились, чтобы раскрыть величайшую тайну, которая позволит нам достичь грандиозной цели. Двое из них убиты. Разве не вправе мы предположить преступный замысел: уничтожить всю нашу группу как опасных конкурентов?

Принц Аркольский оказался тем, кто открыл нам глаза и указал верный путь. Принцу Аркольскому было известно, что не только мы знали о существовании этой великой тайны. Он выяснил, что на собрании у императрицы Евгении упоминался список из четырех загадок, переданный графом Калиостро своим потомкам, и что одна из них – именно та, которая нас интересует, – именовалась «загадкой канделябра с семью рожками». Следовательно, нам нужно было искать среди тех, кому мог быть передан этот список.

Благодаря тому, что мы располагаем огромными возможностями, спустя две недели наше расследование было завершено. В парижском особняке на безлюдной улице проживала дама, некая госпожа Пеллегрини. Жила она уединенно и часто отсутствовала целыми месяцами. Она была очень красива, но держалась скромно и, стараясь не привлекать внимания, посещала под именем графини Калиостро некоторые кружки, где занимались магией, оккультизмом и служили черную мессу.

Нам удалось заполучить фотографию – вот эту – и отправить ее принцу Аркольскому, который в то время путешествовал по Испании, и он с изумлением узнал на ней женщину, которую видел давным-давно.

Мы заинтересовались ее передвижениями. В день смерти Сент-Эбера в окрестностях Гавра она проездом была в Гавре. А когда Жорж д'Иноваль умирал у подножия Дьепских скал, она ненадолго оказалась в Дьеппе!

Я опросил семьи погибших. Вдова д'Иновалья рассказала, что у ее мужа в последнее время была связь с некоей женщиной, которая, по ее словам, заставляла его сильно страдать. С другой стороны, у нас имеется написанное рукой Сент-Обера признание, найденное в его бумагах и сохраненное матерью, – о том, что наш друг имел неосторожность записать наши двенадцать имен и некоторые сведения, касающиеся канделябра с семью рожками; блокнот с этими записями был украден у него той женщиной.

И тут все встало на свои места. Завладевшая частью наших секретов и желающая узнать о них еще больше – это та самая женщина, которая любила Сент-Эбера и влюбила в себя Жоржа д'Иновалья. Выманив у них секреты и опасаясь, что они расскажут о ней своим друзьям, она убила их. Эта женщина теперь здесь, перед нами».

Годфруа д'Этиг замолчал. Снова наступила такая гнетущая тишина, словно собравшиеся для суда люди окаменели в этой тяжелой атмосфере, пропитанной страхом. Только графиня Калиостро сидела с рассеянным видом, как будто ни одно слово не достигло ее слуха.

По-прежнему лежа в своем укрытии, Рауль д'Андреци любовался очарованием и чувственной красотой молодой женщины, одновременно испытывая замешательство от того, как много собрано против нее доказательств. Обвинительный приговор подбирался к жертве все ближе и ближе. Факты свидетельствовали о ее злодеяниях, и Рауль несколько не сомневался, что главная атака еще впереди.

– Рассказать вам о вашем третьем преступлении? – спросил барон.

Она устало ответила:

– Если угодно. Все, о чем вы тут толкуете, совершенно невразумительно. Вы говорите о людях, чьи имена мне незнакомы. Но какая разница – одним преступлением больше или меньше...

– Вы не знали Сент-Эбера и д'Иновалья?

Она молча пожала плечами.

Годфруа д'Этиг наклонился и сказал, понизив голос:

– А Боманьяна?

Она простодушно взглянула на барона Годфруа:

– Боманьяна?

– Да, третьего из наших друзей, которого вы убили? Совсем недавно, несколько недель назад... Он был отравлен... Вы его не знали?



Глава 3

Суд инквизиции



Что означало это обвинение? Рауль смотрел на Боманьяна. Тот встал, не выпрямляясь во весь свой высокий рост, и, укрываясь за спинами друзей, подходил все ближе и ближе к скамье, пока не сел почти рядом с Жозефиной Бальзамо. Графиня же повернулась к барону и потому не заметила его.

И тут Рауль понял, почему Боманьян прятался и какую опасную ловушку приготовил он для молодой женщины. Если она действительно хотела отравить его и искренне считала, что он умер, в какой ужас приведет ее появление того самого Боманьяна – живого и готового бросить ей свое обвинение! Если же она совсем не испугается и этот человек будет для нее таким же незнакомцем, как и другие, – это станет доказательством в ее пользу!

Рауль чувствовал тревогу и так страстно желал, чтобы она расстроила этот заговор, что стал думать, как предупредить ее. Тем временем барон д'Этиг возобновил свой допрос:

– Это преступление вы, конечно, также не помните?

Она нахмурилась, опять нетерпеливо махнула рукой и промолчала.

– Может быть, вы даже не знали Боманьяна? – спросил барон, наклонившись к ней, как следователь, который ждет, пока неопытная жертва выдаст себя неосторожной фразой. – Говорите же! Вы его не знаете?

Она не отвечала. Должно быть, эта чрезмерная настойчивость насторожила ее, потому что на улыбающемся лице мелькнуло некоторое беспокойство. Как загнанный зверь, почуввавший засаду, она блуждала взглядом, пытаясь что-то рассмотреть в полумраке.

Взглянув на Годфруа д'Этига, она повернулась сперва в сторону ла Вопальера и Беннето, а затем в другую – где сидел Боманьян...

И внезапно Жозефина Бальзамо резко отшатнулась, как человек, увидевший призрака, и закрыла глаза. Она простерла руки, чтобы отогнать ужасный фантом, и все услышали, как обвиняемая лепечет:

– Боманьян... Боманьян...

Было ли это признанием? Сломлена ли она и сознается ли в своих преступлениях? Боманьян ждал. Его сжатые кулаки, вздувшиеся на лбу вены, суровое лицо, искаженное нечеловеческим усилием воли, – все свидетельствовало о том, что он изо всех сил стремится сломать ее, подавить ее желание сопротивляться. На мгновение ему показалось, что она в его власти. Молодая женщина клонилась все ниже, смиряясь перед победителем. Жестокая радость охватила его. Но – напрасная надежда! Головокружение прошло, и она снова выпрямилась. С каждой секундой к ней понемногу возвращалось спокойствие, и вот она уже улыбнулась, сказав с обезоруживающей простотой, на которую нечего было возразить:

– Вы напугали меня, Боманьян, ведь я читала в газетах сообщения о вашей смерти. Но почему ваши друзья решили меня обмануть?

Рауль сразу же понял: то, что происходило до сих пор, не имело никакого значения. Только теперь двое истинных противников оказались лицом к лицу. Настоящая борьба – пусть даже она будет недолгой, принимая во внимание оружие Боманьяна и одиночество молодой женщины, – лишь начиналась. И в этой схватке не найдется места для хитрой и осторожной тактики Годфруа – присутствующих ожидает взрыв необузданной ярости, подпитываемой ненавистью.

– Ложь, ложь, вы вся – сплошная ложь! – воскликнул Боманьян. – Вы – само лицемерие, подлость, предательство, порок! За вашей улыбкой скрывается все самое мерзкое и отвратительное, что есть в мире. О! Эта улыбка! Какая омерзительная маска! Я хотел бы сорвать ее с вас раскаленными щипцами! Ваша улыбка – смерть, вечное проклятие для того, кто попадет в ваши сети... О! Какая же подлая тварь эта женщина!..

У Рауля с самого начала сложилось впечатление, что он присутствует на суде инквизиции, и оно лишь усилилось, когда этот человек принялся бросать свои проклятия с исступлением средневекового монаха. Его голос дрожал от гнева, руки угрожающе тянулись к графине, словно он хотел схватить за горло нечестивицу, чья ангельская улыбка сводила с ума и обрекала на адские муки.

– Успокойтесь, Боманьян, – сказала она ему так мягко, что его раздражение только увеличилось, словно он услышал оскорбление.

Обвинитель явно старался сдерживать себя и контролировать слова, бурлившие в нем. Но они вылетали у него изо рта, и он задыхался, спешил, то вскрикивая, то невнятно бормоча, так что его друзья с трудом могли разобраться в странной исповеди, с которой он к ним обращался, ударяя себя в грудь, подобно религиозным фанатикам прошлого, призывавшим публику в свидетели своих прегрешений.

– Сразу после смерти д'Иновалю я стал искать встречи с ней. Да, я думал, что ведьма ожесточится еще больше против нас... и что я буду сильнее других... буду лучше защищен от соблазнов... Вы же знали, какое решение я тогда принял? Преданный сын Церкви, я хотел облачиться в ризу священника. Итак, я был неуязвим для зла, защищен и взятыми на себя обязательствами, и – еще больше – своей страстной верой. И я пошел туда, на одно из спиритических собраний, где, как я знал, обязательно будет она.

Она там действительно была. Друг, который привел меня, указал на нее, и, признаюсь, уже на пороге я остановился в нерешительности из-за охвативших меня дурных предчувствий... Я стал наблюдать за ней. Она говорила с немногими, больше слушала, куря сигареты, и чего-то выжидала.

Согласно моей просьбе мой друг сел рядом с ней и завел разговор с людьми из ее кружка. Затем издали он окликнул меня по имени. И я увидел волнение в ее взгляде и сразу понял, что она знает мое имя, прочитав его в записной книжке, украденной у Дени Сент-Эбера. Ведь Боманьян был одним из тех двенадцати, объединенных тайной... один из десяти оставшихся. И эта женщина, которая прежде словно пребывала в каком-то забытии, внезапно очнулась. Уже через минуту она завела со мной беседу. В течение двух часов эта особа блистала передо мной умом и красотой и получила от меня обещание на следующий же день нанести ей визит.

В тот самый миг, когда я распрощался с ней ночью у дверей ее дома, мне нужно было бежать на край света. Но понимание пришло слишком поздно. Я уже не находил в себе ни мужества, ни воли, ни прозорливости – ничего, кроме безумного желания увидеть ее снова. Конечно, я скрывал это желание за высокопарными словами – мол, я исполняю свой долг... Мол, нужно изучить тактику врага, предъявить неоспоримые доказательства преступлений и наказать за них... и тому подобное. Я находил для себя столько оправданий!

На самом же деле одного взгляда на нее мне было достаточно, чтобы поверить в ее невиновность. Такая улыбка была признаком чистой души.

Даже священная память о Сент-Эбере и о моем бедном д'Иновале не вразумила меня. Я ничего не хотел знать. Несколько месяцев я жил во мраке, вкушая самые греховные радости, не чувствуя стыда оттого, что навлек на себя позор, отказавшись от своих клятв и отвергнув нашу святую веру.

Преступления, для меня немыслимые, – я искренен с вами, друзья мои! Но я совершил и еще одно, которое, быть может, превосходит их все. Я предал нашу миссию. Обет молчания, который мы дали друг другу, объединившись ради общего дела... я нарушил его! Эта женщина знает важную тайну – знает все, что знаем мы.

Эти слова были встречены ропотом негодования. Боманьян опустил голову.

Теперь Рауль лучше понимал драму, которая разыгрывалась на его глазах, и истинные роли ее участников. Да, всё сплошь мелкие помещики, деревенщина, мужланы – но среди них был Боманьян! Боманьян, который заражал их своим вдохновением и неистовством. Среди этих примитивных и вульгарных существ он выглядел пророком и ясновидцем. Он требовал от них истовой веры в их тайную миссию, которой сам посвятил тело и душу, подобно тому как прежде рыцари посвящали себя Богу и, покинув свои замки, отправлялись в Крестовые походы.

Люди, обуреваемые такими мистическими страстями, превращаются в героев или палачей. В Боманьяне действительно было что-то инквизиторское. В пятнадцатом веке он готов был бы принять мученическую смерть ради слов покаяния, сорвавшихся с губ еретика.

Он был властен и не признавал никаких препятствий. Между ним и его целью возникла женщина? Пусть она умрет! Даже если он любил эту женщину! Ведь публичная исповедь сняла с него этот грех. И его слушатели прониклись еще большим почтением к своему суровому предводителю, видя, что он так же суров к себе самому. Собственное признание смирило его гнев, и он закончил приглушенным голосом:

– Почему я проявил слабость? Не знаю. Такой человек, как я, не должен давать волю слабости. Я даже не могу сказать, что она пыталась меня вопросами. Нет. Но она часто намекала на четыре загадки, упоминаемые Калиостро, и однажды, почти не отдавая себе отчета, я произнес непоправимые слова... из малодушия... чтобы угодить ей... чтобы вырасти в ее глазах... чтобы она улыбнулась мне еще нежнее... Я говорил себе: «Она станет нашим союзником, поможет нам советами, своим ясновидением, отточенным за долгие годы пророчеств...» Я был безумен. Опыяние грехом пошатнуло мой разум.

Пробуждение оказалось ужасным. Однажды – с того дня прошло три недели – я должен был уехать по делам в Испанию. В то утро я попрощался с ней. Днем у меня была назначена встреча в центре Парижа, поэтому около трех часов я вышел из своего дома, который снимал неподалеку от Люксембургского сада. Но так случилось, что я забыл оставить некоторые указания слуге и потому вернулся домой через двор, поднявшись по черной лестнице. Мой слуга отлучился и оставил дверь в кухню открытой. И вдруг из дальних комнат до меня донесся шум. Я осторожно сделал несколько шагов. В спальне находилась какая-то женщина, и зеркало показало мне ее – это была она!

Что она делала, склонившись над моим чемоданом? Я стал наблюдать.

Она открыла картонную коробочку со снотворными таблетками, которые я всегда брал с собой в путешествия. Вынув одну таблетку, она положила на ее место другую, которую достала из сумочки. Я был так потрясен, что в эту минуту даже не подумал схватить ее за руку.

Когда я вошел в спальню, она уже исчезла. Догонять ее было поздно.

Я тут же отправился к фармацевту и попросил сделать анализ таблеток. Одна из них содержала смертельный яд.

Итак, у меня появилось неопровержимое доказательство. Я, проявивший неосторожность и рассказавший этой женщине о нашей тайне, был обречен. Не правда ли, это самое лучшее решение – избавиться от ненужного свидетеля и конкурента, который в один прекрас-

ный день или заберет свою долю добычи, или откроет всем правду, предъявит ей обвинения и уничтожит? Значит, он должен умереть. Так же, как Дени Сент-Эбер и Жорж д'Иноваль. По чистой случайности.

Я написал одному из своих испанских друзей, и вскоре несколько газет сообщили о смерти в Мадриде некоего Боманьяна.

С тех пор я следовал за ней как тень, стараясь ни на шаг не отставать. Сначала она поехала в Руан, потом – в Гавр, затем в Дьепп – в те самые места, которые очерчивали территорию наших поисков. Из моих рассказов она знала, что мы собираемся основательно разворошить древнее аббатство в окрестностях Дьеппа. Она обыскивала его целый день, воспользовавшись тем, что аббатство заброшено. Потом я потерял ее из виду. И снова обнаружил в Руане. Все остальное вы знаете от нашего друга д'Этига – как ей была приготовлена ловушка и как она в нее попала, поверив в историю про канделябр, который якобы нашел на своем лугу фермер.

Такова эта женщина. Вы, конечно, понимаете, почему мы не можем передать ее в руки правосудия. Скандалы на судебных заседаниях неизбежно отразятся на нас и полностью раскроют наши замыслы, сделав их неосуществимыми. Наш долг, каким бы тяжким он ни был, судить ее самим – без гнева, но со всей строгостью, которую она заслуживает.

Боманьян замолчал. Он закончил свою прокурорскую речь, серьезный тон которой был опаснее для изобличаемой, чем его ярость. Графиня представала почти чудовищем и действительно виновной в этой череде ненужных убийств. Рауль д'Андреци уже не знал, что и думать, однако он чувствовал отвращение к этому человеку, который любил молодую женщину и только что со сладострастным содроганием вспоминал все радости этой преступной любви...

Графиня Калиостро встала и с прежней едва заметной улыбкой взглянула на своего противника.

– Я не ошибаюсь, – спросила она, – это будет сожжение на костре?

– Это будет то, что мы решим, – объявил Боманьян, – и ничто не сможет помешать исполнению нашего справедливого приговора.

– Приговор? Но по какому праву? – поинтересовалась она. – Для этого есть суд. Вы не судьи. Говорите, боитесь скандала? Да мне-то какое дело до того, что свое так называемое судилище вы можете устраивать только тайно и под покровом темноты? Освободите меня немедленно.

Он возразил:

– Освободить? Чтобы вы продолжали сеять смерть? Ваша судьба теперь в наших руках. И вам придется подчиниться нашему приговору.

– Вашему приговору? Но по какому делу? Если бы среди вас был хоть один настоящий судья, хоть один человек, кто разбирался бы в том, *что* есть правдоподобие, а *что* – доказательства, он посмеялся бы над вашими вздорными обвинениями и противоречивыми доводами.

– Это слова! Пустые фразы! – вскричал Боманьян. – Опровергните наши доказательства... Дайте иное объяснение тому, что я видел собственными глазами...

– Какой смысл мне защищаться? Вы уже вынесли приговор.

– Он вынесен, потому что вы виновны.

– Виновна в том, что преследую ту же цель, что и вы? Да, признаю; ведь именно потому вы пошли на такую низость – явились шпионить за мной и разыгрывать любовную комедию. Если вы угодили в западню, то в этом не виноват никто, кроме вас! Если вы поделились со мной тайной, о которой я уже и так знала из документов Калиостро... что ж, тем хуже для вас! Теперь я одержима этим делом и поклялась достичь цели, чего бы мне это ни стоило, и вы не сможете мне помешать. Это-то и есть мое преступление в ваших глазах.

– Ваше преступление в том, что вы совершили убийства! – вскипел Боманьян.

– Я никого не убивала, – твердо сказала Калиостро.

- Вы столкнули Сент-Эбера в пропасть и ударили д’Иноваль по голове.
- Сент-Эбер? Д’Иноваль? Я не знаю этих людей. Сегодня я впервые услышала их имена.
- А меня? Меня вы тоже не знали? – воскликнул он с жаром. – И не хотели отравить?
- Нет.

В припадке ярости Боманьян перешел на «ты» и отчеканил:

– Но я видел тебя, Жозефина Бальзамо. Так же ясно, как вижу сейчас. Пока ты прятала яд в коробочку, я видел, в какой дьявольской ухмылке кривился твой рот.

Она покачала головой и произнесла:

– Это была не я.

Казалось, он вот-вот задохнется от гнева. Какая дерзость с ее стороны!.. Графиня же спокойно положила руку ему на плечо и продолжила:

– От ненависти вы теряете голову, Боманьян; ваша душа фанатика восстает против греховной любви. Однако, несмотря на это, вы же позволите мне защищаться?

– Это ваше право. Но поторопитесь.

– Хорошо. Попросите у ваших друзей миниатюру, писанную с графини Калиостро в тысяча восемьсот шестнадцатом году в Москве. – (Боманьян подчинился и взял миниатюру из рук барона.) – Итак... Посмотрите на нее внимательно. Это мой портрет, не правда ли?

– К чему вы клоните? – спросил Боманьян.

– Отвечайте, это мой портрет?

– Да, – решительно подтвердил он.

– Если это мой портрет, значит я жила в ту эпоху? Восемьдесят лет назад мне было двадцать пять или тридцать? Хорошенько подумайте, прежде чем ответить. А, так вы колеблетесь... Еще бы, разве можно поверить в подобное чудо?!. Итак, вы больше не настаиваете на своем?.. Но это еще не все... Снимите заднюю крышку у этой миниатюры, и вы увидите на оборотной стороне другой портрет – улыбающейся женщины в полупрозрачном покрывале, что закрывает ее лоб до самых бровей. Под легкой тканью видны волосы, разделенные на два волнистых бандо. Это тоже я, не так ли?

Пока Боманьян выполнял ее указания, она обернула голову кружевным покрывалом, края которого касались линии бровей, и с чарующей улыбкой томно потупила взор.

Переводя взгляд с миниатюры на графиню, Боманьян шептал:

– Это вы... Вы...

– Никаких сомнений, верно?

– Никаких. Это вы...

– Что ж, тогда прочтите надпись в правом углу.

Боманьян медленно произнес:

– «Писано в Милане, год 1498».

Калиостро повторила:

– Год тысяча четыреста девяносто восьмой! Четыреста лет назад.

Она звонко засмеялась, и этот смех отчетливо прозвучал посреди всеобщего молчания.

– Не смотрите на меня с таким замешательством, – сказала графиня. – Начну с того, что я знала о существовании этого двойного портрета и с давних пор искала его. Но будьте уверены, здесь нет никакого чуда. Я не стану убеждать вас, будто послужила художнику моделью и мне четыреста лет. Просто перед вами лик Девы Марии – копия фрагмента «Святого семейства» Бернардино Луини, миланского художника и ученика Леонардо да Винчи.

Не давая противнику опомниться, она внезапно стала серьезной и произнесла:

– Теперь вы понимаете, к чему я клоню, не так ли, Боманьян? Между Богоматерью Луини, московским портретом и мною есть неуловимое, чудесное, но при этом совершенно неоспоримое сходство. Три лица – как одно. Так почему же вы не хотите признать, что это явление – впрочем, совершенно естественное – может повториться в других обстоятельствах и что жен-

щина, которую вы увидели в вашей спальне, была не я, а другая, похожая на меня, а вы просто обманулись?.. Другая, которая могла знать ваших друзей Сент-Эбера и д'Иновала и убить их.

– Но я видел, видел... – запротестовал Боманьян, который стоял рядом с ней, почти касаясь ее, бледный и дрожащий от негодования. – Я видел. Видел собственными глазами.

– Ваши глаза также видят портрет двадцатипятилетней давности, миниатюру восьмидесятилетней и картину четырехсотлетней давности. Это все я?

И она обратила к Боманьяну свое юное лицо с его свежей красотой, жемчужными зубами и нежными, округлыми, как персик, щеками.

Чувствуя себя побежденным, тот воскликнул:

– О ведьма! Бывают минуты, когда я начинаю верить в этот вздор! С тобой никогда ни в чем нельзя быть уверенным! Подождите... у женщины на миниатюре на обнаженном плече видно черное пятнышко. У тебя тоже есть черная родинка внизу плеча, над грудью... Я видел ее... Покажи ее другим, чтобы они тоже увидели, чтобы знали...

Боманьян был мертвенно-бледен, с его лба струился пот. Он протянул руку к глухому корсажу графини. Но она оттолкнула своего обвинителя и с большим достоинством ответила:

– Довольно, Боманьян, вы сами не знаете, что творите, причем уже многие месяцы. Я сейчас слушала вас и поражалась вашим речам, потому что вы говорили обо мне как о своей любовнице, – но я никогда не была вашей любовницей! Это очень благородно – публично бить себя в грудь и каяться, но только признание должно быть искренним. У вас же не хватило на это мужества. Демон гордыни не позволил вам смиренно признать свое поражение, и вы малодушно убедили всех в том, чего не было. Долгие месяцы вы преследовали меня своей любовью, валялись у меня в ногах, умоляли и угрожали; однако вам было позволено всего лишь раз поцеловать мою руку. Вот и разгадка вашего поведения и вашей ненависти.

Вам не удалось меня согнуть, и вы решили меня погубить, рисуя перед своими друзьями чудовищный портрет убийцы, шпионки и ведьмы. Да-да, ведьмы! Такой человек, как вы, не может проявить слабость – это ваши слова, – и если вы не добились успеха, то, конечно, только из-за действия дьявольских чар. Нет, Боманьян, вы сами не понимаете, что говорите и что делаете. Вы видели меня в своей спальне, видели, как я доставала таблетку с ядом? Скажите на милость! По какому праву вы ссылаетесь на собственные глаза? Ваши глаза? Да вы были так одержимы мною, что подарили другой женщине мое лицо, которое ни на минуту не могли забыть.

Да, Боманьян, повторяю – другой женщине... Есть еще одна женщина на том пути, которым мы все следуем. Есть та, которая унаследовала некоторые документы Калиостро и позаимствовала его псевдонимы. Маркиза де Бельмонт, графиня де Феникс... ищите ее, Боманьян. Потому что именно ее вы видели, но, будучи жертвой навязчивых галлюцинаций своего помутившегося разума, нагромоздили против меня столько лжи.

Послушайте, все это – лишь жалкая комедия, и у меня есть серьезная причина сохранять спокойствие перед вами: во-первых, потому, что я невиновна, во-вторых, потому, что я ничем не рискую. Несмотря на вашу роль судей и мучителей, несмотря на выгоду, которую каждый из вас может получить в случае успеха этого общего дела, вы все по сути своей достойные люди и никогда не решитесь на убийство. То есть вы, Боманьян, может, и решитесь – вы фанатик и боитесь меня, однако же вам нужны послушные палачи, а их нет. Тогда что? Посадите меня под замок? Отошлете в какую-нибудь глушь? Если вас это развлечет, пожалуйста! Но знайте, не существует такой тюрьмы, из которой я не могла бы выйти так же легко, как вы – из этого зала. Итак, судите меня, приговаривайте. А я больше не скажу ни слова.

Она снова села, сняла покрывало и откинулась на спинку скамьи. Жозефина Бальзамо окончила свою речь. В ней не было гнева, а были лишь глубокая убежденность и совершенно неопровержимая логика, свидетельствующая о том, что выдвинутые против нее обвинения держатся единственно на необъяснимой загадке ее долголетия.

«Вы все свели воедино, – словно бы говорила пленница, – в основе ваших доказательств лежат чьи-то свидетельства о давних эпизодах моей жизни. Начав с рассказа о событиях столетней давности, вы закончили преступлениями сегодняшнего дня. Если я замешана в этих, значит являюсь виновницей и тех. Если я – та женщина, которую вы видели, то я также и та, что изображена на всех портретах».

Что на это ответить? Боманьян молчал. Поединок заканчивался его поражением, и он не пытался скрыть, что понимает это. Вдобавок лица его друзей уже не выражали той ожесточенности, какая присуща судьям, которым предстоит вынести смертный приговор. Присутствующими овладело сомнение; Рауль д'Андрези ясно это чувствовал и питал бы некоторую надежду, если бы только не знал о приготовлениях, сделанных Годфруа д'Этигом и Беннето.

Боманьян и барон о чем-то тихо посоветовались, а затем Боманьян громко, как человек, все уже решивший, произнес:

– Друзья мои, все материалы процесса вам представлены. Обвинение и защита выступили со своим последним словом. Вы видели, с какой уверенностью Годфруа д'Этиг и я обвиняли эту женщину и как изошренно она защищалась, объясняя все сверхъестественным сходством и выказывая поразительную изворотливость и дьявольское коварство. Итак, ситуация очень проста: такой сильный противник, обладающий особыми качествами, никогда не успокоится. Наше дело в опасности. Она уничтожит нас – одного за другим. Само ее существование ставит под удар наши планы и грозит нам гибелью.

Значит ли это, что нет другого решения, кроме смертного приговора, и что эта заслуженная кара – единственный вариант, который мы должны рассмотреть? Нет. Пусть эта женщина исчезнет, пусть больше не сможет ничего предпринять против нас – мы не имеем права просить большего, а если наша совесть бунтует от такого снисходительного решения, нам все-таки нужно его придерживаться, потому что, в конце концов, мы здесь не для того, чтобы наказывать, а чтобы защитить себя.

Вот к чему мы пришли – разумеется, при условии, что вы дадите свое согласие: сегодня вечером вдоль побережья будет курсировать английское судно. С него спустят шлюпку, мы отправимся ей навстречу и у подножия Иглы Бельваль в десять часов посадим в нее обвиняемую. Эта женщина будет доставлена ночью в Лондон, и ее поместят там в сумасшедший дом, где она будет находиться до тех пор, пока мы не завершим наше дело. Полагаю, ни один из вас не возражает против этого плана – не только гуманного и великодушного, но еще и могущего спасти наше предприятие и защитить нас всех от ненужных рисков.

Рауль сразу понял тактику Боманьяна и подумал: «Это смерть. Нет никакого английского судна. Будут две лодки. Одну из них, пробитую, отправят в открытое море, и она потонет. Графиня Калиостро исчезнет, и никто не будет знать, что с ней случилось».

Коварство этого плана и лукавство, с каким он был представлен, поистине ужасали. Разве друзья Боманьяна могли предотвратить его осуществление, если никто не ждал от них слов одобрения? Достаточно было простого молчания. Ни один из присутствующих не протестовал, и Боманьян был свободен действовать через Годфруа д'Этига.

Итак, сами того не ведая, они вынесли женщине смертный приговор.

...Все поднялись с мест и двинулись к выходу, явно довольные тем, что так дешево отделались. О случившемся никто не упомянул. Казалось, они собрались здесь лишь для того, чтобы поболтать о пустяках. Некоторым еще предстояла поездка вечерним поездом с ближайшей станции.

...Вскоре вышли все, кроме Боманьяна и Беннето.

Это полное драматизма заседание, на котором жизнь женщины была изложена самым пристрастным образом, а смертный приговор получен при помощи гнусной уловки, потрясло Рауля больше всего тем, что оно так внезапно и резко оборвалось, – словно пьеса, в которой

развязка происходит слишком рано, нарушая логику событий, или судебный процесс, на котором окончательное решение объявлено посреди прений сторон.

Совершенный Боманьяном подлог ясно показал Раулю д'Андреци подлую и извращенную натуру этого человека – безжалостного фанатика, пожираемого страстью и гордыней и задумавшего убийство. Однако присущие ему трусость, лицемерие, потаенный страх заставляли его, так сказать, прикрываться своей совестью, а может, и правосудием. Отсюда это коварное решение и полный карт-бланш, полученный благодаря отвратительному маневру.

И теперь, стоя в дверях, он наблюдал за женщиной, которая скоро должна была умереть. Мертвенно-бледный, сурово сдвинув брови и скрестив руки на груди, весь во власти нервного тика, от которого подергивался его подбородок и мускулы, он выглядел немного театрально – таким романтическим персонажем. Очевидно, в его мозгу лихорадочно металась самая разные мысли. Быть может, в последнюю минуту его одолели сомнения?

Однако размышления Боманьяна длились недолго. Он сжал плечо Беннето и вышел, властно бросив:

– Стереди ее! И без глупостей, ладно? Иначе...

Все это время графиня Калиостро сидела неподвижно, сохраняя на лице задумчивое, почти безмятежное выражение, совсем не соответствующее ситуации.

«Наверное, она не подозревает об опасности, предполагая, что ее ждет заточение в сумасшедшем доме, а эта перспектива ее нимало не тревожит», – подумал Рауль.

Прошел час. В зале сгущался вечерний сумрак. Молодая женщина дважды взглянула на часы, которые висели у нее на груди. Затем она попыталась завести разговор с Беннето, и на ее лице мгновенно расцвела обольстительная улыбка, а в голосе зазвучали бархатные интонации. Но Беннето лишь что-то хмуро пробурчал в ответ.

Прошло еще полчаса... Она посмотрела направо-налево – и заметила, что дверь приоткрыта. В этот миг у нее несомненно возникла мысль о побеге, потому что все ее тело вдруг сжалось и подобралось, как для прыжка. Со своей стороны Рауль тоже искал способ помочь ей осуществить этот план. Будь у него револьвер, он застрелил бы Беннето. У него также родилась идея о том, чтобы проникнуть в зал, но окно, возле которого он лежал, оказалось слишком узким.

К тому же Беннето, который был вооружен, почувствовал опасность и, демонстративно выложив револьвер на стол, проворчал:

– Только шевельнитесь – и я выстрелю. Клянусь Богом!

Он явно не шутил. Графиня больше не двигалась. Рауль неотрывно смотрел на нее, чувствуя, как горло сдавило спазмом.

Около семи часов вернулся Годфруа д'Этиг.

Он зажег лампу и сказал Оскару де Беннето:

– Нам надо все подготовить. Сходи принеси носилки из-под навеса. А потом ступай ужинать.

Оставшись наедине с молодой женщиной, барон, казалось, начал испытывать душевные колебания. Рауль заметил его блуждающий взгляд, выдававший намерение что-то сказать или сделать. Но говорить прямо, без обиняков, ему явно не хотелось.

– Молитесь Богу, мадам, – вдруг заявил он.

Она с недоумением спросила:

– Молиться Богу? К чему этот совет?

Понизив голос, он ответил:

– Как вам угодно... Я только должен был вас предупредить...

– Предупредить меня о чем? – спросила она со все возрастающей тревогой.

– Бывают минуты, – пробормотал барон, – когда нужно молиться Богу, как молятся в свой смертный час...

На ее лице мгновенно отразился ужас. Она поняла, что ее ждет. Ее руки лихорадочно заметались, словно в конвульсиях.

– В смертный час? В смертный час? Но ведь речь не о смерти, правда же? Боманьян не говорил об этом... Он говорил о доме умалишенных...

Барон не ответил. Слышен был лишь голос несчастной, которая лепетала:

– О боже мой, он обманул меня... Дом умалишенных – это неправда, тут другое... Меня сбросят в море, ночью... О! Какой ужас! Но это невозможно... Мне – и умереть?!. Помогите!

Годфруа д'Этиг схватил припасенный плед, грубо накинул его на лицо молодой женщины и зажал ей рот рукой, чтобы заглушить крики.

Вернулся Беннето. Они вдвоем уложили свою жертву на носилки и крепко привязали к ним, пропустив между неплотно прилегающими досками веревку с железным кольцом, чтобы позже повесить к нему камень...



Глава 4 Пробитая лодка



Сгущалась тьма. Годфруа д'Этиг зажег лампу, и кузены приготовились к своему мрачному бдению. В тусклом свете их лица, искаженные мыслью о предстоящем преступлении, выглядели зловеще.

– Тебе надо было захватить с собой бутылку рома, – проворчал Беннето, – в иных случаях лучше не думать о том, что делаешь.

– Сейчас не тот случай, – возразил барон. – Наоборот! Мы должны быть бдительны как никогда!

– Весело, нечего сказать.

– Не надо было соглашаться с Боманьяном и обещать ему поддержку.

– Это невозможно.

– Тогда подчиняйся.

Шло время. Из замка не доносилось ни звука; деревня тоже спала.

Беннето подошел к пленнице, прислушался и, обернувшись, заметил:

– Она даже не стонет. У нее стальные нервы.

И добавил с некоторым страхом:

– Ты веришь тому, что о ней говорят?

– Чему именно?

– Ее возраст... все эти истории из прежних времен...

– Полный вздор!

– А Боманьян верит.

– Откуда нам знать, чему он верит!

– И все-таки согласишься, Годфруа, что тут есть нечто удивительное... И все говорит за то, что родилась она довольно давно...

Годфруа д'Этиг пробормотал:

– Это верно... Я тоже, когда читал записку Боманьяна, думал, будто эта женщина действительно жила в то время.

– Значит, ты тоже веришь?

– Хватит! Не будем больше об этом деле. Довольно и того, что мы все в нем замешаны. Ах, клянусь Богом, – тут он повысил голос, – что если я бы мог просто отказаться, не опасаясь последствий!.. Вот только...

Годфруа явно не хотелось продолжать разговор о предмете, который, видимо, был ему чрезвычайно неприятен.

Однако Беннето не умолкал:

– Да уж, если бы только представилась возможность, я бы тоже сбежал. Вдобавок я подозреваю, что нас одурачили по всем пунктам. Я ведь уже говорил тебе, что Боманьян знает

больше нашего, а мы всего лишь марионетки в его руках. Рано или поздно мы станем ему не нужны и он распрощается с нами, а потом выяснится, что он обстригал дельце в свою пользу.

– Этого не может быть.

– И все же... – возразил Беннето.

Годфруа зажал ему рот и прошептал:

– Замолчи. Она все слышит.

– Не важно, – глухо отозвался тот, – потому что совсем скоро...

Больше они не проронили ни слова. Время от времени раздавался звон церковного колокола, и они, безмолвно шевеля губами, считали его удары, глядя друг на друга.

Когда пробило десять часов, Годфруа д'Этиг так яростно стукнул кулаком по столу, что подскочила лампа:

– Проклятье! Пора начинать.

– Ох! – отозвался Беннето. – Как же это гнусно! Мы пойдем одни?

– Нет, остальные хотят сопровождать нас. Но я остановлю их наверху скалы, потому что они верят в английское судно.

– Я бы предпочел, чтобы мы сделали это все вместе.

– Замолчи, приказ касается только нас. И потом – другие могут проболтаться... А это будет катастрофой. Ну вот и остальные!

Остальных – тех, кто не уехал на поезде, – было трое: д'Ормон, Ру д'Эстье и Рольвиль. Они захватили с собой фонарь из конюшни, но барон велел немедленно его потушить.

– Никакого света, – сказал он. – Увидят, как мы поднимаемся на скалу, и пойдут толки.

Прислуга спит?

– Да.

– А Кларисса?

– Она весь день не выходила из спальни.

– Действительно, – сказал барон, – ей же нынче нездоровилось. В путь!

Д'Ормон и Рольвиль взялись за носилки. Все вышли в сад, пересекли поле и оказались на проселочной дороге, ведущей из деревни прямо к Лестнице Кюре. Небо было черное, беззвездное, заговорщики шагали почти на ощупь, то и дело спотыкаясь на рытвинах и кочках. Время от времени тишину нарушало чье-нибудь проклятье, но гнев Годфруа мгновенно заставлял нарушителя спокойствия умолкнуть.

– Ни звука, черт возьми! Нас могут узнать по голосам.

– Но кто, Годфруа? Здесь ни души... и ты же озаботился тем, чтобы нас не задержала береговая охрана?

– Да. Она вся сейчас в трактире, куда ее позвал человек, в котором я полностью уверен. Однако нельзя исключать появление дежурного патруля.

Плато сменилось впадиной, и дорога тоже пошла вниз. Кое-как они добрались до начала Лестницы. Когда-то ее вырубили в скале по распоряжению некоего приходского священника из Бенувия, чтобы облегчить местным жителям путь к берегу. Днем проемы, пробитые в известняке, пропускают свет, и сквозь них открывается великолепный вид на море, где волны бьются о скалы... и с каждым шагом ты оказываешься к ним все ближе.

– Вам будет нелегко спускаться с носилками, – сказал Рольвиль. – Мы могли бы вам помочь. Освещать дорогу.

– Нет, – заявил барон. – Вам, безопасности ради, лучше уйти.

Трое молодых людей повиновались и повернули обратно, а кузены, не теряя времени, начали трудный спуск.

Он длился долго. Ступеньки были очень высокими, а повороты такими крутыми, что невозможно было развернуть носилки без того, чтобы не поднимать их вертикально. Карманный фонарь то и дело гас. Оскар Беннето злился все больше и распалился до такой степени,

что, уже не стесняясь своих дурных манер неотесанного деревенщины, предлагал «выбросить все это за борт», то есть в один из проемов.

Наконец они вышли на пляж, усыпанный мелкой галькой, и смогли перевести дыхание. Неподалеку виднелись две лодки. Спокойное море, без малейшей волны, омывало их погруженные в воду кили. Беннето показал заткнутую до времени пучком соломы дыру, которую он пробил в меньшей из двух лодок, и кузены поместили в нее носилки.

– Надо привязать их к скамьям, – распорядился Годфруа д’Этиг.

Беннето заметил:

– Если когда-нибудь будет расследование и на дне моря найдут лодку с носилками, они станут против нас лучшим свидетельством!

– Поэтому мы должны отплыть от берега как можно дальше. Впрочем, эти носилки никто не опознает: их уже лет двадцать как выкинули, и я нашел их среди мусора в сарае. Бояться нечего.

Д’Этиг говорил дрожащим от страха голосом и был так растерян, что Беннето едва узнавал своего кузена.

– Что с тобой, Годфруа?

– Со мной? Ничего!

– В таком случае...

– В таком случае толкаем лодку... Но сначала нужно, как велел Боманьян, вынуть у нее кляп и спросить, желает ли она что-нибудь заявить. Хочешь сам это сделать?

Беннето пробормотал:

– Смотреть на нее? Трогать? Да я лучше сдохну... а ты?

– Я тоже не смогу... не смогу...

– Все-таки она виновна... Она убийца...

– Да-да... Во всяком случае, это очень даже возможно... Только у нее такое нежное лицо!..

– Верно, – согласился Беннето, – она божественно прекрасна... прекрасна, как Дева Мария...

И оба рухнули на колени прямо на гальку и начали вслух молиться и взывать к Богоматери за ту, что должна была умереть.

Годфруа бормотал то слова молитвы, то строки из псалмов, а Беннето сопровождал их пламенным «аминь». По-видимому, молитвы укрепили их, потому что они резко поднялись с колен, желая поскорее со всем покончить. Беннето взял большой камень, приготовленный заранее, торопливо привязал его к железному кольцу и толкнул лодку, которая сразу же заскользила по водной глади. Затем общими усилиями они толкнули в воду другую лодку и запрыгнули в нее. Годфруа взялся за весла, а Беннето привязал к корме лодку осужденной. Они направились в открытое море; тишина нарушалась только плеском от легких взмахов весла. Густые черные тени скал, выступавшие даже из глубокой темноты ночи, позволили им беспрепятственно миновать прибрежные воды. Однако спустя двадцать минут движение лодки замедлилось, и она остановилась.

– Я больше не могу... – пробормотал барон, почти теряя сознание. – У меня отнимаются руки... Твоя очередь.

– У меня тоже нет сил... – признался Беннето.

Годфруа снова было взялся за весла, но сразу бросил их и сказал:

– К чему плыть дальше? Мы, уж конечно, зашли далеко за линию отлива. Что скажешь?

Тот кивнул:

– Тем более что дует ветерок, он отнесет лодку еще дальше в море.

– Тогда вынь солому, которой ты заткнул дыру.

– Вынимать ее – твое дело, – возразил Беннето; для него подобный поступок был равносильным убийству.

– Хватит болтать ерунду! Давай уж покончим с этим!

Беннето потянул за соединявшую оба суденышка веревку. Киль качнулся прямо рядом с ним. Все, что ему нужно было сделать, – это наклониться и протянуть руку к заткнутому отверстию.

– Мне страшно, Годфруа, – пробормотал он, запинаясь. – Клянусь вечным спасением, я не буду этого делать, делай сам, слышишь?

Годфруа оттолкнул его и, перегнувшись через борт, одним движением вырвал соломенную затычку. Сразу послышалось бульканье бурлящей воды. Этот звук так его потряс, что он чуть было не бросился вновь затыкать дыру. Слишком поздно! Беннето взялся за весла и с неожиданным приливом энергии, тоже ужаснувшись клокотанию воды, начал грести с такой силой, что скоро лодки отдалились друг от друга на несколько метров.

– Остановись! – приказал вдруг Годфруа. – Стой! Я хочу ее спасти. Прекрати грести, черт возьми! А! Это ты ее убиваешь... Убийца, убийца... Я бы мог спасти ее.

Но Беннето, словно опьяненный страхом, ничего не слыша, так усердно греб к берегу, что весла скрежетали в уключинах.

Итак, труп был отдан на волю волн. Именно труп – а как иначе назвать неподвижное, обессиленное существо, обреченное на смерть в лодке с пробитым днищем? Вода наполнит лодку за несколько минут. Хрупкое суденышко затонет.

Годфруа д'Этиг знал это. Охваченный решимостью, он тоже взял весло, и заговорщики быстро добрались до берега. Там они, не заботясь о том, что их могут заметить, пригнулись и со всех ног бросились бежать подальше от места совершенного преступления. Они боялись услышать крик ужаса или жуткое бульканье вокруг идущей ко дну лодки.

Она покачивалась вровень с почти неподвижной водой, на которую, казалось, давили всей своей тяжестью низкие облака.

Д'Этиг и Оскар де Беннето, должно быть, находились уже на полпути к замку. С моря не доносилось ни звука.

...Лодка накренилась на правый борт, и молодая женщина, находившаяся в каком-то предсмертном оцепенении, поняла, что развязка приближается. Она не чувствовала ни ужаса, ни желания бороться за жизнь. Принятие гибели вызывает такое состояние души, когда кажется, что ты уже по другую сторону бытия.

Однако неожиданно для себя она не почувствовала прикосновения ледяной воды – то, чего больше всего боится женская плоть. Нет, лодка не тонула, а, наоборот, раскачивалась, как будто кто-то пытался забраться в нее.

Кто? Барон? Его сообщник? Но она сразу отказалась от этих мыслей, потому что незнакомый голос прошептал:

– Не волнуйтесь, это друг, который пришел вам на помощь...

Неизвестный склонился над ней и, даже не зная, слышит ли она его, сразу объяснил:

– Вы меня никогда не видели... Меня зовут Рауль... Рауль д'Андреизи... Все хорошо... Я заткнул отверстие деревяшкой, обернув ее ветошью. Средство ненадежное, но на какое-то время поможет... Тем более что сейчас мы избавимся от этого груза.

Он перерезал веревки, которыми была связана молодая женщина, и выбросил камень за борт. Затем, высвободив жертву из плена, в который та была завернута, он склонился над ней и сказал:

– Как я рад! Дело обернулось гораздо лучше, чем я ожидал, и вы наконец-то спасены! Вода не успела добраться до вас, правда? Какое счастье! Вы не пострадали?

Она прошептала, с трудом выговаривая слова:

– Лодыжка... они повредили мне ее веревками...

– Это не страшно, – сказал он. – Главное теперь добраться до берега. Ваши палачи уже там и, наверное, спешно карабкаются по Лестнице Кюре. Так что нам нечего опасаться.

Рауль быстро взял весло, которое заранее спрятал на дне лодки, опустил его за корму и начал грести, продолжая свои объяснения таким радостным тоном, как будто произошедшее было чем-то вроде мелкого инцидента на увеселительной прогулке:

– Пожалуй, мне нужно представиться надлежащим образом, хотя сейчас у меня не самый приличный вид: из всего костюма только изготовленные мною собственноручно купальные трусы, к которым я привязал нож... Итак, Рауль д'Андреци к вашим услугам, поскольку так уж сложились обстоятельства... О, чистая случайность! Неожиданно подслушанный разговор... из которого я узнал, что замышляется заговор против одной дамы. Тогда я решил действовать. Я ждал на берегу и при виде кузенов, спустившихся с Лестницы, зашел в воду. Мне оставалось только привязать себя к вашей лодке, когда ее взяли на буксир. Это я и сделал. Убийцы не догадывались, что вместе с жертвой прихватили с собой чемпиона по плаванию, который полон решимости спасти даму. Такова эта история вкратце. Позднее, когда вы сможете меня слушать, я расскажу вам ее подробнее. Сейчас же мне кажется, будто я говорю втуне.

Рауль на минуту умолк.

– Мне плохо... – сказала она. – Я измучена...

Он ответил:

– Совет: потеряйте сознание. Ничто так не восстанавливает силы, как обморок.

По-видимому, она его послушалась, потому что после нескольких стонов ее дыхание стало спокойным и ровным.

Рауль прикрыл ей лицо и подытожил:

– Так-то лучше. У меня есть полная свобода действий, и я никому ничего не должен.

Впрочем, безмолвие спутницы не помешало ему продолжать самодовольный монолог человека, восхищенного собой и всем, что он делает. Под ударами его весла лодка стремительно скользила по воде. Впереди угадывалась темная груда скал. Когда железный киль лягнул о прибрежную гальку, он спрыгнул с легкостью, свидетельствующей о силе его мускулов, взял молодую женщину на руки и уложил ее у подножия утеса.

– Еще я чемпион по боксу... – объяснил Рауль. – И по французской борьбе. Признаюсь вам, поскольку вы все равно меня не слышите, что этими достижениями я обязан своему отцу... а уж сколько у меня других достоинств! Но хватит глупостей. Отдохните под этой скалой, где коварные волны вас не достанут... А я уйду. Предполагаю, в ваших планах – поквитаться с кузенами? В таком случае необходимо спрятать лодку так, чтобы ее не нашли, а вас посчитали утонувшей. Поэтому немного терпения.

И, уже не мешкая, Рауль д'Андреци сделал то, что намеревался. Он снова вывел лодку в море, вынул из отверстия затычку и, зная, что теперь лодка наверняка потонет, поплыл назад. Ступив на берег, он достал свою одежду, спрятанную в расщелине, избавился от самодельных купальных трусов и оделся.

– Пойдемте, – сказал он, возвратившись к молодой женщине, – нам придется подняться наверх, а это не так-то просто.

Калиостро постепенно приходила в сознание: при свете фонаря Рауль увидел, как она открыла глаза. С его помощью она попыталась встать, но вскрикнула от боли и упала без сил. Он расшнуровал ее ботинок и увидел кровь. Рана на лодыжке была неопасной, но болезненной. Рауль перевязал ее носовым платком и решил, что нужно торопиться.

Он взвалил молодую женщину на плечо и начал подниматься. Триста пятьдесят ступеней! Если Годфруа д'Этигу и Беннето было тяжело спускаться со своей ношей, то каких же титанических усилий требовал подъем, да к тому же от юноши! Четыре раза он останавливался, покрытый испариной, с чувством, что больше не может сделать ни шагу.

Однако Рауль продолжал взбираться вверх, ничуть не теряя хорошего расположения духа. На третьей остановке он усадил Калиостро себе на колени, и она даже смеялась его шуткам и непоколебимому воодушевлению. Так он и закончил путь, прижимая к груди ее прелестное тело, ощущая под пальцами его изящные изгибы.

Рауль достиг последней ступеньки, но не решился сделать передышку: по плато гулял внезапно поднявшийся свежий ветер. Торопясь найти для молодой женщины укрытие, он одним махом пересек поле и отнес ее в отдельно стоящий амбар, который приглядел заранее. Там же он припас две бутылки пресной воды, бутылку коньяка и немного провизии.

Рауль приставил лесенку к стене амбара, поднял по ней свою ношу на чердак и, толкнув деревянный щит, служивший дверцей, сбросил лесенку вниз.

– У нас есть двенадцать часов, чтобы поспать в безопасности. Здесь нам никто не помешает. Завтра к полудню я достану экипаж и отвезу вас, куда вам будет угодно.

Вот так они и сидели, тесно прижавшись друг к другу, после самого драматического и самого невероятного приключения, которое только можно себе представить. Далеко в прошлом остались ужасные картины этого дня. Тайное судилище, чудовищные обвинения, безжалостные палачи Боманьян и Годфруа д’Этиг, приговор, спуск к морю, тонущая во тьме лодка – все эти кошмары уже поблекли в памяти укрывшихся в уютной тесноте жертвы и ее спасителя.

При свете фонаря, свисавшего с балки, Рауль уложил молодую женщину на тюки сена, заполнявшие чердак, оправил на ней платье, напоил водой и осторожно перевязал рану. Чувствуя себя под защитой и больше не страшась преследования врагов, Жозефина Бальзамо доверилась его рукам и, закрыв глаза, задремала.

Фонарь ярко освещал ее прекрасное лицо, которому пережитый страх добавлял еще больше обаяния. Опустившись на колени, Рауль долго любовался ею. Задыхаясь в духоте амбара, Бальзамо расстегнула верх корсажа, и теперь Рауль не мог отвести взгляда от стройной линии ее плеч, плавно переходящих в изящную шею.

Он вспомнил о черной родинке, видной на миниатюре, которую упоминал Боманьян. Как он мог устоять перед искушением самому взглянуть на нее и убедиться – действительно ли она есть на груди этой женщины, которой он спас жизнь? Он медленно отогнул край корсажа. Черная родинка справа, похожая на мушку, которыми украшали себя кокетки былых времен, подчеркивала белизну атласной, мерно вздымающейся груди.

– Кто вы? Кто вы? – пробормотал он в замешательстве. – Из какого мира вы явились?

Рауль тоже, как и прочие, испытывал необъяснимую тревогу, мистическое чувство, которое внушала эта женщина загадкой своей жизни и вечной молодости. И не мог удержаться от расспросов – как будто молодая женщина могла ответить от имени той, что когда-то послужила моделью для миниатюры.

Жозефина Бальзамо произнесла слова, которые он не разобрал, но таким сладостным было ее дыхание, а ее губы были так близко, что он коснулся их своими дрожащими губами.

Она вздохнула. Ее глаза полуоткрылись. Увидев стоявшего на коленях Рауля, она покраснела и улыбнулась; улыбка все еще играла на ее устах, когда тяжелые веки опустились и она снова погрузилась в сон.

Рауль потерял голову; дрожа от желания и восхищения, он, пылкий и безумный, шептал ей восторженные слова и прижимал руки к сердцу, словно вознося хвалебный гимн божеству:

– Как вы прекрасны!.. Я не знал, что в мире возможна такая красота. Не улыбайтесь больше!.. Ваша улыбка сводит с ума... Ее хотели стереть с вашего лица, чтобы больше никто никогда ее не увидел... Вас хотели заставить плакать... О! Улыбайтесь только мне, умоляю...

И уже тише, со страстью:

– Жозефина Бальзамо... Какое нежное имя! И как добавляет вам таинственности! «Ведьма!» – сказал Боманьян? Нет, чародейка! Вы возникаете из темноты, как луч света, как солнце... Жозефина Бальзамо... волшебница... чаровница... Я словно только сейчас про-

зрел!.. Сколько счастья я вижу впереди!.. Моя жизнь началась в ту минуту, когда я заключил вас в объятия... Других воспоминаний у меня нет... Я уповаю только на вас... Боже мой! Боже мой! Как вы прекрасны! Мне хочется плакать...

Он говорил все это, склонившись над ней, и его губы почти касались ее губ, но едва ошутимый поцелуй, сорванный украдкой, был единственной лаской, которую он себе позволил. Улыбка Жозефины Бальзамо таила в себе не только негу, но и такую душевную чистоту, что Рауля охватил благоговейный трепет, и со всей преданностью юной души он закончил свои восторги обещанием:

– Я помогу вам. Другие не смогут причинить вам зла. Если вы хотите добиться той же цели, что и ваши враги, обещаю вам – вы ее добьетесь. Вдали от вас или подле вас, но я – тот, кто всегда защитит и спасет... Верьте в мою преданность...

Наконец он заснул, бормоча клятвы, в которых не было особого смысла, и это был глубокий целительный сон без сновидений – сон ребенка, которому необходимо восстановить истощенные силы...

Зазвонил церковный колокол. Проснувшись, Рауль в полном недоумении считал удары:

– Одиннадцать часов утра – но этого не может быть!

Сквозь щель в деревянном щите и прорехи в соломенной крыше амбара просачивался дневной свет. Вспыхивали солнечные лучи.

– Где вы? – спросил он. – Я вас не вижу.

Фонарь давно погас. Юноша подбежал к ставню и дернул его на себя – чердак сразу наполнился светом. Жозефина Бальзамо исчезла.

Он бросился к тюкам сена, яростно расшвырял их, сбрасывая через люк вниз. Никого. От Жозефины Бальзамо не осталось и следа.

Рауль спустился, осмотрел сад, обошел ближайшее поле, выбежал на дорогу. Все напрасно. Несмотря на рану, на невозможность ступить на ногу, она покинула убежище, прыгнув на землю, а потом прошла через сад, через поле...

Он вернулся в амбар и тщательно осмотрел все уголки. Результат не заставил себя ждать. Прямо на полу лежал прямоугольный кусок картона.

Рауль поднял его. Это была фотография графини Калиостро. На обратной стороне он увидел две написанные карандашом строчки: «Я благодарна моему спасителю, но пусть он не пытается увидеть меня снова».



Глава 5

Один рожок из семи



В некоторых сказках герой попадает в водоворот невероятных приключений и в конце концов понимает, что был просто игрушкой судьбы. Найдя свой велосипед, который он накануне спрятал за насыпью, Рауль вдруг задумался, не стал ли он жертвой собственных грез – то занимательных, красочных, то жутких, но непременно оставляющих по себе осадок разочарования.

Однако он не поддался этой мысли. Правда цепко держала его благодаря фотокарточке, которую он сжимал в руке, и, возможно, пьянящему воспоминанию о поцелуе, украдкой сорванном у Жозефины Бальзамо. Это была достоверность, от коей он не мог отказаться.

Только сейчас юноша впервые подумал – испытывая угрызения совести, которые, впрочем, сразу же отогнал, – о Клариссе д’Этиг и о восхитительных часах, проведенных с ней прошлым утром. Но в возрасте Рауля такая неблагодарность и сердечные противоречия нередки; ему казалось, что он раздвоился и что одна его часть продолжает любить, бессознательно приберегая эту любовь для будущего, а другая – неистово отдается порывам новой страсти. Образ Клариссы возник перед его глазами, смутный и печальный, словно бы мерцающий в глубине маленькой часовни с дрожащими огоньками свечей, где он мог бы время от времени молиться. Но графиня Калиостро вдруг стала единственным божеством, которому можно поклоняться, деспотичным и ревнивым божеством, не позволяющим скрывать от него ни единой мысли, ни единого секрета.

Рауль д’Андрези (будем по-прежнему называть так того, кто когда-нибудь прославит имя Арсена Люпена) никогда не любил. И причиной тому была скорее нехватка времени, чем возможностей. Сгорая от честолюбия, но не зная, на каком поприще и какими средствами осуществить свои мечты о славе, богатстве и власти, он растрачивал себя повсюду, чтобы быть готовым встретить вызов судьбы. Ум, дух, воля, ловкость, мышечная сила, гибкость, выносливость – он развивал все свои дарования до предела, поражаясь, что этот предел всегда отступал под влиянием его усилий.

В отсутствие других возможностей ему приходилось пока ограничиваться этим. Сирота, один на всем белом свете, без друзей, без родни, без профессии, он все-таки жил. Как? Он не смог бы ясно ответить, да и не слишком об этом задумывался. Он просто жил. И справлялся со своими потребностями и желаниями в соответствии с обстоятельствами.

«Удача на моей стороне, – говорил он себе. – Надо идти вперед. Чему быть, того не миновать. И, я полагаю, это будет нечто великолепное».

Встретив на своем пути Жозефину Бальзамо, Рауль сразу почувствовал: чтобы завоевать ее, ему нужно употребить всю накопленную энергию.

Жозефина Бальзамо в его глазах не имела ничего общего с тем «дьявольским созданием», которое Боманьян пытался представить беспокойному воображению своих друзей. Все

эти кровавые картины, эта вереница преступлений и вероломств, эта ведьминская мишура растаяли, как страшный сон, при взгляде на фотографию молодой женщины с ясными глазами и девически нежным ртом.

– Я разыщу тебя, – поклялся он, покрывая портрет поцелуями, – и ты полюбишь меня так же, как я тебя, и ты станешь моей возлюбленной, самой верной и самой обожаемой из всех женщин на свете. Твоя жизнь уже не будет для меня загадкой. То, что смущает и пугает других, – твой дар ясновидения, твои чудеса, твоя вечная молодость и твои хитроумные уловки, – над всем этим мы будем смеяться вместе. Ты станешь моей, Жозефина Бальзамо.

Рауль и сам понимал, что эта клятва звучит как дерзкое хвастовство. Откровенно говоря, Жозефина Бальзамо внушала ему страх, и он испытывал к ней чувство, похожее на раздражение, – как ребенок, который хочет быть на равных со взрослыми, но вынужден пока подчиняться тому, кто сильнее.

Два дня он сидел, запершись в своей комнатенке на первом этаже постоянного двора, окна которой выходили в яблоневый сад. Он провел два дня в размышлениях и ожидании, а затем долго бродил по нормандской глуши – по тем местам, где была вероятность встретить Жозефину Бальзамо.

Рауль предполагал, что молодая женщина, все еще не оправившаяся от пережитого, вряд ли вернется в свою парижскую квартиру: убийцы наверняка считали ее мертвой, а чтобы отомстить им и достичь желанной цели, ей нельзя было слишком удаляться от поля боя.

На третий день вечером он обнаружил на столе в своей комнате букет апрельских цветов: барвинков, нарциссов, первоцветов. Он спросил хозяина постоянного двора. Тот никого не видел.

«Это от нее», – подумал он, целуя цветы, только что сорванные ее рукой.

Четыре дня кряду он прятался в глубине сада за сараем. Когда рядом раздавались чьи-то шаги, его сердце начинало учащенно биться. И каждый раз, испытав разочарование, он чувствовал настоящую боль. Но вечером четвертого дня, в пять часов, между деревьями послышался шелест ткани. Рауль успел заметить край платья. Он уже бросился было вперед, но тут же остановился, сдерживая гнев.

Он узнал Клариссу д'Этиг.

В руках у нее был в точности такой же букет. Она быстро прошла через сад и, поравнявшись с комнатой, которую занимал Рауль, положила цветы на подоконник.

Когда она возвращалась, Рауль увидел ее лицо и был поражен его бледностью. Щеки потеряли всегдашнюю свежесть, а запавшие глаза свидетельствовали о страдании и бессонных ночах.

«Я буду много страдать из-за тебя», – говорила она ему, не подозревая, что ее страдания начнутся так скоро, что тот самый день, когда она отдалась Раулю, станет днем и их последней встречи, и его необъяснимого исчезновения.

Рауль вспомнил эти пророческие слова. Рассердившись на нее за то зло, что сам ей причинил, в ярости оттого, что ошибся в своих надеждах и цветы принесла не та, кого он ждал, а Кларисса, – он не стал ее окликать.

И однако, именно Клариссе, которая разрушила свой последний шанс на счастье, он был обязан драгоценным указанием, открывшим ему глаза на происходящее. Спустя час он заметил спрятанное в ставне письмо и, распечатав конверт, прочел следующее:

Любовь моя, неужели между нами все кончилось? Но ведь это не так, правда? Скажи мне, что я плачу напрасно!.. Ведь не может такого быть, что тебе уже наскучила твоя Кларисса!

Любовь моя, сегодня вечером все уезжают на поезде и вернутся только завтра к ночи. Ты придешь, да? Ты не заставишь меня снова плакать?.. Приходи, любимый...

Жалостные, горькие строки!.. Однако Рауль не был ими тронут. Он думал об этом отъезде и вспоминал обвинение Боманьяна: «Зная, что мы собираемся обыскать от подвала до чердака старинное аббатство в окрестностях Дьеппа, она бросилась туда...»

Не это ли было целью готовившегося путешествия? И не настал ли для Рауля подходящий момент, чтобы включиться в борьбу и понять подоплеку всех загадочных событий?

В тот же вечер, в семь часов, одевшись, как местные рыбаки, и до неузнаваемости изменив лицо с помощью охры, он сел в один поезд с бароном д'Этигом и Оскаром де Беннето; как они, он дважды пересаживался с поезда на поезд и вместе с ними вышел на маленькой станции, где и переночевал.

На следующее утро д'Ормон, Рольвиль и Ру д'Этье явились в шарабане встречать двоих своих друзей. Рауль нанял фиакр и поехал за ними следом.

Проехав километров десять, шарабан остановился перед длинным обветшалым зданием, известным как Шато-де-Гёр. Подойдя к открытым воротам, Рауль увидел, что в парке снуют толпа рабочих, которые переворачивают землю в аллеях и на газонах.

Было десять часов утра. На крыльце подрядчики принимали пятерых своих компаньонов. Рауль незаметно вошел, смешался с рабочими и расспросил их. Так он узнал, что Шато-де-Гёр недавно был куплен маркизом де Рольвилем и что сегодня утром начались работы по перепланировке парка.

Рауль услышал, как один из подрядчиков отвечает барону:

– Да, месье, мы получили указания. Если мои люди найдут в земле монеты, предметы из металла, железа, меди, им велено принести их за вознаграждение.

Было очевидно, что все эти распоряжения отдавались с единственной целью – что-то найти. «Но что именно?» – задавался вопросом Рауль.

Он прогулялся по парку, обошел замок и спустился в винный погреб.

К половине двенадцатого он так ничего и не отыскал, однако мысль о необходимости действовать овладевала им все сильнее. Любое промедление увеличивало шансы противников на то, что они опередят его в поисках.

В это время пятеро друзей стояли позади замка на длинной эспланаде, выходившей в парк. Ее ограждала невысокая балюстрада, разделенная через равные промежутки двенадцатью кирпичными балясинами, служившими цоколями для старинных каменных ваз, среди которых почти не осталось целых.

Группа рабочих, вооруженных кирками, как раз приступила к сносу этой балюстрады. Рауль задумчиво наблюдал за ними, спрятав руки в карманы, не выпуская изо рта сигарету и нимало не заботясь о том, что его присутствие в этом месте может выглядеть странным.

Годфруа д'Этиг набивал гильзу табаком. Не найдя спичек, он подошел к Раулю и попросил прикурить.

Рауль протянул ему свою сигарету; пока барон прикуривал, в уме юноши возник целый план, малейшие детали которого выстроились в логической последовательности. Но нужно было торопиться. Рауль снял берет, и его тщательно уложенная шевелюра, мало похожая на спутанные гривы матросов, рассыпалась прядями. Барон д'Этиг внимательно посмотрел на него и, узнав, пришел в ярость:

– Опять вы? Да еще в гриме! Что это за ухищрения? Как вообще у вас хватило наглости заявиться сюда? Я уже ответил самым решительным образом, что брак между вами и моей дочерью невозможен.

Рауль схватил его за руку и повелительно сказал:

– Не нужно устраивать скандал. Мы оба от него потеряем. Приведите ваших друзей.

Годфруа попытался вырваться.

– Приведите своих друзей, – повторил Рауль. – Я приехал оказать вам услугу. Что вы ищете? Канделябр, не правда ли?

– Да, – вырвалось у барона против воли.

– Канделябр с семью рожками, верно? Я знаю, где он спрятан, и позднее дам вам другие указания, которые пригодятся в вашем деле. Вот тогда мы и поговорим о мадемуазель д'Этиг. А пока не будем даже упоминать о ней... Зовите же ваших друзей. Скорее!

Годфруа колебался, но обещания и заверения Рауля произвели на него впечатление. Он сделал знак друзьям, и те немедленно подошли.

– Я знаю этого молодого человека. По его словам, мы, может быть, найдем...

Рауль прервал его.

– Нет никакого «может быть», месье. Я родом из этих мест. И еще ребенком играл в этом замке с детьми старого садовника, который был также и здешним сторожем. Он часто показывал нам кольцо, вделанное в стену одного из погребов. «Там тайник, – пояснял он, – я своими глазами видел, как туда прятали старинные вещи – подсвечники, настенные часы...»

Эти откровения сильно взволновали друзей Годфруа.

Беннето поспешно возразил:

– Погреба? Но мы их уже осмотрели.

– Значит, недостаточно тщательно, – возразил Рауль. – Я сам покажу вам...

Они направились к лестнице, ведущей в подвал. Высокие двери, несколько ступенек – и они оказались перед сводчатой галереей.

– Третий налево, – сказал Рауль, который во время поисков хорошо запомнил расположение залов. – Постойте... вот здесь.

И он указал на низкое темное помещение, похожее на склеп, при входе в которое всем пятерым пришлось нагнуться.

– Ничего не видно, – пожаловался Ру д'Эстье.

– Действительно, – подтвердил Рауль. – Но вот спички, и я заметил огарок свечи на ступеньках лестницы... Одну минуту... я сейчас вернусь.

Он закрыл дверь подвала на ключ, вынул его и ушел, крикнув пленникам:

– Давайте зажигайте все семь рожков канделябра! Вы найдете его под последней плитой, тщательно обмотанным паутиной...

Еще не успев выйти наверх, он услышал, как пятеро друзей яростно колотят в дверь, и подумал, что эта дверь, хлипкая и вдобавок источенная червями, выдержит лишь несколько минут. Но и такой передышки ему было достаточно.

Одним прыжком он вспрыгнул на эспланаду, взял кирку из рук рабочего, побежал к девятой балясине на балюстраде и сбросил с нее каменную вазу. Затем атаковал растрескавшуюся капитель, венчавшую балясину, и она тотчас рассыпалась на куски. Балясина была наполнена смесью земли с галечником, из которой Рауль без труда вытащил проржавевший насквозь металлический стержень, оказавшийся одним из рожков большого литургического канделябра, какие мы видим на некоторых алтарях.

Вокруг Рауля собирались рабочие; глядя на предмет, которым он размахивал, они удивленно вскрикивали. Это была первая находка за все утро.

Сохраняя хладнокровие, Рауль взял металлический стержень и сделал вид, что возвращается к пятерым друзьям. Но как раз в эту минуту из-за дальнего угла замка выбежал Рольвиль, а за ним и остальные с криками:

– Держите вора! Хватайте его!

Рауль нырнул в толпу рабочих и затерялся среди них. Это было глупо – впрочем, как и все его поведение последнее время: ведь если он хотел завоевать доверие барона и его друзей, ему не следовало запираить их в подвале и красть то, что они искали. Но Рауль боролся за Жозефину Бальзамо и не имел другой цели, кроме той, чтобы при случае вручить ей трофей, который он только что завоевал. Поэтому теперь он спасался бегством.

Путь к главным воротам был ему заказан; он обогнул пруд, по дороге увернувшись от двух мужчин, пытавшихся его схватить, и, спасаясь от преследователей, которые с бешеными воплями неслись метрах в двадцати позади него, выбежал в огород, окруженный со всех сторон неприступно высокими стенами.

«Проклятие, – подумал он, – я окружен. Меня загонят, как дичь... Что за невезение!»

С левой стороны огород граничил с деревенской церковью, и церковное кладбище заходило на территорию огорода в виде небольшого огороженного участка, когда-то служившего местом захоронения обитателей Шато-де-Гёр. Он был обнесен массивной решеткой, а вокруг нее тесно росли тисовые деревья. Но в ту самую минуту, когда Рауль мчался вдоль этой ограды, в ней приоткрылась маленькая калитка и чья-то рука, схватив молодого человека за запястье, потянула его за собой; пораженный Рауль только-только успел заметить в темноте женщину, как она сразу же захлопнула калитку прямо перед носом преследователей. Он скорее угадал, чем узнал Жозефину Бальзамо.

– Пойдемте, – сказала она, заходя за тисовые деревья.

В стене была открыта другая калитка, выходящая на сельское кладбище.

Около церкви стояла старомодная обшарпанная берлина¹⁰ – из тех, что уже не встретишь нигде, кроме сельской местности, – запряженная двумя тощими клячами. На козлах сидел кучер с седеющей бородой; из-под синей ливреи выпирала сторбленная спина. Графиня и Рауль бросились к карете. Никто их не видел.

Она сказала кучеру:

– Леонар, езжай в Люнре, а потом в Дудвиль. Скорее!

Церковь стояла на окраине села, а Люнре находилось в стороне от густонаселенных мест. Дорога постепенно набирала высоту, устремляясь к плоскогорью. Тощие клячи несли ездоков прочь со скоростью чистокровных рысаков, легко берущих горки и накаты ипподрома.

Что же касается берлины, то, несмотря на ее жалкий вид, внутри она оказалась просторной, удобной, защищенной от любопытных взглядов деревянными решетками и так располагала к откровенности, что Рауль тут же упал на колени и дал волю своему любовному восторгу.

Он задыхался от радости. Была ли графиня оскорблена или нет, но он решил, что эта вторая встреча, случившаяся в таких необычных обстоятельствах, да еще после недавней ночи ее чудесного спасения, установила между ними особые отношения, позволяющие миновать несколько этапов и сразу перейти к признанию в любви.

Рауль сделал его одним махом и с такой непосредственностью, что, казалось, обезоружил бы и самую неприступную женщину.

– Вы? Это вы? Какой неожиданный поворот! В тот момент, когда толпа уже готова разорвать меня на части, из темноты возникает Жозефина Бальзамо и тоже приходит мне на помощь! О, как я счастлив и как сильно люблю вас! Люблю уже давным-давно... Целых сто лет! Да, любви во мне хватит на сто лет... Давнишняя любовь – и молодая, как вы... и прекрасная, как вы!.. Невозможно без волнения смотреть на вас! Это радость – и в то же время отчаяние оттого, что невозможно, как бы я ни мечтал, заключить в объятия всю вашу красоту! Выражение вашего взгляда, вашей улыбки – все это так и останется неуловимым...

Вдруг он вздрогнул и прошептал:

– О! Ваши глаза обратились ко мне! Значит, вы не сердитесь на меня? Вы не против того, что я говорю вам о любви?

Она приоткрыла дверцу кареты:

– А если я попрошу вас выйти?

– Я откажусь.

– А если позову на помощь кучера?

¹⁰ Берлина – дорожная карета.

– Я убью его.

– А если я выйду сама?

– Я продолжу свое признание, стоя на дороге.

Она рассмеялась:

– Я вижу, у вас на все есть ответ. Оставайтесь. Но хватит безумств! Лучше расскажите мне, что с вами случилось и почему эти люди вас преследовали.

Ликуя, он ответил:

– Да, я вам все расскажу, потому что вы не отвергаете меня... потому что вы принимаете мою любовь.

– Я ничего не принимаю, – возразила она, смеясь. – Вы засыпали меня своими признаниями, хотя совсем меня не знаете.

– Я вас не знаю?!

– Вы едва видели меня ночью, при свете фонаря.

– А днем, до наступления ночи, разве я не видел вас? Разве у меня не было времени любоваться вами на этом отвратительном сборище в Этиговых Плетнях?

Она впервые посмотрела на него серьезно:

– А, вы тоже там были?..

– Да, я был там! – сказал он с веселым задором. – Я был там, и я знаю, кто вы! Дочь Калиостро, я вас знаю! Долой маску! Наполеон I был с вами на «ты»... Вы предали Наполеона Третьего, служили Бисмарку, из-за вас покончил с собой доблестный генерал Буланже! Вы принимаете ванны с эликсиром молодости. Вам сто лет... и я люблю вас.

С ее чистого лба все не сходила тонкая морщинка беспокойства, и она повторила:

– А, вы были там... я так и предполагала. Мерзавцы, как они мучили меня! И вы слышали их ужасные обвинения?

– Я слышал разные глупости! – воскликнул Рауль. – И видел банду фанатиков, которые ненавидят вас, как ненавидят все прекрасное. Однако же это безумие и вздор. Не будем думать о таком сегодня. Я хочу верить в то, что с каждым вашим шагом у вас под ногами распускаются цветы. Я хочу верить в вашу вечную молодость. Хочу верить, что вы бы не умерли, даже если бы я вас не спас. Хочу верить, что я люблю волшебницу и что вы вышли ко мне из ствола тиса.

Ее лицо прояснилось, и она кивнула:

– Чтобы попасть в сад Гёр, я прошла через эту старую калитку, благо ключ от нее торчал в замке, и, зная, что сегодня утром здесь начнут раскопки, была начеку.

– Говорю же вам, это чудо! И разве только оно одно? Уже недели и месяцы, а может, и больше, в этом парке ищут канделябр; а мне, чтобы найти его за несколько минут прямо в гуще толпы на глазах наших противников, понадобилось всего лишь этого захотеть и подумать об удовольствии, которое он вам доставит.

Она была ошеломлена:

– Как? Вы хотите сказать, что... вы нашли?..

– Не сам канделябр, нет, но один из его рожков. Вот он.

Жозефина Бальзамо схватила рожок и впиалась в него глазами. Это был округлый, довольно прочный, со слегка гофрированной поверхностью стержень, металлический блеск которого едва пробивался сквозь толстый слой патины. На одном конце, немного сплюсненном, блестел крупный фиолетовый камень-кабошон.

– Да-да, – прошептала она. – Никакого сомнения. Рожок был спилен прямо у основания. О, вы и представить не можете, как я вам признательна!..

Рауль в нескольких ярких словах описал свое приключение.

Молодая женщина не могла прийти в себя от изумления:

– Но как вы догадались? Почему вы разрушили именно девятую балясину, а не какую-то другую? Случайность?

– Все нет, – ответил он. – Уверенность. Из двенадцати балясин одиннадцать были установлены раньше конца семнадцатого века. А девятая – позже.

– Откуда вы это знаете?

– Потому что одиннадцать других сложены из кирпичей такого размера, какой не используется уже двести лет, а те, из которых сложена девятая, изготавливаются до сих пор. Значит, девятую разрушили, а потом переделали. Зачем, если не для того, чтобы спрятать в ней этот предмет?

Жозефина Бальзамо долго молчала. А затем медленно произнесла:

– Это невероятно... Никогда бы не подумала, что можно найти ответ таким способом... и так быстро!.. там, где все прочие потерпели неудачу... – И добавила, помолчав: – Просто чудо...

– Чудо любви, – подхватил Рауль.

Берлина неслась с невероятной скоростью, то и дело сворачивая на боковые дороги, держась подальше от деревень. Ни подъемы, ни спуски не уменьшали неистового рвения двух тощих лошадей. Справа и слева тянулись равнины, при взгляде из окошек кареты похожие на кадры из кинофильма.

– Боманьян был там сегодня? – спросила графиня.

– Нет, – ответил Рауль, – к счастью для него.

– Почему к счастью?

– Потому что я бы его придушил. Ненавижу этого злобного субъекта.

– Я ненавижу его больше вас, – резко ответила она.

– Но вы не всегда его ненавидели, – заметил он, не в силах сдержать ревность.

– Ложь и клевета, – спокойно возразила Жозефина Бальзамо. – Боманьян – хвостун и сумасброд, обуреваемый гордыней; из-за того, что я отвергла его любовь, он желал моей смерти. Все это я тогда и сказала, и ему было нечего возразить.

Охваченный радостным волнением, Рауль вновь упал на колени.

– Ах, как сладко слышать эти слова! – воскликнул он. – Так вы его никогда не любили? Какое облегчение! Действительно, разве такое можно вообразить? «Жозефина Бальзамо теряет голову от Боманьяна!»

Он рассмеялся и захолопал в ладоши.

– Послушайте, я больше не хочу вас так называть. «Жозефина» – неблагозвучное имя. Я буду звать вас Жозиной – вы согласны? Итак, я буду звать вас Жозиной, как звали вас Наполеон и ваша матушка де Богарне. Вы не против? Вы Жозина... моя Жозина...

– Но прежде всего – уважение, – сказала она, улыбаясь его ребячеству. – Я – не ваша Жозина.

– Уважение! Да я преисполнен им! Как! Мы прячемся здесь, в этой темноте... Вы беззащитны, а я склоняюсь перед вами, как перед божеством. И я боюсь! Я дрожу! Даже если бы вы протянули мне руку для поцелуя, я бы все равно не осмелился!..



Глава 6

Полицейские и жандармы



На протяжении всей поездки он неустанно выражал ей свое восхищение. Весьма вероятно, что графиня Калиостро была права, когда избавила его от испытания, не протянув руку для поцелуя. Но, по правде говоря, если он поклялся себе завоевать молодую женщину и твердо решил исполнить эту клятву, то сдержанность и учтивость позволяли ему лишь обольщать ее любовными излияниями.

Слушала ли она его? Иногда да, как слушают ребенка, трогательно признающего в своей к вам привязанности. А иногда она замыкалась в себе, погружаясь в свои мысли, и это приводило Рауля в замешательство.

В конце концов он воскликнул:

– Ах, поговорите со мной, прошу вас. Я пытаюсь шутить о том, о чем не осмеливаюсь сказать серьезно. Но в глубине души я боюсь вас и сам не знаю, что говорю. Умоляю вас, ответьте. Всего несколько слов, чтобы вернуть меня в реальность.

– Всего несколько слов?

– Да, не более.

– Ну что ж, вот они. Мы сейчас недалеко от железнодорожной станции Дудвиль, и она ждет вас.

Рауль с негодованием скрестил руки на груди:

– А вы?

– Я?

– Да, что с вами будет, когда вы останетесь в одиночестве?

– Боже мой, – ответила она, – ну как-нибудь выйду из положения, как делала это до сих пор.

– Это невозможно! Вам больше не обойтись без меня. Вы вступили в схватку, где моя помощь необходима. Боманьян, Годфруа д’Этиг, принц Аркольский – бандитов так много, и все они мечтают уничтожить вас.

– Они думают, что я умерла.

– Тем более. Если вы умерли, то как полагаете действовать?

– Не беспокойтесь. Я буду действовать так, что они меня не увидят.

– Но ведь гораздо проще действовать через меня! Нет, пожалуйста, – и на этот раз я говорю серьезно! – не отказывайтесь от моей помощи. Есть вещи, которые женщина не может делать в одиночку. Ведь даже одно то, что вы преследуете ту же цель, что эти люди, и воюете с ними, позволило им организовать против вас самый гнусный заговор. Они так составили обвинение и представили такие убедительные... по крайней мере на первый взгляд... доказательства, что на какое-то мгновение я поверил, будто Боманьян обрушил свой праведный гнев на ведьму и преступницу.

Не сердитесь на меня. Как только вы вскинули голову, я сразу понял свою ошибку. Боманьян и его сообщники – просто отвратительные трусливые палачи. В своем достоинстве вы были неизмеримо выше их, и сегодня в моей памяти не осталось и следа от клеветы, которую на вас обрушили. Но вы должны позволить мне помочь вам. Если я обидел вас выражением своих чувств, то обещаю впредь хранить о них молчание. Прошу лишь одного: позвольте мне посвятить вам мою жизнь, как посвящают ее тому, что есть красота и целомудрие!

Она уступила. Городок Дудвиль остался позади. Спустя некоторое время, оказавшись на дороге, ведущей в Ивто¹¹, берлина въехала в обсаженный буками двор фермы и остановилась.

– Пойдемте, – сказала графиня. – Эта ферма принадлежит славной женщине – матушке Вассёр; ее постоянный двор находится неподалеку, и я нанимала ее кухаркой. Иногда я приезжаю сюда на два-три дня отдохнуть. Мы здесь пообедаем... Леонар, уезжаем через час.

Они вернулись на дорогу. Бальзамо шла вперед легким шагом, словно юная девушка. На ней были серое платье, облегающее в талии, и сиреневая шляпа с бархатными лентами и букетиками фиалок. Рауль д'Андрези шел немного сзади и не сводил с нее глаз.

За первым поворотом показалось небольшое белое здание, крытое соломой, а перед ним – цветущий садик. Они переступили порог и сразу очутились в столовой, которая занимала весь первый этаж.

– Я слышу мужской голос, – сказал Рауль, указывая на одну из боковых дверей.

– Это как раз та комната, где матушка Вассёр подает мне обед. Сейчас она там, вероятно, с какими-то крестьянами.

Не успела она это сказать, как дверь открылась и на пороге появилась женщина преклонных лет в бумазейном фартуке и деревянных башмаках.

При виде Жозефины Бальзамо она как будто испугалась и сразу закрыла за собой дверь, невнятно пробормотав несколько слов.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила графиня.

Матушка Вассёр упала на стул и прошептала:

– Уходите... бегите... скорее...

– Но почему? Говорите же! Объяснитесь...

В ответ она с трудом произнесла:

– Полиция... вас ищут... перерыли всю комнату, где я поставила ваши сундуки... послали за жандармами... Бегите, или вы пропали!

Настала очередь графини пошатнуться, и она прислонилась к буфету, почти теряя сознание. Ее глаза встретились с глазами Рауля, и в них было столько мольбы, что он понял: она действительно упала духом и молит его о помощи.

Рауль стоял в недоумении. Наконец он спросил:

– Какое вам дело до жандармов? Они ищут не вас... Что происходит?

– Нет-нет, – возразила матушка Вассёр, – они ищут именно ее... бегите...

Сильно побледнев и еще не успев осознать истинное значение этой сцены, о трагической подоплеке которой он догадывался, Рауль схватил графиню за руку, потащил к выходу и вытолкнул наружу.

Но, ступив за порог первой, она в ужасе отпрянула и прошептала:

– Жандармы!.. Они меня заметили!..

Они поспешно вернулись в дом. Матушка Вассёр дрожала всем телом и бестолково повторяла:

– Жандармы... полиция...

– Тише! – прервал ее Рауль, не теряя самообладания. – Тише! Я беру все на себя. Сколько полицейских в доме?

¹¹ *Ивто* – город в Нормандии, недалеко от Руана.

– Двое.

– И еще двое жандармов. Значит, силой ничего не решить, мы окружены. Где сундуки, которые они обыскали?

– Наверху.

– А лестница?

– Вон за той дверью.

– Хорошо. Ждите здесь и постарайтесь ничем себя не выдать. Повторяю: я беру все на себя!

Он снова взял графиню за руку и направился к указанной двери. Лестница, крутая и узкая, вела в мансарду, где обнаружили распотрошенные сундуки и раскиданные повсюду платья и белье. Не успели они войти в комнату, как послышался топот вернувшихся в столовую полицейских, а когда Рауль подкрался к окошку, проделанному в соломенной крыше, и выглянул наружу, то увидел двух жандармов, которые, спешившись, привязывали лошадей к столбику в саду.

Жозефина Бальзамо не шевелилась. Рауль заметил, что от страха ее лицо разом осунулось и постарело.

Он сказал ей:

– Скорее! Вам нужно переодеться. Наденьте какое-нибудь из ваших платьев... лучше черное.

Он отвернулся к окну и стал смотреть вниз, где переговаривались о чем-то жандармы и полицейские. Когда графиня закончила свой туалет, Рауль надел на себя серое платье, в котором она приехала. Юноша был худощав, изящно сложен: платье, низ которого он приспустил, чтобы прикрыть ноги, удивительно шло ему; и он выглядел таким довольным от этого переодевания и таким беззаботным, что молодая женщина тоже успокоилась.

– Послушайте-ка их, – сказал юноша.

Разговор, который вели четверо мужчин на пороге дома, доносился до них совершенно отчетливо, и они слышали, как один из них – без сомнения, жандарм – повелительно спрашивает:

– Так вы уверены, что она иногда жила здесь?

– Совершенно уверен... тому и доказательство есть: один из двух сундуков, которые она оставила на хранение, подписан ее именем: госпожа Пеллегрини. И потом, матушка Вассёр – достойная женщина, разве не так?

– Достойнее матушки Вассёр нет никого на свете; вся округа это знает!

– Так вот! Матушка Вассёр заявляет, что эта госпожа Пеллегрини приезжала время от времени провести у нее несколько дней.

– Черт возьми! Между двумя ограблениями.

– Именно так.

– Выходит, эта Пеллегрини – крупная рыба?

– Еще какая! Кражи со взломом. Мошенничество. Хранение краденого. Словом, это непростое дело... вдобавок у нее куча сообщников.

– У вас есть описание примет?

– И да, и нет. У нас есть два совершенно разных портрета. Один – давнишний, другой – недавний. Что касается ее возраста, то он указан как «от тридцати до шестидесяти».

Они расхохотались, потом суровый голос продолжил:

– Но вам удалось выйти на след?

– И да, и нет. Две недели назад она орудовала в Руане и Дьеппе. Потом ее след затерялся. Он снова возник на железной дороге, но там мы опять его потеряли. Поехала ли она дальше до Гавра или сделала пересадку на Фекан? Проверить это невозможно. Она просто исчезла. А мы в тупике.

– А почему вы приехали сюда?
– Случайно. Один служащий на вокзале, доставлявший сюда багаж, вспомнил, что на одном из сундуков увидел имя Пеллегрини, полузакрытое оторвавшейся наклейкой.
– Вы опрашивали других пассажиров или здешних постояльцев?
– О, постояльцев здесь почти не бывает!
– Однако мы видели какую-то даму, когда приехали.
– Даму?
– Совершенно точно. Мы еще не успели спешиться, когда она вышла из дома, через эту дверь. Правда, она сразу же вернулась, как будто не хотела, чтобы ее заметили.
– Не может быть!.. Дама, одна, на постоялом дворе?..
– Некая особа в сером платье. Опознать ее мы не сможем. Но вот серое платье – да... И шляпу тоже... шляпу с лиловыми цветами...

Четверо мужчин замолчали.

Весь этот разговор Рауль и графиня выслушали, глядя друг другу в глаза и не проронив ни звука. При упоминании каждой новой подробности лицо Рауля становилось все жестче. В ее же лице не дрогнула ни одна черточка.

– Они идут... идут... – глухо сказала молодая женщина.

– Да, – отозвался он. – Пора действовать... они вот-вот поднимутся и застанут вас в этой комнате.

Жозефина не стала избавляться от шляпы. Рауль только слегка отогнул на ней поля, убрал лиловые цветы и завязал ленты под подбородком – так, что лица почти не было видно. И напоследок дал указания:

– Я освобожу для вас путь. При первой же возможности отправляйтесь спокойно во двор фермы, где стоит ваша берлина. Садитесь в нее, и пусть Леонар держит вожжи наготове...

– А вы? – спросила она.

– Я присоединюсь к вам через двадцать минут.

– А если они вас арестуют?

– Меня не арестуют, и вас тоже. Только никакой спешки. Не бегите. Сохраняйте хладнокровие.

Рауль подошел к окну и посмотрел вниз. Стражи порядка как раз входили в дом. Он перелез через подоконник, спрыгнул в сад и, вскрикнув, словно испугавшись, что его увидели, бросился бежать со всех ног.

Позади него тут же раздались вопли.

– Это она!.. Серое платье, сиреневая шляпа! Стой, или я буду стрелять!..

Одним прыжком Рауль перелетел дорогу и оказался на пашне... затем взобрался по склону и прошел через какую-то ферму. За ней возник новый склон... новая пашня... Потом тропинка, огибающая еще одну ферму между двумя колючими изгородями...

Он обернулся: преследователи, немного отставшие, не могли его видеть. За несколько секунд он избавился от платья со шляпой и бросил их в кусты. Торопливо нахлобучил матроскую фуражку, закурил сигарету и двинулся назад, засунув руки в карманы.

Когда он дошел до угла, ему навстречу выскочили двое запыхавшихся полицейских.

– Эй, матрос! Вам сейчас встретишься женщина? Женщина в сером?

Он подтвердил:

– Конечно... которая бежала, верно? Какая-то сумасшедшая...

– Да! Где она?

– Забежала на ферму.

– Каким образом?

– Перелезла через ограду...

– Давно?

– И двадцати секунд не прошло.

Мужчины поспешно двинулись вперед, а Рауль продолжил свой путь, да еще и приветливо поздоровался с прибывшими жандармами; так небрежным шагом он вышел на дорогу – чуть дальше постоянного двора и очень близко к повороту. Впереди, в сотне метров, виднелся двор с буками и яблонями, где ждала берлина.

Леонар восседал на козлах с хлыстом в руке. Жозефина Бальзамо сидела в карете; дверцу она оставила приоткрытой.

Рауль скомандовал:

– Леонар, в Ивто!

– Как же так! – возразила графиня. – Мы же проедем мимо постоянного двора!

– Главное, что никто не видел, как мы из него вышли. К тому же дорога пустынна... воспользуемся этим. Езжай трусцой, Леонар... В темпе порожнего катафалка, который возвращается с кладбища.

Они действительно миновали постоянный двор. И увидели, что полицейские и жандармы бредут через поля обратно. Один из них размахивал серым платьем и шляпой. Остальные возбужденно жестикулировали.

– Они нашли ваши вещи, – сказал Рауль, – и знают, чего ожидать. Теперь они ищут не вас, а меня – матроса, которого встретили по дороге. А на карету они даже не обратили внимания. И если бы им сейчас сказали, что в этой берлине скрывается госпожа Пеллегрини и ее сообщник-матрос, они бы недоверчиво расхохотались.

– Они снова допросят матушку Вассёр.

– Как-нибудь выпутается!

Когда стражи порядка остались далеко позади, Рауль велел прибавить ходу.

– О! – воскликнул он, когда лошадки рванулись вперед с первым же ударом хлыста. – Бедные клячи так долго не выдержат! Сколько они уже несутся рысью?

– С самого утра, от Дьеппа, – ответила графиня, – где я провела ночь.

– Куда мы едем теперь?

– К Сене.

– Вот это да! Шестнадцать-семнадцать лье в день в таком темпе! Это невероятно.

Она не ответила.

Между двумя передними окошками было узкое зеркальце, в котором Рауль увидел отражение Жозефины Бальзамо. На ней было темное платье и легкая ток¹² с густой вуалью, которая полностью закрывала лицо. Теперь она подняла ее и, достав из багажной сетки кожаный ридикуль, вынула из него старинное ручное зеркальце в золотой оправе, туалетные принадлежности, флаконы, помаду, щетку, кисти...

Взяв зеркало, она долго рассматривала свое усталое, постаревшее лицо.

Затем вылила на блестящую поверхность несколько капель из крохотного флакона, протерла стекло шелковой тряпочкой и снова посмотрелась в него.

Рауль сначала ничего не понял и только увидел, как сурово она разглядывает свое угрюмое отражение.

Десять-пятнадцать минут она молчала, и только взгляд ее был средоточием мысли и воли. Первой появилась слабая, робкая, как первый лучик зимнего солнца, улыбка. Через несколько мгновений она стала смелее, раскрываясь в каждой черточке лица прямо на глазах изумленного Рауля. Уголки губ приподнялись. Кожа порозовела. Плоть под ней будто напряглась. Щекам и подбородку вернулась их совершенная девическая округлость, и нежное лицо Жозефины Бальзамо засияло молодостью и красотой.

Чудо свершилось.

¹² Ток – шляпа круглой формы с узкими полями или без полей.

«Чудо ли? – подумал Рауль. – Нет. Чудо, скорее, обладать такой силой воли. Все это – результат ясной и упорной мысли, которая не допускает поражения и восстанавливает дисциплину там, где царили смятение и слабость. А остальное – флакон, волшебный эликсир – обычный спектакль».

Он взял зеркало и осмотрел его. Это явно был тот предмет, который упоминали на собрании в Этиговых Плетнях, – тот самый, которым графиня Калиостро пользовалась при встрече с императрицей Евгенией. Зеркало в узорной раме, с многочисленными вмятинами от ударов на золотой пластине сзади.

На ручке выгравирована графская корона, дата «1783» и список из четырех загадок.

Раулю захотелось уязвить Жозефину Бальзамо, и он сказал со смешком:

– Ваш отец завещал вам драгоценное зеркало. Этот талисман может исцелить от самых неприятных переживаний.

– Должна признаться, – ответила она, – что я действительно потеряла голову. Такое со мной случается редко, я не сдавалась и в более серьезных обстоятельствах.

– О! Неужто более серьезных... – с иронией отозвался он.

Больше они не обменялись ни единым словом. Лошадки по-прежнему бежали ровной рысью. Бескрайние равнины Ко, всегда похожие и всегда разные, с их фермами и рощами, пролетали мимо.

Графиня Калиостро снова опустила вуаль. Рауль почувствовал, что эта женщина, которая была так близка ему еще два часа назад и которой он так восторженно предлагал свою любовь, вдруг отдалилась, став почти чужой. Он больше не ощущал связи между ними. Таинственная душа окружила себя густым мраком, и то, что он видел, разительно отличалось от того, что он себе воображал!

Душа воровки... скрытная и мятежная душа, враг дневного света... возможно ли такое?! Как признать, что это нежное, как у невинной девы, лицо, что этот взгляд – чистый, словно родниковая вода, – всего лишь обманчивая видимость?!

Разочарование Рауля было так велико, что, когда они проезжали городок Ивто, он думал только о бегстве. Но ему не хватало решимости, и это еще больше распалило его гнев. Воспоминание о Клариссе д'Этиг пришло ему на ум... он думал о сладостных минутах, проведенных подле юной девушки, которая так доверчиво отдалась ему.

Но Жозефина Бальзамо не отпускала свою добычу. Какой бы увядшей она ему теперь ни казалась, как бы ни исказились черты его богини, она была здесь, рядом! От нее исходил пьянящий аромат. Он коснулся ее платья. Он мог взять ее руку и прикинуть губами к благоухающей коже. Она была сама страсть, само желание – о, эта волнующая тайна женского естества! И воспоминание о Клариссе д'Этиг снова померкло, растаяло без следа.

– Жозина, Жозина! – прошептал он так тихо, что она даже не услышала.

Впрочем, что толку громко кричать о своей любви, о своей боли?! Могла ли она вернуть его утраченное доверие и восстановить свою погубленную репутацию?

Они приближались к Сене. На вершине холма, полого спускавшегося к Кодбеку¹³, берлина повернула налево и покатила среди лесистых холмов, которые возвышались над долиной Сен-Вандрий. Они проехали мимо развалин знаменитого аббатства, мимо ручья, омывающего его стены, и, добравшись до реки, направились в Руан.

Вскоре берлина остановилась; Леонар высадил своих пассажиров на опушке небольшого лесочка, откуда была видна Сена, и сразу уехал. От реки их отделял только луг с дрожащими на ветру камышами.

Жозефина Бальзамо протянула руку своему спутнику и сказала:

– Прощайте, Рауль. Чуть дальше вы выйдете к станции Майёре.

¹³ Кодбек – коммуна на севере Франции в департаменте Приморская Сена.

- А вы? – спросил он.
- О! Я уже почти дома.
- Что-то я не вижу домов...
- Это вон та баржа, которая виднеется за деревьями.
- Я провожу вас.

Посреди камышей тянулась до самой воды узкая дамба.

Графиня пошла вперед, Рауль – следом за ней.

Они подошли прямо к барже, которую заслоняли от случайного взгляда прибрежные ивы. Здесь никто не мог их увидеть или подслушать. Они были совершенно одни под огромным голубым небом. Так пролетело несколько минут – из тех, что навсегда врезаются в память и сказываются на дальнейшей судьбе.

- Прощайте, – повторила Жозефина Бальзамо. – Прощайте...

Рауль колебался, глядя на ее руку, протянутую для последнего прощания.

- Вы не хотите пожать мне руку? – спросила она.
- Конечно хочу, – тихо ответил он, – но зачем прощаться?
- Потому что нам больше нечего сказать друг другу.
- Больше нечего, верно, однако мы ведь так ничего и не сказали.

Он взял обеими руками ее теплую гибкую руку и спросил:

- Те люди на постоялом дворе... их обвинения... это правда?

Он жаждал объяснения, пусть даже лживого, чтобы позволить себе сомневаться, но она словно бы удивилась и парировала:

- Какое вам до этого дело?
- То есть как?
- Можно подумать, что мое признание важно для вас.
- Что вы хотите этим сказать?

– Боже мой, все же так просто. Я бы поняла ваше волнение, если бы вы ожидали от меня признания в тех абсурдных, чудовищных преступлениях, в которых Боманьян и барон д'Этиг меня подло обвинили, но ведь сейчас вы говорите не о них.

- Тем не менее я помню их обвинения.

– Их обвинения против моих. Я же назвала им имя истинного преступника: это маркиза де Бельмонт! Но о тех преступлениях речь нынче не идет – а до того, что вы недавно случайно узнали, вам не должно быть никакого дела.

Он был ошеломлен этим неожиданным заявлением. Бальзамо непринужденно улыбнулась, глядя ему в лицо, а потом добавила с легкой насмешкой:

– Судя по всему, виконт Рауль д'Андреци обманулся в своих ожиданиях? Для виконта Рауля д'Андреци важны моральные принципы, щепетильность дворянина...

- А если так оно и есть? Что, если я действительно расстался с некоторыми иллюзиями?

– Что ж! – заметила она. – Вот вы и проговорились! Вы разочарованы. Вас влекла прекрасная мечта, но она рассеялась. Женщина предстала перед вами такой, какая она есть. Ответьте откровенно, потому что у нас с вами разговор начистоту. Сознаться, вы разочарованы?

Он сухо и коротко ответил:

- Да.

Наступило молчание. Она пристально посмотрела на него и тихо сказала:

- Я воровка, так? Вы это хотите сказать? Воровка?

- Да.

Бальзамо улыбнулась и спросила:

- А вы?

И поскольку он упорно молчал, она грубо схватила его за плечо и презрительным тоном бросила:

– Ну а ты, дружок, ты-то кто? Потому что пора уже и тебя разоблачить. Итак, кто ты?

– Мое имя Рауль д'Андреци.

– Вздор! Тебя зовут Арсен Люпен. Твой отец Теофраст Люпен, совмещавший профессию преподавателя бокса с более прибыльным ремеслом жулика, был осужден в Соединенных Штатах и заключен в тюрьму, где и умер. Твоя мать взяла свою девичью фамилию и стала приживалкой у дальнего родственника, герцога Дрё-Субиза. Однажды герцогиня обнаружила пропажу жемчужины, имевшей огромную историческую ценность, – она украшала ожерелье королевы Марии-Антуанетты. Несмотря на все усилия, так и не удалось выяснить, кто же был виновником этой кражи, совершенной с поразительной дерзостью и дьявольской ловкостью. А я знаю. Знаю! Это был ты. Тебе было тогда шесть лет.

Рауль слушал ее, сжав зубы, бледный от ярости. Он пробормотал:

– Моя мать была там несчастна, унижена, и я хотел ее освободить.

– Совершив кражу!

– Мне было всего шесть...

– Теперь тебе двадцать, твоя мать умерла, ты сильный, умный, полный энергии. Чем ты занимаешься?

– Я работаю.

– Да, с чужими карманами.

Он хотел возразить, но она не дала ему сделать это:

– Ничего не говори, Рауль. Я знаю твою жизнь до мельчайших подробностей и могла бы рассказать тебе о том, что было с тобой и в этом году, и много лет назад, потому что я давно слежу за тобой; но все, что я могу поведать, ничуть не лучше того, что ты услышал обо мне на постоялом дворе. Полицейские? Жандармы? Обыск? Преследование?.. Ты тоже прошел через все это, а ведь тебе только двадцать! Так стоит ли упрекать себя за это? Нет, Рауль. И раз уж я знаю твою жизнь, а тебе удалось заглянуть в мою, давай накинём покров на наше прошлое. Воровство выглядит не очень красиво, так что предлагаю отвернуться и промолчать.

Рауль ничего не ответил. Страшная усталость охватила его. Жизнь вдруг предстала перед ним чередой туманных тоскливых дней, в которой больше нет места ни красоте, ни благородству. Ему хотелось плакать.

– Последний раз – прощайте, Рауль, – сказала она.

– Нет, нет, – прошептал он.

– Так нужно, мой мальчик. Я могу принести тебе только зло. Не пытайся соединить свою жизнь с моей. С твоим честолюбием, энергией и талантами можно самому выбрать свой путь.

И она тихо добавила:

– Такая, как я, не нужна тебе, Рауль.

– Но почему же вы остаетесь такой? Это меня пугает...

– Мне слишком поздно меняться.

– Тогда и мне тоже.

– Нет, ты молод. Ты можешь спасти себя. Уберечься от рока, который тяготее над тобой.

– Но как же вы, Жозина?

– Это моя жизнь.

– Ужасная жизнь, от которой вы, наверное, страдаете.

– Если ты так думаешь, то почему хочешь разделить ее со мной?

– Потому что я люблю вас.

– Тем больше причин бежать от меня, мой мальчик. Твоя любовь заранее обречена. Ты будешь стыдиться меня, а я не буду тебе доверять.

– Я люблю вас.

– Это сегодня. А завтра? Рауль, ты помнишь, что я написала тебе на своей фотографии в первую ночь нашей встречи? «Не пытайтесь меня увидеть снова». Смирись. И уходи.

– Да, да... – медленно произнес Рауль д'Андрези. – Вы правы. Но страшно подумать, что между нами все заканчивается прежде, чем я даже успел понадеяться... И что вы забудете меня.

– Нельзя забыть того, кто дважды спас вам жизнь.

– Но вы забудете, что я люблю вас.

Она покачала головой:

– Я не забуду тебя.

И вдруг, снова перейдя на «вы», добавила с волнением:

– Ваша искренность, ваш энтузиазм и непосредственность... и все прочее, о чем я еще не догадываюсь... все это трогает меня бесконечно.

Его рука сжимала ее руку, и они неотрывно смотрели друг на друга. Рауль дрожал от нежности. Бальзамо тихо сказала ему:

– Когда расстанутся навеки, возвращают все, что получили в подарок. Верните мой портрет, Рауль.

– Нет-нет, никогда! – возразил он.

– Ну а я, – сказала она с такой улыбкой, что у него закружилась голова, – буду честнее и верну вам то, что вы мне подарили.

– Что же это, Жозина?

– В первую ночь... в амбаре... пока я спала, вы, Рауль, склонились надо мной, и я почувствовала ваши губы на моих губах.

Обняв Рауля за шею, она притянула его к себе, и их губы встретились.

– Ах, Жозина, – сказал он, растерявшись, – делайте со мной что хотите... но я люблю вас... люблю...

Они шли вдоль Сены. Вокруг них качались камыши. Длинные тонкие листья, колымаемые северным ветром, задевали одежду. Они шли к счастью, держась за руки и не думая ни о чем, кроме того, что вызывает у влюбленных сладостную дрожь.

– Еще одно слово, Рауль, – сказала она, останавливая его. – Одно слово. Вы должны знать, что я не потерплю соперниц. В вашей жизни нет других женщин?

– Нет.

– Ах! – сказала она с горечью. – Вот вы уже и лжете!

– Лгу?

– А Кларисса д'Этиг? У вас с ней были свидания в деревне. Вас видели вдвоем.

Рауль возразил сердито:

– А, это старая история... Пустячный флирт.

– Вы клянетесь в этом?

– Клянусь.

– Тем лучше, – сказала Бальзамо мрачно. – Тем лучше для нее. И пусть она не пытается встать между нами! Иначе!..

Рауль привлек ее к себе:

– Я люблю только вас, Жозина, и всегда любил только вас. Я лишь сегодня начал жить.



Глава 7 Прелести Капуи



Баржа называлась «Ветреница» и была похожа на многие другие баржи: довольно старая, потерявшая первоначальный цвет, но надраенная до блеска и имевшая ухоженный вид благодаря усилиям Делатров – матроса и его жены. На глазок определить, что именно перевозит баржа, было невозможно: на палубе виднелись лишь несколько ящиков, бочки да старые корзины. Но тот, кто спустился бы по трапу вниз, легко бы убедился, что она... не перевозит ничего.

Все внутреннее пространство было разделено на три небольшие, но комфортабельные и богато обставленные комнаты: две каюты и разделяющая их гостиная. Здесь Рауль и Жозефина Бальзамо прожили месяц. Супруги Делатр, молчаливые и угрюмые, с которыми Рауль несколько раз тщетно пытался завязать разговор, занимались хозяйством. Время от времени появлялся маленький буксир и вел баржу по излучине Сены.

Таким образом, все изгибы живописной реки разворачивались перед ними, открывая очаровательные пейзажи, среди которых они гуляли, обнявшись... Бротонский лес, руины Жюмьежа, аббатство Сен-Жорж, холмы Ла-Буй, Пон-де-л'Арш...

Это были недели подлинного счастья! Рауль не пытался сдерживать свои восторги. Великолепный спектакль, изумительная готическая церковь, закат и лунный свет – все становилось предлогом для пламенных признаний.

Жозина молчала, улыбаясь, как в счастливом сне. Каждый день все больше сближал ее с возлюбленным. Если сначала она повиновалась собственной прихоти, то теперь подчинялась закону любви, который заставлял ее сердце биться чаще и научил страдать из-за того, кого она любила безмерно.

О прошлом, о своей тайной жизни она не говорила никогда. Лишь однажды любовники обменялись об этом несколькими словами. Когда Рауль пошутил над тем, что он называл чудом вечной молодости, она ответила:

– Чудо – это то, что мы не понимаем. Например, мы преодолеваем двадцать лье за один день – и ты кричишь о чуде. Но если бы ты был немного внимательнее, то понял бы, что это расстояние преодолевалось не двумя, а четырьмя лошадьми: Леонар перепрягал животных в Дудвиле, во дворе фермы, где уже ждали свежие лошади.

– Отлично придумано! – воскликнул восхищенно молодой человек.

– Другой пример. Никто в мире не знает, что тебя зовут Люпен. А если я скажу, что уже в ту ночь, когда ты спас меня от смерти, я знала тебя под твоим настоящим именем?.. Чудо? Вовсе нет. Ты прекрасно понимаешь, что меня интересует все, связанное с графом Калиостро, и когда четырнадцать лет назад я услышала разговоры о похищении ожерелья королевы у герцогини де Дрё-Субиз, то провела тщательное расследование, которое позволило мне сначала узнать о юном Рауле д'Андрези, а затем добраться и до молодого Люпена, сына Теофраста

Люпена. Позднее я обнаружила твой след в нескольких делах. И в моей голове сложился твой портрет.

Рауль задумался на несколько минут, а потом серьезно произнес:

– В то время, моя Жозина, тебе было либо десять лет – и тогда удивительно, что ребенок в таком возрасте проводит расследование, которое оказалось не под силу взрослым, – либо столько же лет, сколько теперь, – и тогда это еще удивительнее, о дочь Калиостро!

Она нахмурилась. Шутка явно пришлась ей не по вкусу.

– Давай больше никогда не будем говорить об этом, хорошо, Рауль?

– Очень жаль! – отозвался Рауль, который был немного раздосадован тем, что раскрыто его настоящее имя, и жаждал реванша. – Ничто в мире не увлекает меня так, как загадка твоего возраста и твои подвиги в течение века. У меня есть на этот счет некоторые идеи, не лишённые интереса.

Жозефина Бальзамо с любопытством посмотрела на него. Рауль воспользовался этим и продолжил с легкой насмешкой:

– Мои аргументы основаны на двух аксиомах: во-первых, ты сама сказала, что нет никаких чудес, во-вторых, ты – дочь своей матери.

Она улыбнулась:

– Хорошее начало.

– Ты – дочь своей матери, – повторил Рауль, – а это означает, что первой была графиня Калиостро. Это она в двадцать пять – тридцать лет ослепляла своей красотой Париж конца Второй империи и возбуждала интерес двора Наполеона Третьего. С помощью сопровождавшего ее так называемого брата (брата, друга или любовника – не важно!) она сострепала всю историю рода Калиостро и изготовила фальшивые документы, на основании которых в полиции и писались рапорты для Наполеона Третьего о дочери Жозефины Богарне и Калиостро. После высылки эту женщину видели в Италии, в Германии... а потом она исчезла, чтобы спустя двадцать четыре года возродиться в своей обожаемой дочери – точной копии себя! – второй графиней Калиостро, здесь присутствующей. Пока все верно?

Жозефина не ответила, ее лицо оставалось бесстрастным. Рауль продолжал:

– Между матерью и дочерью – поразительное сходство. Настолько поразительное, что этим нельзя было не воспользоваться. К чему миру две графини? Пусть будет только одна – единственная, неповторимая, та самая, которая унаследовала секреты своего отца Жозефа Бальзамо, графа Калиостро. И когда Боманьян проводит собственное расследование, он, разумеется, находит документы, сбившие прежде с толку полицию Наполеона, а также миниатюру и несколько портретов, изображавших одну и ту же молодую женщину и сразу вызывавших в памяти Мадонну с картин Бернардино Луини, на которую наша героиня случайно оказалась похожа.

К тому же имеется свидетель – принц Аркольский. Когда-то он был знаком с графиней Калиостро, поскольку экстрадировал ее в Модану. Через много лет он встретил ее в Версале. И, увидев, не смог удержаться от восклицания: «Это она! И в точности такая же, как раньше!»

И тут ты добиваешь его убедительнейшим доказательством: рассказом, который ты прочитала в дневнике твоей матери... а она заносила туда все события в мельчайших подробностях!.. о том, как первая графиня Калиостро и принц обменялись в Модане несколькими словами. Уф! Вот вкратце вся твоя история. И она очень проста. Мать и дочь, удивительно похожие друг на друга; мать и дочь, чья красота вызывает в памяти картину Луини. Вот и все! Ах да, есть еще маркиза де Бельмонт. Но я полагаю, что сходство этой дамы с тобой достаточно условно и лишь расстроенное сознание господина Боманьяна могло заставить его ошибиться и принять одну за другую. Как видишь, ничего сверхъестественного, а только занятая и хорошо срежиссированная интрига. Я все сказал.

Рауль замолчал. Ему показалось, что Жозефина Бальзамо слегка побледнела и даже осунулась. Он подумал, что смог все же уязвить ее, и рассмеялся.

– Я попал в самую точку, верно? – спросил он.

– Мое прошлое принадлежит мне, – уклончиво ответила она, – и мой возраст никого не касается. Ты можешь думать что угодно.

Он бросился к ней и страстно поцеловал:

– Я думаю, тебе сто четыре года, Жозефина Бальзамо, и нет ничего слаще поцелуя столетней женщины. Удивительно, что ты могла знать Робеспьера, а может, и Людовика Шестнадцатого!

Больше подобный разговор не повторялся. Рауль д'Андреци так отчетливо ощущал раздражение Жозефины Бальзамо при малейшей его нескромной попытке расспросить о ее прошлом, что больше не осмеливался на это. Впрочем, разве он и сам не знал правду?

Конечно знал – и не испытывал никаких сомнений. И однако, молодая женщина сохраняла таинственное очарование, которому он подчинялся вопреки своей воле и чувствуя от этого некоторую злость.

В конце третьей недели Леонар появился снова. Утром Рауль увидел берлину графини, запряженную двумя измученными клячами. Вернулась карета только вечером. Леонар привез в ней на «Ветреницу» какие-то тюки, завязанные в скатерти, и спустил их в люк, о существовании которого Рауль раньше не подозревал.

Ночью Рауль залез в люк и осмотрел тюки. В них обнаружили великолепные кружева и богато украшенные, шитые золотом ризы.

На следующий день – новая экспедиция. Результат: великолепный гобелен шестнадцатого века.

Временами Рауль сильно скучал и потому в Манте, чтобы развеяться, взял напрокат велосипед и отправился кататься по окрестностям. На выезде из городка он увидел большую усадьбу, в саду которой собралось множество людей. Он подъехал поближе. Там шла аукционная распродажа изысканной мебели и столового серебра.

От нечего делать он обошел дом. В глухой части сада над купой деревьев возвышался щипец¹⁴ здания. Заметив лестницу и подчиняясь непонятному импульсу, Рауль прислонил ее к стене и, поднявшись к открытому окну, перелез через подоконник.

В комнате раздался слабый крик. Рауль увидел Жозефину Бальзамо, которая, впрочем, сразу взяла себя в руки и сказала самым непринужденным тоном:

– О, это вы, Рауль? А я как раз любовалась томиками в изумительных переплетах... Настоящее чудо! К тому же раритет.

Рауль оглядел книги и сунул в карман три эльзевира¹⁵, а графиня тем временем тайком от него завладела медалями из стеклянной витрины.

Они спустились по парадной лестнице. В суматохе, царившей в доме, никто не заметил их ухода.

В трехстах метрах ждала берлина.

С тех пор и в Понтуазе, и в Сен-Жермене, и в Париже, где «Ветреница», продолжавшая служить им домом, вставала на якорь прямо напротив полицейского управления, они «орудовали» вместе. Скрытный нрав и загадочная душа Калиостро весьма способствовали успеху дела, но из-за импульсивности Рауля любая «операция» заканчивалась взрывом хохота.

– Раз уж я свернул с пути добродетели, – говорил он, – буду относиться ко всему легко, без драматизма... не то что ты, моя Жозина.

¹⁴ *Щипец* – верхняя часть торцевой стены здания, ограниченная двумя скатами крыши.

¹⁵ «*Эльзевир*» – одно из старейших в мире научных издательств, основанное в 1580 году; так же называются книги этого издательства.

С каждым следующим испытанием он открывал в себе все больше талантов, о которых раньше не догадывался. Иногда в магазине, на скачках, в театре его спутница слышала радостное цоканье языком и обнаруживала в руках своего возлюбленного новые часы или в галстук – новую булавку. Ничто не могло поколебать простодушной безмятежности этого хладнокровного человека, державшегося так, словно ему нечего опасаться.

Что, однако, не мешало ему соблюдать многочисленные меры предосторожности, каких требовала от него Жозефина Бальзамо. Они всегда выходили с баржи одетые, как простолюдины. На соседней улице их подбирала запряженная одной лошастью старая берлина, в которой они преображались. Калиостро никогда не расставалась с кружевом, расшитым крупными цветами и служившим ей покрывалом.

Эти хитрости – а сколько еще других! – открыли Раулю глаза на реальную жизнь его любовницы. Теперь у него не было сомнений, что она стоит во главе целой группы сообщников, с которыми связывается через Леонара, и продолжает поиски канделябра, не упуская из виду Боманьяна и его друзей.

Но двойная жизнь, как и предвидела Жозефина Бальзамо, раздражала Рауля. Забывая о собственных поступках, он злился на свою спутницу, когда она совершала что-то, не соответствующее его представлениям о честности, которых он, несмотря ни на что, старался придерживаться. То, что его любовница – воровка и глава банды, оскорбляло юношу. Между ними то и дело возникали ссоры по пустякам. Две сильные яркие личности были обречены на вечное противостояние.

И вот, когда однажды им пришлось вступить в настоящий бой с общими врагами, оба ясно поняли, что в иные минуты к их любви примешиваются неприязнь, обида и гордость.

Этот случай, положивший конец тому, что Рауль называл «капуанской негой», произошел в парижском театре «Варьете», где неожиданно появился Боманьян с бароном д'Этигом и де Беннето.

– Пойдем за ними, – сказал Рауль.

Графиня колебалась. Он настаивал:

– Нам представился такой случай, а мы им не воспользуемся?

Несколько минут назад они вошли в ложу, где царил полумрак, и в этот момент – прежде чем капельдинер опустила боковую решетку – успели заметить Боманьяна и двух его спутников в другой ложе, расположенной рядом со сценой.

Это выглядело более чем странно. Почему Боманьян, судя по всему, ревностный католик и приверженец строгих нравов, оказался в бульварном театре¹⁶, где как раз играли довольно фривольную пьесу, которая не должна была представлять для него ни малейшего интереса?

Рауль задал этот вопрос Жозефине Бальзамо, но она ничего не ответила, и притворное равнодушие молодой женщины показало Раулю, что она отдаляется от него и всячески уклоняется от объяснений.

– Что ж, – коротко сказал он, и в его голосе прозвучал вызов, – действуем по отдельности, каждый за себя. Посмотрим, кто получит главный приз.

На сцене в это время шеренга танцовщиц, дружно задирая ноги, исполняла канкан, а мимо них шествовали артисты с афишами. Королева ревю – красивая полуголая девица, изображавшая Каскадершу¹⁷, – оправдывала свое прозвище каскадом фальшивых драгоценностей, которые обвивали ее тело. На лбу у нее поблескивала лента с разноцветными камнями. В волосах сияли электрические лампочки.

¹⁶ *Бульварные театры* – парижские театры, появившиеся на бульварах в XVIII веке. Их репертуар состоял из жанровых бытовых пьес и носил чаще всего развлекательный характер.

¹⁷ *Каскадерша* (фр. La Cascadeuse) – в конце XVIII века так называли женщину, ведущую беспорядочный образ жизни.

Уже сыграли два акта. Ложу над авансценой по-прежнему закрывала решетка, так что невозможно было даже догадаться, что за ней скрываются трое друзей. Но в последнем антракте, прогуливаясь мимо этой ложи, Рауль заметил, что ее дверь слегка приоткрыта. Он заглянул внутрь. Никого. Справившись у капельдинера, он узнал, что трое господ покинули театр через полчаса после начала спектакля!

– Здесь нам больше нечего делать, – сказал он, возвращаясь к графине. – Они ускользнули.

В этот момент поднялся занавес. На сцене снова появилась Каскадерша. Ее слегка распутившаяся прическа позволяла лучше рассмотреть повязку, которая обвивала ее лоб. Это была золототканая лента с крупными кабошонами разного цвета. Всего камней было семь.

«Семь! – подумал Рауль. – Вот чем объясняется приезд Боманьяна».

Пока Жозефина Бальзамо одевалась, он выяснил у капельдинерши, что обладательницу примечательной ленты зовут Брижитт Руссен и что она живет в старом доме на Монмартре и каждый день вместе со своей верной пожилой горничной приходит на репетицию очередного спектакля.

На следующее утро, в одиннадцать часов, Рауль сошел с «Ветреницы». Пообедав в ресторане на Монмартре, он в полдень поднялся по крутой и извилистой улице и, пройдя мимо небольшого узкого строения, обнесенного оградой, обнаружил, что оно примыкает к доходному дому, верхний этаж которого пустует – о чем свидетельствовали окна без штор.

Рауль, как обычно, молниеносно выстроил в уме подробный план – такой, что потом оставалось лишь тщательно его придерживаться.

Он расхаживал взад и вперед, как влюбленный перед свиданием. Улучив момент, когда из доходного дома вышла консьержка и принялась подметать тротуар, он за ее спиной проскользнул внутрь, взбежал на последний этаж, взломал дверь пустующей квартиры и открыл боковое окно, выходящее на крышу соседнего дома. Прямо напротив находилось отворенное чердачное окно. Убедившись, что его никто не видит, Рауль прыгнул и оказался на заваленном разным хламом чердаке. Выбраться с него можно было только через люк, который открывался лишь наполовину и куда пролезала одна голова. Глянув вниз, Рауль увидел площадку третьего этажа и частично – лестницу.

Снизу доносился разговор двух женщин. Просунув голову как можно дальше, Рауль прислушался и по некоторым репликам понял, что молодая артистка сейчас обедает в своем будуаре, а ее единственная прислуга (она же компаньонка) прислуживает ей за столом, одновременно наводя порядок в спальне и ванной комнате.

– Я закончила! – крикнула Брижитт Руссен, зайдя в спальню. – Ах, Валентина, голубушка, какая радость! Сегодня нет репетиции! Я ложусь и буду спать до самого спектакля!

Этот послеобеденный отдых не входил в расчеты Рауля, который надеялся в отсутствие Брижитт Руссен без спешки порыться в ее вещах. Однако он продолжал ждать, надеясь на случай.

Прошло несколько минут. Брижитт мурлыкала себе под нос песенки из спектакля, когда с улицы вдруг донесся звон колокольчика.

– Странно, – сказала она. – Я сегодня никого не жду. Сходи, Валентина, посмотри, кто там.

Служанка спустилась. Послышалось хлопанье входной двери, и женщина вернулась со словами:

– Это из театра... Секретарь директора принес письмо.

– Давай сюда. Ты провела этого господина в гостиную?

– Да.

Рауль видел сверху, как мелькнула юбка молодой актрисы. Служанка протянула конверт. Брижитт немедленно распечатала его и вполголоса прочла:

Руссен, миленькая, передайте моему секретарю повязку с кабошонами, которую вы носите на лбу. Она нужна мне для изготовления копии. Вечером я верну ее в театр.

Услышав эти несколько фраз, Рауль вздрогнул.

«Ах вот оно что! Лента с кабошонами! – подумал он. – Хотел бы я знать, директор тоже в этом замешан? И согласится ли Брижитт Руссен?»

К его облегчению, молодая женщина возразила:

– Это невозможно. Я уже пообещала эти камешки.

– Досадно, – заметила служанка. – Директор будет недоволен.

– Ну что уж теперь! Я обещала, и мне должны порядочно заплатить.

– Так что ответить?

– Я лучше ему напишу, – решила Брижитт Руссен.

Она ушла в будуар и вскоре вернулась с конвертом в руке:

– А ты его знаешь, этого секретаря? Видела его раньше в театре?

– По правде сказать, нет. Должно быть, это новый.

– Пусть передаст директору, что мне очень жаль и что я сама ему все объясню сегодня вечером.

Валентина вышла. Потянулись долгие минуты ожидания. Брижитт села за фортепьяно и начала петь вокализы, которые, по-видимому, заглушали шум у парадной двери, потому что Рауль ничего не слышал.

Надо сказать, он испытывал некоторое беспокойство оттого, что ситуация была ему неясна. Секретарь, которого раньше не видели... просьба о драгоценностях – все это выглядело весьма подозрительно и смахивало на ловушку. Впрочем, Рауль быстро успокоился: внизу откинулась портьера, и он увидел фигуру, скользнувшую в комнату.

«Валентина вернулась, – подумал он. – Ложная тревога. Мужчина ушел».

Внезапно ригурнель резко оборвался, раздался грохот опрокинувшегося табурета, на котором сидела певица, и она произнесла с некоторой тревогой:

– Кто вы? Ах да, секретарь... Новый секретарь... Но что вы хотите, месье?..

– Господин директор велел мне принести украшение, – сказал мужской голос. – Поэтому я вынужден настаивать...

– Но я ему ответила, – пролепетала Брижитт с явно возросшим беспокойством. – Служанка должна была передать вам письмо... Почему она не поднялась вместе с вами? Валентина!

Она несколько раз с тревогой в голосе позвала служанку:

– Валентина!.. Ах! Вы пугаете меня, месье... Вы так смотрите...

Дверь с силой захлопнулась. Рауль услышал грохот падающих стульев, шум борьбы, а потом раздался крик:

– Помогите!

И наступила тишина. Впрочем, уже в ту самую секунду, когда Рауль интуитивно почувствовал, что Брижитт Руссен угрожает опасность, он напряг все силы, чтобы еще немного приподнять крышку люка и протиснуться в него. Потеряв на этом несколько драгоценных минут, он провалился вниз, на площадку третьего этажа, и оказался перед тремя закрытыми дверями. Рауль наугад бросился в одну из них и очутился в комнате, где все было перевернуто вверх дном. Никого не встретив, он пробежал через гостиную и ванную комнату в спальню, где, как он предполагал, продолжалась борьба. И действительно, он сразу заметил в полумраке (ибо шторы были почти полностью задернуты) мужчину, стоявшего на коленях, и распростертую на ковре женщину, которой он обеими руками сжимал горло. Хрипы жертвы мешались с его грубыми ругательствами.

– О черт! Да заткнись ты! Проклятье, не хочешь отдавать украшение? Ну ладно, птичка...

Молниеносная атака Рауля, который обрушил на мерзавца всю мощь своих кулаков, заставила того отпустить несчастную. Сцепившись, противники покатались к камину, о который Рауль ударился лбом с такой силой, что на несколько секунд потерял сознание. Вдобавок убийца был тяжелее его, и эта схватка между худощавым молодым человеком и крупным, судя по всему, мужчиной с мощной мускулатурой не могла продолжаться долго. Так и вышло: спустя минуту один из них поднялся, а другой остался лежать на полу, испуская жалобные стоны. Но тот, кто поднялся, был – Рауль.

– Изящный удар, не правда ли, сударь? – ухмыльнулся он. – Это я применил инструкцию покойного господина Теофраста Люпена, раздел «японские приемы». Очень скоро вы потеряете сознание, а когда очнетесь, то будете безобидны, как овечка.

Рауль склонился над молодой актрисой, взял ее на руки и перенес на кровать. Он сразу заметил, что чудовищное нападение не нанесло бедняжке вреда настолько тяжелого, чтобы было чего опасаться. Брижитт Русслен дышала свободно. Синяков на шее не было. Но она дрожала всем телом, а в ее глазах читался ужас.

– Вам не больно, мадемуазель? – спросил он мягко. – Ведь нет? Ничего серьезного, все обошлось. Главное, не бойтесь. Вам больше нечего его опасаться, но для большей уверенности...

Он быстро раздернул шторы, вырвал из них шнуры и связал лежавшему в беспомощности убийце запястья. Затем он повернул связанного к окну, чтобы при хлынувшем в комнату солнечном свете разглядеть его лицо.

И не смог сдержать крик изумления. Ошеломленный, он повторил несколько раз:

– Леонар... Леонар...

До сих пор ему не представлялось случая толком рассмотреть этого человека, который всегда сидел на козлах, втянув голову в плечи, и так искусно скрывал свой истинный рост, что Рауль считал его чуть ли не тщедушным горбуном. Но он сразу узнал костлявый профиль, удлиненный седеющей бородой... Сомнений не было: перед ним лежал Леонар – конфидент и правая рука Жозефины Бальзамо.

Рауль заткнул кучеру рот тряпкой, обмотал голову полотенцем и перетащил его в будуар, где привязал к ножкам массивного дивана. Затем он вернулся к молодой женщине, которая все еще слабо стонала.

– Все кончено, – сказал он. – Больше вы его не увидите. Отдыхайте. А я займусь вашей служанкой – узнаю, что с ней стало.

Впрочем, о Валентине юноша особо не беспокоился; как он и предполагал, служанка нашлась на первом этаже в углу гостиной в точно таком же состоянии, в каком он оставил Леонара, – то есть обездвиженная и с кляпом во рту. Это была женщина с характером: едва освободившись и узнав, что враг больше не опасен, она немедленно проявила готовность выполнять указания Рауля, который объяснил ей:

– Я агент тайной полиции и спас вашу хозяйку. Пойдите позаботьтесь о ней. А я допрошу этого человека и выясню, есть ли у него сообщники.

Рауль подтолкнул Валентину к лестнице, спеша остаться в одиночестве и разобраться со смутными догадками, которые не давали ему покоя. Догадки эти были настолько болезненными, что больше всего ему хотелось попросту отмахнуться от них; если бы он был готов прислушаться к своей интуиции и предоставить распутывание этого клубка воле случая, то тут же покинул бы поле боя и сбежал через соседний дом.

Но слишком ясное понимание того, что нужно делать, было в нем так сильно, что он не мог отступить. Несгибаемая воля, умение сохранять хладнокровие в самых трагических обстоятельствах побуждали его действовать. Рауль пересек двор, медленно и бесшумно отодвинул засов входной двери и слегка приоткрыл ее.

Он осторожно выглянул через щель на улицу: на другой стороне дороги, чуть впереди, стояла старая берлина. На козлах, держа вожжи в руке, сидел молодой слуга по имени Доминик, которого Рауль несколько раз видел вместе с Леонаром. Но не было ли в берлине другого сообщника? И кто он?

Рауль не стал закрывать дверь. Его подозрения подтвердились, и ничто в мире не могло помешать ему дойти до конца. Поэтому он вернулся на второй этаж и склонился над пленником.

Во время борьбы его поразило одно обстоятельство: из кармана Леонара выпал большой деревянный свисток на цепочке и бандит, несмотря на угрожавшую ему смертельную опасность, поспешно засунул его обратно, словно больше всего на свете боялся потерять.

И Рауль подумал: не для того ли нужен был свисток, чтобы в случае опасности предупредить сообщника? Или наоборот: дать сигнал, когда работа будет сделана?

Эту гипотезу он принял больше интуитивно, чем рассудком. Открыв окно ровно на одну секунду, он свистнул и, спрятавшись за тюлевыми занавесками, стал ждать.

Раулю казалось, что сердце вот-вот выпрыгнет у него из груди. Никогда еще он не страдал так мучительно. В глубине души он уже не сомневался в том, что должно произойти, и знал, кого увидит сейчас в дверях. Но вопреки очевидности ему хотелось надеяться... до последней минуты. Он не признавал, не желал признавать, что в таком гнусном деле сообщник Леонара – это...

Тяжелый засов заскрипел и сдвинулся в сторону.

– Ах! – Рауль не смог сдержать возгласа отчаяния.

Во двор вошла Жозефина Бальзамо.

У нее был такой спокойный, непринужденный вид, словно она собралась навестить приятельницу. С той минуты, как раздался сигнал Леонара, путь был свободен; теперь ей осталось только забрать добычу. Она, с опущенной на лицо вуалью, быстро пересекла двор и вошла в дом.

Внезапно к Раулю вернулось все его спокойствие. Сердце забилося ровно. Он был готов сразиться со вторым противником так же, как сражался с первым, – пусть и другим оружием, но таким же действенным. Он позвал Валентину и тихо сказал ей:

– Что бы ни случилось, никому ни слова. Против Брижитт Руссен устроен заговор, который я собираюсь раскрыть. Сюда идет сообщница бандита. Полное молчание, договорились?

Служанка предложила:

– Я могу помочь, месье... Сбежать за комиссаром...

– Ни в коем случае. Если полиции станет известно об этом деле, все может плохо обернуться для вашей хозяйки.

– Я поняла, месье.

Рауль закрыл две смежные двери. Обе комнаты – та, где находилась Брижитт Руссен, и та, в которой вскоре будет разыграна партия между ним и Жозиной, – оказались надежно изолированы. Он надеялся, что ни единый звук не проникнет из одной комнаты в другую.

В эту минуту появилась Жозефина Бальзамо.

Она увидела Рауля.

И сразу по одежде узнала в связанном человеке Леонара. Рауль мгновенно оценил умение Жозефины Бальзамо владеть собой даже в самые трудные для нее минуты. Нимало не встревожившись от неожиданного присутствия здесь Рауля и от беспорядка в комнате со следами борьбы, где на полу лежал связанный Леонар, она сразу, не поддавшись панике, начала размышлять, и угадать ее мысли было нетрудно: «Что все это значит? Что здесь делает Рауль? И кто связал Леонара?»

Наконец, откинув вуаль, она напрямик спросила о том, что беспокоило ее больше всего:

– Почему ты так смотришь на меня, Рауль?

Ему потребовалось время, чтобы ответить. Слова, которые он собирался произнести, были ужасны, и он не сводил глаз с ее лица, чтобы не упустить ни единого взгляда, ни единого движения бровей. Он прошептал:

– Брижитт Руссен убита.

– Брижитт Руссен?

– Да, давешняя актриса, та, которая носила на лбу повязку с драгоценными камнями, – и ты не посмеешь сказать, будто не знаешь эту женщину, потому, что ты сейчас здесь, в ее доме, и потому что ты велела Леонару предупредить тебя, когда дело будет сделано.

Она казалось потрясенной:

– Леонар? Леонар сотворил такое?

– Да, – подтвердил Рауль. – Это он убил Брижитт. Я застал его в тот момент, когда он душил ее.

Он видел, как дрожит Жозефина Бальзамо; без сил опустившись на стул, она пролепетала:

– Ах! Негодяй!.. Негодяй... Неужели он так поступил?

И добавила – тише и с возрастающим ужасом:

– Он убил ее... убил... Как он мог! Ведь он поклялся мне, что никогда не совершит убийства... он мне поклялся... О, я не хочу этому верить...

Была ли она искренней или разыгрывала комедию? Нашло ли на Леонара внезапное безумие, или он действовал по инструкции, предписывающей ему совершить убийство в случае, если уловка не сработает? Страшные вопросы, которые задавал Рауль себе самому – и не мог на них ответить.

Жозефина Бальзамо подняла голову, внимательно взглянула на Рауля сквозь пелену слез и вдруг порывисто бросилась к нему, ломая руки:

– Рауль... Рауль... что ты так на меня смотришь? Нет... нет... ведь ты меня не обвиняешь? Ах, это было бы ужасно... Ты способен поверить, что я об этом знала? Что я приказала совершить это отвратительное преступление? Нет... Поклянись мне, что ты так не думаешь. О Рауль... мой Рауль...

Он довольно грубо заставил ее снова сесть. Затем, оттащив Леонара в сторону, сделал несколько шагов по комнате, приблизился к Калиостро и схватил ее за плечо.

– Послушайте меня, Жозина, – произнес он тоном скорее прокурора или даже неприятеля, чем любовника, – послушай меня. Если в течение получаса ты не прояснишь это дело и не расскажешь о своей афере, то станешь моим смертельным врагом; я заставлю тебя уйти из этого дома – по своей воле или подчинившись моей – и без малейшего колебания сообщу в ближайший комиссариат о преступлении, совершенном твоим сообщником Леонаром в отношении Брижитт Руссен... И тогда тебе придется выкручиваться самой. Будешь говорить?



Глава 8 Две воли



Война была объявлена – причем в момент, который выбрал Рауль; таким образом, преимущество было на его стороне: Жозефина Бальзамо, застигнутая врасплох, не могла отбить столь неожиданную и безжалостную атаку.

Конечно, женщина подобного склада не привыкла признавать поражение. Бальзамо собиралась сопротивляться. Она не предполагала, что ее восхитительный и нежный любовник, каким был Рауль д'Андрези, способен вести себя так властно, навязывая ей свою волю. Она попыталась пустить в ход ласку, слезы, клятвы – все обычные женские уловки. Но Рауль остался к ним холоден:

– Говори! Хватит с меня этих тайн! Тебя они радуют, меня – нет. Мне нужна полная ясность.

– О чем ты толкуешь? – воскликнула Бальзамо раздраженно. – О моей жизни?

– Твоя жизнь принадлежит тебе, – ответил он. – Не хочешь открывать свое прошлое – не надо. Я знаю, что ты навсегда останешься загадкой для меня и для всех и что никогда твой невинный взгляд не выдаст того, что творится в твоей душе. Но я хочу знать ту сторону твоей жизни, которая касается меня. У нас есть общая цель. Покажи мне, каким путем ты к ней идешь. Иначе я могу оказаться соучастником серьезного преступления, а этого я не хочу!

Он ударил кулаком по столу:

– Ты слышишь, Жозина? Я не хочу быть убийцей. Вором – пусть. Взломщиком – ладно! Но убийцей – нет, тысячу раз нет!

– Я тоже этого не хочу, – сказала она.

– Может быть, но ты заставляешь убивать других.

– Это ложь!

– Тогда говори. Объяснись.

Она заламывала руки. Она возмущалась и вздыхала:

– Я не могу... не могу...

– Почему? Кто мешает тебе рассказать мне то, что ты знаешь об этом деле, то, во что посвятил тебя Боманьян?

– Я не хочу втягивать тебя во все это, – прошептала она, – не хочу сталкиваться с этим человеком.

Рауль расхохотался:

– Уж не боишься ли ты за меня? Что ж, отличная отговорка! Успокойся, Жозина. Я не боюсь Боманьяна. Есть другой противник, и он гораздо опаснее.

– Кто?

– Ты, Жозина.

И он повторил еще резче:

– Да-да, Жозина, это ты! И потому мне нужна полная ясность. Когда я увижу тебя такой, какова ты есть, я перестану бояться. Ты решилась?

Она покачала головой.

– Нет, – сказала она. – Нет.

Рауль рассвирепел:

– Значит, ты мне не доверяешь! Рассчитываешь, что приз достанется тебе одной! Ладно. Пойдем отсюда. Снаружи ты лучше оценишь свое положение.

Он взял ее на руки и перебросил через плечо, как сделал это в первый вечер у подножия утеса. И вместе со своей ношей направился к двери.

– Стой, – сказала она.

Это насилие, совершенное вдобавок с полнейшей непринужденностью, усмирило ее. Она почувствовала, что продолжать упорствовать опасно.

– Что ты хочешь узнать? – спросила она, как только он снова усадил ее.

– Все, – ответил он, – и в первую очередь – почему ты здесь и почему этот негодяй убил Брижитт Русслен.

– Из-за головного убора с камнями, – призналась она.

– Они не имеют никакой ценности! Все это фальшивка: фальшивые гранаты, топазы, бериллы, опалы...

– Да, но их семь.

– И что с того? Он должен был ее убить? Разве это сложно – подождать немного и при первой же возможности обыскать комнаты?

– Разумеется, но, похоже, ждать нам пришлось бы не в одиночестве.

– О ком это ты?

– Сегодня утром Леонар по моему приказу навел справки об этой Брижитт Русслен, на украшение которой я обратила внимание в театре, и сообщил мне, что вокруг ее дома рыщут какие-то люди.

– Кто же это может быть?

– Агенты маркизы де Бельмонт.

– Женщины, замешанной в этом деле?

– Да, мы всюду обнаруживаем следы ее присутствия.

– И что с того? – повторил Рауль. – Это и стало причиной убийства?

– Наверное, он сошел с ума. Напрасно я сказала ему: «Добудь мне эту вещь любой ценой».

– Вот видишь, видишь, – воскликнул Рауль, – мы во власти этого зверя, который теряет голову и убивает бессмысленно, глупо! Мы должны положить этому конец. Я склонен думать, что люди, которые рыскали сегодня утром вокруг дома, посланы Боманьяном. Но справиться с Боманьяном тебе не под силу. Позволь мне взять дело в свои руки. Если ты добьешься успеха, то только благодаря мне. Только благодаря мне и с моей помощью.

Жозина постепенно сдавалась. Рауль утверждал свое превосходство с такой убежденностью в голосе, что она почти физически ощутила его силу. Он казался ей выше, чем он был на самом деле, сильнее и талантливее, чем все мужчины, которые когда-либо ее окружали. Казался одаренным более острым умом, более пронизательным взором, большим арсеналом средств. И она склонилась перед этой энергией и железной волей, которую не могли поколебать никакие соображения о целесообразности.

– Хорошо, – произнесла она, – я все расскажу. Но почему именно здесь?

– Здесь, и только здесь, – решительно возразил Рауль, зная, что, если к Калиостро вернется самообладание, он ничего не добьется.

– Хорошо, – повторила она устало, – так и быть, я уступаю тебе, потому что на карту поставлена наша любовь, а ты, похоже, ею совсем не дорожишь.

Рауль почувствовал прилив гордости. Впервые он осознал силу своего воздействия на окружающих и почти безграничную власть, которая заставляла их подчиняться его решениям.

Конечно, графиня Калиостро не смогла бы сопротивляться ему. Предполагаемое убийство Брижитт Руссен надломило ее, а вид связанного Леонара только усугубил ее нервное состояние. Но до чего же ловко Рауль воспользовался представившимся случаем со всеми его преимуществами, чтобы с помощью угроз и страха, силой и хитростью утвердить свою окончательную победу! Теперь он был хозяином положения. Он вынудил Жозефину Бальзамо сдаться, а заодно трезво взглянул на свою собственную любовь. Поцелуи, ласки, уловки оболыщания, опьянение страстью – он уже ничего не опасался, потому что почти готов был порвать с Жозефиной. Он снял салфетку с круглого столика и набросил ее на лицо Леонару, а затем сел подле Жозины.

– Итак, я слушаю.

Она бросила на него взгляд, в котором сквозили злость и бессильный гнев, и пробормотала:

– Ты совершаешь ошибку. Пользуешься моей временной слабостью и требуешь от меня сведений, которыми я вскоре поделилась бы с тобой добровольно. Это бессмысленное унижение, Рауль.

Он резко повторил:

– Я слушаю.

И тогда она проговорила:

– Что ж, ты сам попросил. Так покончим с этим, и как можно быстрее. Я избавлю тебя от изложения всех подробностей и перейду сразу к главному. Рассказ мой будет коротким и незатейливым. Я просто дам тебе отчет. Итак, двадцать четыре года назад, незадолго до войны тысяча восемьсот семидесятого года между Францией и Пруссией, кардинал де Бонншоз – руанский архиепископ и сенатор – попал во время конфирмационной поездки по Ко в страшную грозу и был вынужден укрыться в Шато-де-Гёр, где жил его последний владелец, шевалье дез'Об. Кардиналу подали ужин, и он удалился в приготовленную для него комнату. Ближе к ночи шевалье дез'Об, девяностолетний старец, еле стоявший на ногах, но не утративший ясности ума, попросил у его высокопреосвященства аудиенцию. Она была ему тут же предоставлена и длилась очень долго. Вот краткое изложение удивительных откровений, услышанных тогда кардиналом де Бонншозом и записанных им позднее. Я знаю эти записи наизусть:

«Монсеньор, – начал старый шевалье, – вряд ли я удивлю вас, если скажу, что мое детство пришлось на время великой революционной смуты. В период террора я был двенадцатилетним сиротой и каждый день сопровождал свою тетю в ближайшую тюрьму, где она раздавала узникам мелкие деньги и ухаживала за больными. Там содержались бедолаги, осужденные наспех и без разбора, и там мне посчастливилось свести знакомство с одним славным человеком, чьего имени, как и того, по какому обвинению он арестован, никто не знал. Я был сострадателен и оказывал ему небольшие услуги, и потому он проникся ко мне доверием и со временем даже привязался ко мне. Однажды, вечером того дня, когда суд приговорил его к смертной казни, он сказал:

– Дитя мое, завтра на рассвете жандармы поведут меня на эшафот и я умру, никому не известным. Но я сам этого хотел. Тебе я тоже не открою своего имени. Однако обстоятельства требуют, чтобы я сделал некоторые признания; прошу выслушать мою тайну, как подобает мужчине, а не ребенку, и позднее распорядиться полученным знанием со всей честностью и хладнокровием. Миссия, которую я поручаю тебе, чрезвычайно важна. Я уверен, дитя мое, что ты с честью исполнишь ее и во что бы то ни стало сохранишь тайну, которая связана с интересами самых высокопоставленных особ.

Затем он поведал мне, – продолжал шевалье дез'Об, – что был священником и в этом качестве – хранителем несметных богатств, которые были обменены на драгоценные камни

такой чистоты, что даже самый мелкий из них отличался баснословной стоимостью. По мере приобретения их складывали на дно тайника – самого необычного из всех, что можно себе представить. В одном из уголков Ко, доступном любому гуляющему, находился один из тех огромных камней, которые использовали и используют до сих пор для обозначения границы владений, полей, садов, лугов и тому подобного. Этот межевой камень, почти полностью вросший в землю и окруженный кустарником, имел на верхушке две или три природные полости, забитые землей, в которых росли мелкие полевые цветы.

Именно там, в одной из полостей этой кубышки под открытым небом, священник прятал великолепные самоцветы, каждый раз вынимая комочек земли, а потом укладывая его обратно. Вскоре все полости заполнились, и новые камни священник хранил уже в шкатулке черного дерева; незадолго до ареста он собственноручно закопал ее у подножия камня.

Он подробно объяснил мне, где находится валун, и сообщил секретное слово, которое в том случае, если я забуду место, сразу мне о нем напомним.

Мне пришлось пообещать ему, что, когда наступят более спокойные времена – а он точно предугадал, что произойдет это через двадцать лет, – я первым делом отправлюсь туда, чтобы убедиться в сохранности тайника, и стану ежегодно в Пасхальное воскресенье приезжать на торжественную мессу в церковь деревни Гёр.

Как только в одно из Пасхальных воскресений я увижу в церкви у кропильницы человека, одетого в черное, я должен буду назвать ему свое имя. Он проведет меня мимо медного канделябра о семи рожках, который зажигают лишь по праздникам. Это и будет условным знаком, обязывающим меня сказать этому человеку секретное слово и сопроводить его к заветному камню.

Я поклялся спасением души, что буду неукоснительно следовать этой инструкции. На следующее утро этот достойный священнослужитель взошел на эшафот.

Монсеньор, хотя я и был тогда очень молод, тайну я сохранил. После смерти моей тетушки я был зачислен в полк на казенный кошт и прошел все войны – сначала под знаменами Директории, а потом и империи. В тысяча восемьсот шестнадцатом году, когда пал Наполеон, я, в возрасте тридцати трех лет и в звании полковника, подал в отставку и первым делом отправился к тайнику, который нашел без труда, узнав гранитную глыбу, вросшую в землю; затем, в Пасхальное воскресенье, я отправился в церковь деревни Гёр и увидел там на алтаре медный канделябр. В тот день рядом с кропильницей человека в черном не оказалось.

Дождавшись следующего Пасхального воскресенья, я снова посетил церковь и делал это каждую Пасху, тем более что мне удалось купить Шато-де-Гёр, который выставили на продажу. Таким образом, я, как добросовестный солдат, стоял на вверенном мне посту. И ждал.

Монсеньор, я несу свою службу вот уже пятьдесят пять лет, но человек в черном так и не появился. И я никогда не слышал ничего, что имело бы хоть какое-нибудь касательство к этой истории. Камень лежит нетронутым. Свечи в канделябре в положенные дни зажигаются ризничим. Но человека в черном нет как нет.

Что мне было делать? К кому обращаться? Просить о встрече с кем-нибудь из влиятельных духовных особ? Добиваться аудиенции у короля Франции? Но нет, моя миссия была строго определена. Я не имел права действовать на свой страх и риск.

Все эти годы я молчал. Однако какие споры вел я с собственной совестью! Какие сомнения меня одолевали! Как боялся я умереть и унести эту великую тайну с собой в могилу!

Но сегодня, монсеньор, мои колебания и сомнения рассеялись. Ваше появление в этом замке кажется мне неоспоримым знаком божественной воли. Вы одновременно – власть церковная и власть светская. Как архиепископ вы представляете Церковь, как сенатор – Францию. Я не боюсь ошибиться, делая признание, которое важно для обеих ваших ипостасей. Отныне выбор за вами, монсеньор. Действуйте. Ведите переговоры с тем, с кем посчитаете нужным.

И когда вы скажете мне, в чьи руки я должен передать сокровищницу, я дам вам все необходимые сведения».

Кардинал Бонншоз выслушал эту речь, не перебивая, однако же не смог скрыть от дез'Оба, что история вызывает у него большие сомнения. Тогда шевалье вышел и вернулся, держа в руках ящичек черного дерева.

«Вот та самая шкатулка, которую я нашел у подножия камня и счел разумным забрать с собой. Возьмите ее, монсеньор, и оцените хранящиеся в ней несколько сотен драгоценных камней. Тогда вы поверите, что моя история правдива и что достойный священник не ошибся, говоря о неисчислимых богатствах, потому что под гранитной глыбой было спрятано, по его словам, десять тысяч драгоценных камней, таких же великолепных, как эти».

Настойчивость шевалье и доказательство, им представленное, убедили кардинала, и он согласился взяться за это дело и вызвать старика к себе, как только решение будет принято.

Аудиенция закончилась. Архиепископ твердо собирался сдержать свое обещание, но этому помешали известные события: начало войны между Францией и Пруссией и последующие многочисленные поражения. У кардинала не находилось времени ни на что, кроме исполнения взятых на себя обязательств. Наконец империя рухнула. Францию наводнили вражеские войска.

Миновало несколько месяцев. Когда Руан оказался под угрозой оккупации, у кардинала, собравшегося отправить в Англию некие документы, которыми он дорожил, возникла мысль присоединить к ним шкатулку шевалье. Четвертого декабря, накануне захвата города немцами, его доверенный слуга Жобер лично сел на козлы кабриолета и направился в Гавр, где должен был взойти на борт корабля.

Два дня спустя кардиналу сообщили, что труп Жобера нашли в овраге, в лесу Рувре, в десяти километрах от Руана. Сундук с документами был цел, но кабриолет и лошади бесследно исчезли, как и шкатулка из черного дерева. О несчастном слуге удалось узнать лишь то, что его якобы убил патруль немецкой кавалерии, который на выезде из Руана дерзко напал на экипажи богатых буржуа, спешивших в Гавр.

На этом череда несчастий не прервалась. В начале января кардинал принял посланца шевалье дез'Оба. Старик не смог пережить поражение своей страны. Умирая, он нацарапал несколько строк, которые едва можно было разобрать: «Слово, обозначающее местонахождение тайника, написано на дне шкатулки... Я спрятал канделябр у себя в саду».

Итак, следы сокровищ затерялись. Шкатулка исчезла, а вместе с ней исчезло и доказательство того, что рассказ шевалье содержал хоть какое-то зерно истины. Никто даже не видел этих драгоценностей. Да и были ли они подлинными? И более того, существовали ли они в реальности, а не только в воображении шевалье? Возможно, в этой шкатулке хранилось всего лишь несколько поддельных камешков и пара цветных стекляшек...

Сомнение кардинала нарастало, и в конце концов он принял решение никому ничего не рассказывать, посчитав признание шевалье дез'Оба проявлением старческого слабоумия. Разве это было бы не опасно – распространять подобный вздор? Потому он и молчал. Но...

– Но?.. – поторопил рассказчицу Рауль д'Андреши, которому «подобный вздор» казался чрезвычайно интересным.

– Но, – ответила Жозефина Бальзамо, – прежде чем принять окончательное решение, кардинал написал эти несколько страниц – воспоминания о своем пребывании в Шато-де-Гёр и о последующих событиях, – воспоминания, которые он забыл сжечь... или же они затерялись... и которые спустя несколько лет после его смерти были найдены в одной из книг по богословию, когда кардинальскую библиотеку распродавали на аукционе.

– Найдены кем?

– Боманьяном.

Жозефина Бальзамо рассказывала эту историю, опустив голову и несколько монотонно, как заученный урок. Подняв наконец глаза, она взглянула на Рауля и поразилась выражению его лица:

– Что с тобой?

– Меня это восхищает. Ты только представь, Жозина, только представь: благодаря трем старикам, передавшим друг другу по эстафете свои откровения, мы можем вернуться больше чем на столетие назад и прикоснуться к легенде... да что там – к великой тайне, восходящей к Средневековью. Цепь не прервалась! Все звенья на месте. И последним звеном этой цепи является Боманьян. Что же он сделал, этот Боманьян? Следует ли нам признать его достойным взятой на себя роли или – отодвинуть в сторону? Должен ли я присоединиться к нему или – наоборот – вырвать из его рук факел эстафеты?

По возбуждению Рауля Калиостро поняла, что он не позволит прервать себя. Она мешкала, потому что самые главные слова – во всяком случае для нее, потому что речь шла о ее роли, – еще не прозвучали.

Но он сказал ей:

– Продолжай, Жозина. Будущее великолепно. Пойдем к нему вместе и добьемся награды, которая находится на расстоянии вытянутой руки.

И она продолжила:

– Боманьяна можно описать одним словом: честолюбие. С самого начала свое вполне искреннее желание стать духовным лицом он поставил на службу безграничному честолюбию; то и другое позволило ему войти в орден иезуитов, где он занимает значительное положение. Обнаружив мемуары кардинала, он словно опьянел. Перед ним открылись широкие горизонты. Ему удалось убедить некоторых своих иерархов, удалось распалить в них желание завладеть огромным богатством, и он добился от ордена обещания пустить в ход все влияние, каким располагают иезуиты.

Он сразу же собрал вокруг себя мелкопоместных дворян – более или менее родовитых, но увязших в долгах – и, слегка приподняв перед ними завесу тайны, организовал из них банду заговорщиков, готовых на самые сомнительные дела.

Каждый занимался поисками в отведенной ему сфере.

При этом Боманьян удерживал их деньгами, которые раздавал не считая.

Два года кропотливых изысканий дали свои плоды. Во-первых, выяснилось, что обезглавленного священника звали брат Николя и что он был казначеем аббатства в Фекане. Во-вторых, тщательно изучив секретные архивы и старые картулярии¹⁸, заговорщики обнаружили интересную переписку, которая велась раньше между французскими монастырями, и узнали о давнем законе, по которому все католические епархии добровольно отчисляли десятину от своих доходов. Поступала же эта десятина только в монастыри Ко. Это выглядело как создание общей казны, некоего неисчерпаемого запаса – и на случай вражеского нападения, и для денежного обеспечения будущих Крестовых походов. Этими богатствами распоряжался Совет казначейства, состоявший из семи членов, но только один из них знал место хранения клада.

В революцию монастыри были разрушены, однако сокровища никуда не делись. И брат Николя оказался их последним хранителем...

Наступило долгое молчание. Любопытство Рауля было удовлетворено; охваченный сильнейшим волнением, он наконец тихо сказал:

– Как все это прекрасно! Какая чудесная история! Я был уверен, что прошлыми поколениями нам завещаны сказочные сокровища, но их поиск непременно и неизбежно заводит в тупик. Да и как может быть иначе? В распоряжении наших предков не было сейфов и подвалов Банка Франции. Им приходилось выбирать естественные тайники, куда они складывали

¹⁸ *Картулярый* – сборник копий документов, составлявшийся главным образом в монастырях в период Средневековья.

золото и драгоценности и сведения о которых передавали в виде мнемонической формулы, заменяющей шифр для замка. Стоило случиться какой-нибудь катастрофе, и секрет безвозвратно терялся, как и сокровища, накопленные с таким трудом.

Но теперь, Жозефина Бальзамо, будет иначе! Если брат Николя сказал правду – а все это подтверждает! – и в таком необычном тайнике были спрятаны десять тысяч драгоценных камней стоимостью примерно в миллиард франков... во столько я бы оценил эти сокрытые богатства, завещанные нам Средневековьем... то это значит, что итог усилий тысяч и тысяч монахов, все это гигантское приношение католического христианства и великих эпох фанатической веры находится под гранитной глыбой посреди нормандского сада! Ну разве не восхитительно?

А какова твоя роль в этом приключении, Жозефина Бальзамо? Какой вклад внесла ты? Получила ли какое-нибудь указание от Калиостро?

– Всего несколько слов, – сказала она. – В списке из четырех найденных им загадок напротив вот этой – «Сокровища королей Франции» – он оставил примечание: «Между Руаном, Гавром и Дьеппом. (Признания Марии-Антуанетты)».

– Да-да, – глухо отозвался Рауль, – на земле Ко... в дельте древней реки, на берегах которой благоденствовали французские короли и монастыри... вот где спрятаны сокровища, накопленные за десять веков христианства... И я их, конечно же, найду.

Затем, повернувшись к Жозине, он спросил:

– Так ты тоже их искала?

– Да, но не имея точных сведений...

– А та, другая женщина искала? – поинтересовался он и заглянул ей прямо в глаза. – Та, что убила двух друзей Боманьяна?

– Да, – подтвердила она. – Это маркиза де Бельмонт, которая, как я предполагаю, приходится Калиостро родственницей.

– И ты ничего не нашла?

– Ничего, пока не встретила Боманьяна.

– И он хотел отомстить за убийство своих друзей?

– Да.

– И постепенно посвятил тебя во все, что знал сам?

– Да.

– По собственному желанию?

– По собственному желанию...

– То есть ты догадалась, что он преследует ту же цель, и, воспользовавшись его любовью к тебе, подтолкнула к откровениям?

– Да, – сказала она спокойно.

– Рискованная игра.

– Вся моя жизнь – игра. Решив меня убить, он явно хотел таким образом освободиться от своей любви, которая заставляла его страдать, потому что оказалась безответной. Вдобавок, и это главное, он испугался, что был слишком откровенен со мной. Я вдруг стала врагом, который может добраться до цели раньше его. В тот день, когда он понял свою ошибку, я была приговорена.

– Однако все его открытия свелись к нескольким, причем довольно неточным, историческим свидетельствам, ведь так?

– Да, так.

– И рожок канделябра, который я извлек из балясины, был первой находкой, подтверждающей их истинность?

– Первой.

– Однако после вашего разрыва он мог продвинуться еще хотя бы на несколько шагов.

– На несколько шагов?

– Да хотя бы даже на один шаг! Вчера Боманьян приезжал в театр. Спрашивается, зачем? Если только причиной этого не была лента с семью кабошонами на лбу у Брижитт Руссен. Он хотел понять, имеют ли камни отношение к сокровищу монахов, да и сегодняшняя утренняя слежка за ее домом велась, скорее всего, по его приказу.

– Это всего лишь предположение. Мы не можем знать этого наверняка.

– Но можем узнать, Жозина.

– Как? От кого?

– От Брижитт Руссен.

Она вздрогнула:

– Брижитт Руссен...

– Конечно, – сказал он спокойно, – нам достаточно ее спросить.

– Спросить эту женщину?

– Я говорю именно о ней, и ни о ком другом.

– Но значит... значит... она жива?

– Еще бы!

Он снова вскочил, вихрем развернулся на каблуках и несколько раз высоко подбросил ноги, словно решил станцевать канкан или джигу.

– Умоляю тебя, графиня Калиостро, не бросай на меня такие яростные взгляды. Если бы я почти не довел тебя до нервного припадка и не сломил твое сопротивление, ты бы ни словечка не проронила об этой истории – и что бы мы тогда имели? Боманьян рано или поздно украл бы этот миллиард, а Жозефине оставалось бы только кусать локти. Вместо того чтобы смотреть на меня с такой ненавистью, давай покажи свою красивую улыбку.

Она прошептала:

– И ты имел наглость!.. Ты посмел!.. Значит, твои угрозы, твой шантаж – просто комедия, чтобы заставить меня говорить? О Рауль, я никогда тебе этого не прощу!

– Ах, оставь, – сказал он с усмешкой, – конечно, простишь. Это всего лишь легкий укол самолюбию, он ничем не омрачит нашу любовь, дорогая! Это же сущие пустяки для двух любящих людей – таких, как мы с тобой. Сегодня один из нас обойдется так с другим, завтра другой ответит тем же... и все это будет продолжаться ровно до того дня, пока между нами не установится полное согласие.

– Если только мы не расстанемся раньше, – процедила она сквозь зубы.

– Расстаться? Только потому, что я снял с твоей души груз нескольких тайн? Расставаться из-за этого?..

Но Жозефина выглядела такой удрученной, что на Рауля напал смех и ему пришлось прервать свою речь. Прыгая с ноги на ногу, как мальчишка, он приговаривал:

– Боже мой! Мадам сердится!.. Да как же это? Уже и пошалить нельзя? Такой пустяк вывел вас из себя?.. Ах, милая Жозефина, как же вы меня развеселили!

Бальзамо его больше не слушала. Повернувшись к Леонару, она убрала салфетку с его лица и перерезала шнуры на руках. Кучер немедля кинулся на Рауля, как разъяренный тигр.

– Не трогай его! – приказала графиня.

Тот резко остановился, все так же держа сжатые кулаки перед самым носом Рауля, у которого даже слезы на глазах выступили от смеха.

– Ну, давай-давай! Экий ты чертик из табакерки! – подзуживал он Леонара.

Кучер дрожал от бешенства:

– Мы еще встретимся, любезнейший... мы еще встретимся... Пускай хоть через сто лет...

– Ты тоже считаешь веками? – ухмыльнулся Рауль. – Как и твоя госпожа?..

– Иди, – приказала Калиостро, подталкивая Леонара к двери. – Иди. Мне нужен мой экипаж...

Они быстро обменялись несколькими словами на неизвестном Раулю языке. Затем, оставшись наедине с молодым человеком, она резко сказала:

– А теперь?

– Что – теперь?

– Какой теперь у тебя замысел?

– Совершенно невинный, Жозефина, можно сказать – ангельский.

– Хватит шуток. Что ты собираешься делать? Как намерен действовать?

Став серьезным, он ответил:

– Уж точно иначе, чем ты, никому не доверяющая Жозина. Я буду тем, кем ты никогда не была, – верным другом, который постыдится причинить тебе вред.

– То есть?

– То есть я задам Брижитт Руссен несколько важных вопросов, но так, чтобы ты их слышала. Согласна?

– Да, – сказала она, все еще раздраженная.

– В таком случае оставайся здесь. Время не ждет.

– Время не ждет?

– Да. Ты скоро это поймешь, Жозина. Оставайся здесь.

Рауль приоткрыл двери обеих комнат, чтобы она могла слышать каждое слово, и направился к Брижитт Руссен, которая лежала на кровати под присмотром Валентины.

Молодая актриса улыбнулась ему. Несмотря на пережитый ужас и растерянность, при виде своего спасителя она обрела уверенность, почувствовав, что теперь ей ничто не угрожает.

– Я не буду долго утомлять вас, – сказал Рауль. – Всего пару минут. Вы в состоянии ответить на мои вопросы?

– О, конечно!

– Хорошо. Итак, вы стали жертвой безумца, за которым следила полиция и который вскоре окажется в психиатрической лечебнице. Таким образом, он вам больше не опасен. Но я все же хочу кое-что уточнить.

– Спрашивайте.

– Что это за украшение с драгоценными камнями? Откуда оно у вас?

Он заметил, что девушка колеблется. Но все-таки она ответила:

– Эти камни... я взяла их из старинной шкатулки.

– Из старинной деревянной шкатулки?

– Да, она вся рассохлась и даже не закрывалась. Моя мать, которая живет в провинции, нашла ее на чердаке своего дома, спрятанную под соломой.

– Где именно в провинции?

– В Лильбонне, между Руаном и Гавром.

– Понятно. И откуда же взялась эта шкатулка?

– Не знаю. Я маму не расспрашивала.

– Камни были в таком же виде, как сейчас?

– Нет, они были вставлены в большие серебряные кольца.

– И эти кольца?..

– Еще вчера они лежали в моей коробке с театральным гримом.

– Значит, их там уже нет?

– Нет, я отдала их господину, который пришел ко мне в уборную, чтобы поздравить, и случайно их увидел.

– Он был один?

– С ним были еще двое. Он коллекционер. Я обещала ему принести сегодня в три часа все семь камней, чтобы он вправил их обратно. Он хочет выкупить их у меня за хорошую цену.

– У этих колец есть надписи на внутренней стороне?

– Да... какие-то слова старинным шрифтом, но я к ним не присматривалась.

Рауль, поразмыслив, заключил серьезным тоном:

– Советую вам хранить в строжайшей тайне все, что с вами произошло. В противном случае дело может иметь неприятные последствия – не для вас, но для вашей матери. Непонятно, каким образом могли очутиться у нее в доме кольца, хотя и не очень ценные, но представляющие большой исторический интерес.

Брижитт Руссен растерялась:

– Я готова их вернуть.

– Не нужно. Сохраните камни. Я сам потребую от вашего имени возвращения колец. Где живет этот господин?

– На улице Вожирар.

– Его имя?

– Боманьян.

– Хорошо. И последний совет, мадемуазель. Уезжайте из этого дома. Он расположен в слишком уединенном месте. Поживите какое-то время – скажем, месяц – с вашей горничной в гостинице. И никого не принимайте. Договорились?

– Да, месье.

На улице Жозефина Бальзамо вцепилась в руку Рауля д'Андрези. Она выглядела очень взволнованной и явно не думала больше ни о своей обиде, ни о мести. Она спросила:

– Я ведь все верно поняла? Ты идешь к Боманьяну?

– Да.

– Но это безумие.

– Почему?

– К Боманьяну! Как раз тогда, когда он дома, и не один, а с двумя друзьями.

– Два плюс один равно трем.

– Не ходи туда, прошу тебя.

– Но почему? Думаешь, они меня съедят?

– Боманьян способен на все.

– Так он, оказывается, людоед?

– О, не смейся, Рауль!

– Не плачь, Жозина.

Он почувствовал, что к женщине вернулась искренность, а с ней и нежность, – теперь она не помнила их ссоры и волновалась за него.

– Не ходи туда, Рауль, – повторила она. – Я знаю дом Боманьяна. Трое бандитов набросятся на тебя, и никто не придет тебе на помощь.

– Тем лучше, – возразил он, – значит им тоже никто не придет на помощь.

– Рауль, Рауль, ты все шутишь, а между тем...

Он привлек ее к себе:

– Послушай, Жозина, я последним вступаю в эту грандиозную аферу и намерен противостоять сразу двум шайкам – твоей и Боманьяна. Ни одна из них, разумеется, не примет меня, третьего лишнего, в свои ряды... так что если я не пушу в ход радикальные средства, то рискую остаться у разбитого корыта. Поэтому дай мне договориться с нашим общим врагом Боманьяном так же, как я договорился с моей подругой Жозефиной Бальзамо. Ты же согласна с тем, что у меня это вышло неплохо? И ты не станешь отрицать, что у меня в запасе много возможностей, чтобы добиться цели?..

Жозефина снова почувствовала себя уязвленной. Она высвободила руку, и любовники пошли рядом в полном молчании.

В глубине души Рауль задавался вопросом: не эта ли женщина с нежным лицом, которую он так страстно любил и которая страстно любила его, была его самым безжалостным противником?



Глава 9 Тарпейская скала¹⁹



– Здесь живет господин Боманьян?

Окошечко в двери приоткрылось, и лицо старого слуги прижалось к решетке.

– Здесь. Но месье не принимает.

– Скажите ему, что я от мадемуазель Брижитт Руссен.

Квартира Боманьяна, занимавшая цокольный этаж, находилась в здании двухэтажного отеля. Привратника не было. Звонка тоже. Только дверной железный молоток, которым можно было постучать в дверь с тюремным окошечком.

Рауль ждал больше пяти минут. Появление молодого человека, должно быть, заинтриговало троих сообщников, которые ожидали визита молодой актрисы.

– Не могли бы вы дать свою визитную карточку? – спросил вернувшийся слуга.

Рауль протянул свою визитку.

Новое ожидание. Наконец слуга со скрежетом отодвинул засов, снял цепочку и повел Рауля через просторную переднюю с вошным полом и поблескивающими от влаги стенами, которая напоминала монастырскую комнату для посетителей.

Они прошли через несколько дверей. Последняя, обтянутая кожей, оказалась двойной. Слуга, впусив молодого человека, сразу же закрыл ее, и Рауль предстал перед тремя врагами – потому что как иначе он мог назвать этих людей, двое из которых встречали его в боксерской стойке, готовые вот-вот ринуться в атаку?

– Это он, точно он! – яростно крикнул Годфруа д’Этиг. – Боманьян, это тот человек из Гёр, который украл рожок канделябра! И он еще посмел заявиться сюда! Зачем вы пришли? Если опять просить руки моей дочери...

Рауль ответил со смехом:

– Значит, месье, вы только об этом и думаете? Я испытываю к мадемуазель Клариссе все те же глубокие чувства и по-прежнему храню в душе глубокое уважение и надежду. Но сегодня, как и тогда в Гёр, цель моего визита совсем не матримониальная.

– И в чем же ваша цель? – процедил барон сквозь зубы.

– Тогда вас нужно было запереть в погребе. А сегодня...

Тут Боманьяну пришлось вмешаться, потому что барон бросился на незваного гостя.

– Погодите, Годфруа. Сядьте, и пусть этот человек объяснит нам причину своего визита.

Сам он сел за письменный стол. Рауль устроился напротив.

Прежде чем начать говорить, он не спеша оглядел своих собеседников, и ему показалось, что они изменились со времени собрания в Этиговых Плетнях. Так, барон заметно состарился: у него ввалились щеки, а взор становился порой каким-то диким; это поразило Рауля. Такое

¹⁹ Тарпейская скала – скала, с которой в Древнем Риме сбрасывали осужденных на смерть преступников.

же лихорадочное беспокойство, вызванное неотвязными мыслями и угрызениями совести, он увидел и на изможденном лице Боманьяна.

Однако именно этот последний лучше всех владел собой. Если воспоминание о мертвой Жозине и преследовало его, то было похоже, что, судя собственные поступки, он лишь утверждался в своей правоте. Такие душевные терзания обычно не имеют внешних проявлений и нарушают спокойствие только ненадолго и только в минуты слабости.

«Эти минуты мне надо создать самому, если я хочу добиться успеха, – сказал себе Рауль. – Он или я – но один из нас дрогнет первым!»

Боманьян повторил свой вопрос:

– Что вы хотите? Имя мадемуазель Руссен позволило вам проникнуть в мой дом, но с какой целью?

Рауль смело ответил:

– С целью продолжить разговор, который вы начали с ней вчера вечером в театре «Варьете».

Это была лобовая атака. И Боманьян не уклонился от нее.

– По-моему, – заметил он, – этот разговор может возобновиться только с ней, и ждал я именно ее.

– Мадемуазель Руссен помешала прийти серьезная причина, – объяснил Рауль.

– И какова же эта серьезная причина?

– Ее пытались убить.

– Что?! Что вы такое говорите?! Пытались убить? Но почему?

– Чтобы забрать у нее семь драгоценных камней – так же, как вы и эти господа забрали у нее семь колец.

Годфруа и Оскар де Беннето заерзали в креслах. Боманьян, сохранивший спокойствие, с удивлением смотрел на этого, в сущности, мальчика, чье необъяснимое вмешательство выглядело таким вызывающим и высокомерным. Как бы то ни было, противник показался ему слабым, и это чувствовалось в небрежном тоне его ответа:

– Вот уже второй раз, месье, вы вмешиваетесь в дела, вас не касающиеся, да к тому же столь неподобающим образом. Это может вынудить нас преподать вам урок, который вы заслуживаете. В прошлый раз, в Шато-де-Гёр, заманив моих друзей в ловушку, вы завладели предметом, принадлежавшим нам, что на обычном языке называется кражей. Сегодня ваша наглость еще более возмутительна, потому что вы явились сюда и осыпаете нас оскорблениями, хотя прекрасно знаете, что мы не похитили эти кольца, а получили их с согласия мадемуазель. Так вы можете объяснить мотивы вашего поведения?

– Вы тоже прекрасно знаете, – ответил Рауль, – что к моим поступкам совершенно не подходят слова «кража» и «наглость». Я попросту действовал как человек, который преследует ту же цель, что и вы.

– А, так вы преследуете ту же цель, что и мы... И какова же эта цель, если не секрет? – поинтересовался Боманьян с усмешкой.

– Найти десять тысяч драгоценных камней, спрятанных под межевым камнем.

Боманьян сразу почувствовал себя обезоруженным, о чем красноречиво свидетельствовали его замешательство и растерянное молчание. И тогда Рауль усилил напор:

– Ну а раз мы оба ищем сказочные сокровища старинных монастырей, наши пути иногда пересекаются, что неизбежно приводит к столкновениям. Вот в чем все дело.

Монастырские сокровища! Межевой камень! Десять тысяч драгоценных камней! Каждое из этих слов било Боманьяна как обухом. Выходит, надо было считаться и с этим соперником! Калиостро умерла, но в охоте за миллионами появился еще один конкурент!

Годфруа д'Этиг и Беннето обменивались яростными взглядами и переминались с ноги на ногу, демонстрируя готовность к бою. В отличие от них, Боманьян, делая над собой усилие, старался сохранять хладнокровие, чувствуя в нем настоятельную потребность.

– Это все мифы! – сказал он, стараясь говорить уверенно. – Бабские пересуды! Рассказни! И на это вы тратите свое время?

– Я трачу его не больше, чем вы, – отозвался Рауль, который совсем не хотел, чтобы к Боманьяну вернулся его апломб, и потому не упускал любой возможности дополнительно ошеломить противника. – Не больше, чем вы, все действия которого направлены на поиски этого сокровища... не больше, чем тратил его кардинал, чьи свидетельства отнюдь не были бабскими пересудами. Не больше, чем десяток людей, чьим предводителем и вдохновителем вы являетесь.

– Господи боже мой! – воскликнул Боманьян с нарочитой иронией. – Как же вы хорошо осведомлены!

– Гораздо лучше, чем вы думаете.

– И от кого же вы получили эти сведения?

– От одной женщины...

– Женщины?

– ...чье имя Жозефина Бальзамо, графиня Калиостро.

– Графиня Калиостро! – вскрикнул пораженный Боманьян. – Так вы ее знали?

План Рауля внезапно сработал. Достаточно ему было ввернуть в спор имя Калиостро, как противник пришел в смятение, и смятение это было настолько сильным, что Боманьян, позабыв об осторожности, заговорил о Калиостро так, словно ее уже не было в живых:

– Вы ее встречали? Где? Когда? Что она вам рассказала?

– Я познакомился с ней в начале зимы, как и вы, месье, – ответил Рауль, форсируя наступление. – И всю эту зиму, вплоть до того дня, когда я имел счастье встретиться с дочерью барона д'Этига, мы виделись почти ежедневно.

– Вы лжете, – заявил Боманьян. – Она не могла видеться с вами ежедневно. В этом случае она обязательно упомянула бы вас в разговоре со мной! Мы были достаточно близкими друзьями, и она не утаила бы от меня факт вашего знакомства.

– И тем не менее она его утаила.

– Какая гнусность! Вы хотите нас уверить, что между нею и вами якобы была близкая связь? Это ложь, месье. Жозефину Бальзамо можно было упрекнуть во многом: в кокетстве, коварстве, но только не в склонности к разврату.

– Любовь – это не разврат, – спокойно парировал Рауль.

– О чем вы говорите? О любви? Жозефина Бальзамо вас любила?

– Да, месье.

Боманьян был вне себя и яростно потрясал кулаком перед лицом Рауля. Теперь уже друзьям пришлось его успокаивать, но он все равно дрожал от бешенства, а по его лбу катились капли пота.

«Он у меня в руках, – радостно подумал Рауль. – В том, что касается преступления и раскаяния, он непоколебим. Но его все еще пожирает любовь, и я буду дергать его за ниточки, как мне заблагорассудится».

Прошла минута-другая. Боманьян вытер лицо платком, выпил залпом стакан воды и, поняв, что враг, несмотря на юный возраст, не из тех, от кого можно избавиться одним махом, продолжил:

– Мы отвлеклись, месье. Ваши личные чувства к графине Калиостро не имеют ничего общего с тем, что волнует нас сегодня. Поэтому я возвращаюсь к своему первому вопросу: что привело вас сюда?

– О, все очень просто, и я могу обойтись коротким объяснением. Касательно средневековых церковных богатств – которые лично вы хотите передать в казну ордена иезуитов – нам известно следующее: пожертвования, собираемые со всех провинций, отправлялись в семь главных аббатств Ко и там поступали к тем, кого можно назвать уполномоченными распорядителями; их было семеро, но только один из них знал место, где хранятся, так сказать, сейф и шифр к замку. Каждое аббатство владело одним епископским кольцом, которое из поколения в поколение передавалось уполномоченному распорядителю того или иного аббатства. Символом своей миссии Комитет семи избрал семирожковый канделябр, каждый рожок которого был украшен, в память о древнееврейской литургии и скинии Моисея, таким же камнем, что и епископское кольцо, которому он соответствовал. Так, рожок, который я нашел в Гёр, украшен красным камнем, имитацией граната, который представлял это аббатство; с другой стороны, мы знаем, что брат Николя, последний главный попечитель монастырей Ко, был монахом аббатства Фекан. Согласны?

– Да.

– Следовательно, достаточно выяснить названия семи аббатств, и мы будем знать семь мест, где поиски тайника имеют хорошие шансы на успех. Но семь названий аббатств написаны на внутренней стороне семи колец, которые Брижитт Русслен подарила вам вчера вечером в театре. Именно эти семь колец я прошу у вас, чтобы внимательно их осмотреть.

– То есть вы хотите сказать, – медленно произнес Боманьян, – что сразу готовы заполучить то, на что мы потратили целые годы поисков?

– Вот именно.

– А если я не стану вам в этом помогать?

– Простите, вы отказываетесь? Мне нужен прямой ответ.

– Разумеется, я отказываюсь. Ваше требование абсолютно бессмысленно, и я отказываюсь самым решительным образом.

– Тогда я выдвину против вас обвинение.

Боманьян растерялся. Он смотрел на Рауля как на сумасшедшего.

– Выдвинете против меня обвинение... Это что еще за новости?

– Обвинения против всех троих.

– Всех троих? Но в чем же вы нас обвиняете, любезнейший?

– Я обвиняю вас троих в убийстве Жозефины Бальзамо, графини Калиостро.

В ответ – ни одного возмущенного возгласа. Ни одного протестующего жеста. Годфруа д'Этиг и его кузен Беннето еще глубже вжались в кресла. Боманьян смертельно побледнел и попытался усмехнуться, но его лицо лишь исказила жуткая гримаса.

Он встал, запер дверь и положил ключ в карман, что несколько приободрило его приспешников. Явное желание предводителя перейти к насилию придало им сил.

Рауль имел дерзость пошутить:

– Месье, когда новобранец прибывает в полк, его сажают на лошадь без стремян, чтобы он научился держать равновесие.

– Что вы хотите этим сказать?

– А вот что: я дал себе клятву не носить с собой оружия, пока буду способен справляться со всеми сложностями при помощи собственного мозга. Так что вы предупреждены: у меня нет стремян... точнее – нет револьвера. Вас трое, вы все вооружены, а я один. Так что...

– Так что довольно слов, – грозно перебил его Боманьян. – Перейдем к фактам. Вы обвиняете нас в убийстве Калиостро?

– Да.

– И у вас есть доказательства, подтверждающие это чудовищное обвинение?

– Есть.

– Я слушаю.

– Извольте. Несколько недель назад я бродил вокруг Этиговых Плетней, надеясь, что счастливый случай позволит мне увидаться с мадемуазель д’Этиг, и увидел, как к дому подъехал экипаж с одним из ваших друзей на козлах. Экипаж въехал во двор, следом в открытые ворота вошел я. Женщину, которая была Жозефиной Бальзамо, перенесли в зал старой башни, где вы все собрались на так называемый суд. Процесс проходил самым нечестным и вероломным образом. Вы были прокурором, месье, и ваша ложь и тщеславие заставили окружающих поверить, будто эта женщина избрала вас в любовники. Что касается присутствующих здесь двух господ, то они исполняли роль палачей.

– Доказательства! Доказательства! – взвизгнул Боманьян, лицо которого исказилось до неузнаваемости.

– Я был там и лежал в оконной нише прямо над вашей головой.

– Это невозможно, – пробормотал Боманьян. – Если бы это было правдой, вы бы попытались вмешаться и спасти ее.

– Спасти от чего? – возразил Рауль, который как раз не хотел раскрывать тайну спасения графини. – Я поверил, как и остальные ваши друзья, что вы приговорили ее к заточению в английском сумасшедшем доме. Поэтому я покинул свой наблюдательный пост тогда же, когда все разошлись. После этого я бросился в Этрета. Арендовал лодку и вечером поплыл впереди английской яхты, о которой вы говорили, с намерением пристращать ее капитана.

Но это была ошибка с моей стороны, которая стоила жизни несчастной графине. Только потом я понял ваш гнусный обман и смог восстановить картину преступления во всей ее жестокости: то, как ваши сообщники спускались по Лестнице Кюре, то, как пробивали дно лодки, то, как утопили ее.

Слушая Рауля с видимым испугом, трое сообщников постепенно придвигались все ближе друг к другу. Беннето оттолкнул стол, который был препятствием между ними и молодым человеком. Рауль заметил свирепую физиономию и кривую ухмылку Годфруа д’Этига. Один знак Боманьяна, и барон покончит с ним, заставив заплатить за его безрассудство.

Но может быть, именно это необъяснимое безрассудство и удерживало Боманьяна от последнего шага. С тихой угрозой он сказал:

– Повторяю вам, месье, вы не имели права действовать подобным образом и вмешиваться в то, что вас не касается. Но я не собираюсь лгать или отрицать что бы то ни было. Только... только я задаю себе вопрос: раз уж вы раскрыли такое преступление, как же вы посмели прийти сюда и угрожать нам? Это же чистое безумие!

– А почему, собственно, безумие, месье? – простодушно спросил Рауль.

– Потому что ваша жизнь в наших руках.

Рауль пожал плечами:

– Моей жизни ничто не угрожает.

– Однако нас трое, и мы не расположены к милосердию, когда вопрос о нашей безопасности стоит так остро.

– Я рискую жизнью рядом с вами троими не больше, чем если бы вы были моими защитниками.

– Вы в этом абсолютно уверены?

– Да, потому что вы не убили меня после всего, что я тут наговорил.

– А если бы я все-таки решился?

– То через час вы трое были бы арестованы.

– Да неужели?

– Именно так! Сейчас пять минут пятого. Один из моих друзей прогуливается перед префектурой полиции. Если без четверти пять я не присоединюсь к нему, он предупредит шефа Сюрте²⁰.

– Вздор! Бредни! – воскликнул Боманьян, который, казалось, воспрянул духом. – Меня там знают. Как только ваш друг произнесет мое имя, его поднимут на смех.

– Напротив, его выслушают со всем вниманием.

– Что ж, посмотрим... – пробурчал Боманьян и повернулся к Годфруа д'Этигу.

Сейчас последует приказ стрелять. Перед лицом опасности Рауль почувствовал, как сладко замирает его сердце. Всего несколько секунд – и последний шаг, который он задержал своим невероятным хладнокровием, будет сделан.

– Еще одно слово, – сказал он.

– Говорите, – пробурчал Боманьян. – Но при условии, что это слово окажется доказательством против нас. Хватит с меня пустых обвинений. Как отнесется к ним правосудие – разберусь без вас. Но я хочу получить доказательство, которое покажет мне, что я не напрасно теряю время, спора с вами. Итак, доказательство, и немедленно, иначе...

Он снова поднялся с кресла. Рауль твердо посмотрел прямо ему в глаза и произнес недрогнувшим голосом:

– Доказательство... Иначе смерть, не так ли?

– Да.

– Вот мой ответ – семь колец, и немедленно. Или же...

– Или же?

– Мой друг передаст полиции письмо, написанное вами барону д'Этигу, в котором вы объясняете подробности готовившегося похищения Жозефины Бальзамо и принуждаете его к убийству.

Боманьян изобразил на лице удивление:

– Письмо? Подробности похищения?

– Да, текст письма слегка зашифрован, – уточнил Рауль, – но для ясности из него достаточно вычеркнуть лишние фразы.

Боманьян расхохотался:

– Ах да, припоминаю... я черкнул несколько строчек, но это маловразумительная пачкотня...

– Пачкотня, являющаяся неопровержимым доказательством, – именно то, что вы просили.

– В самом деле... в самом деле, я признаю это, – отозвался Боманьян прежним ироничным тоном. – Только я уже давно не школьник и не забываю о мерах предосторожности. Это письмо барон д'Этиг вернул мне перед началом собрания.

– Он вернул вам копию, а я сохранил оригинал, который нашел в тайнике секретера у барона в кабинете. Этот-то оригинал мой друг и отдаст полиции.

Кольцо вокруг Рауля разжалось. Свиное выражение на лицах кузенов сменилось страхом и тоской. Рауль подумал, что дуэль закончена, и закончена до начала реального сражения. Хватило нескольких взмахов шпагой, нескольких обманных выпадов. Без ближнего боя. Искусными маневрами он загнал Боманьяна в угол, поставив в такое положение, когда тот, находясь в душевном смятении, больше не мог рассуждать здраво и замечать слабые места противника. Например, письмо, оригинал которого, по уверению Рауля, ему удалось добыть. На чем основывалось это утверждение? Ни на чем. Так что Боманьян, требуя явных, неопровержимых доказательств, вдруг, по какой-то необъяснимой причине – несомненно, благодаря хитрости Рауля – удовольствовался одними лишь словами.

²⁰ Сюрте – французская сыскная полиция.

Боманьян и впрямь сразу отступил, не торгуясь и не стараясь потянуть время. Открыв ящик, он достал из него семь колец и спросил без обиняков:

– Как я могу быть уверен, что вы не пустите это письмо в ход?

– Даю вам слово, месье, и к тому же обстоятельства постоянно меняются. Не исключено, что в следующий раз преимущество будет на вашей стороне.

– Даже не сомневайтесь, – ответил Боманьян, сдерживая ярость.

Рауль лихорадочно схватил кольца. Внутри каждого из них действительно было выгравировано название аббатства. Он быстро выписал их на клочок бумаги.

Фекан

Сен-Вандрий

Жюмьеж

Вальмон

Крюше-лэ-Валлас

Монтивилье

Сен-Жорж-де-Бошервиль

Боманьян дернул за сонетку, но, когда появился слуга, сам вышел к нему в коридор и после краткого разговора вернулся к Раулю:

– На всякий случай делаю вам предложение... Вы знаете, каких усилий нам это стоило и чего мы добились. Знаете, что цель уже не за горами.

– Разделяю ваше мнение, – сказал Рауль.

– Хорошо! В таком случае не желаете ли вы – я говорю откровенно – занять место среди нас?

– На таких же условиях, как ваши друзья?

– Нет, на равных условиях со мной.

Предложение было справедливым, Рауль это почувствовал и был польщен оказанным ему уважением. Он бы, пожалуй, и согласился, если бы не Жозефина Бальзамо. Между ней и Боманьяном были не возможны никакие соглашения.

– Благодарю вас, – ответил Рауль, – но по некоторым причинам я вынужден отказаться.

– Значит, враги?

– Нет, месье, конкуренты.

– Враги, – повторил Боманьян, – и как врага вас ожидает...

– Участь графини Калиостро, – прервал его Рауль.

– Вы сами это сказали! Вам известно, что важность нашей цели оправдывает средства, к которым мы иногда вынуждены прибегать. Эти средства однажды могут обернуться против вас – но вы сами этого хотели.

– Да, я сам этого хотел.

Боманьян вызвал слугу:

– Проводите месье.

Рауль вежливо раскланялся со всеми тремя и пошел по коридору, который заканчивался дверью с окошечком. Там он сказал старому слуге:

– Одну секунду, дружище, подождите меня.

Он быстро вернулся к кабинету, где совещались трое мужчин; остановившись на пороге, он сжал ручку двери и, уверенный в своей неуязвимости, объявил самым что ни на есть дружеским тоном:

– Кстати, насчет того самого компрометирующего письма – я должен сделать признание, которое, несомненно, вас успокоит: я не снимал с него копию, а следовательно, у моего друга нет оригинала. И еще: не кажется ли вам, что вся эта история с приятелем, прогуливающимся перед префектурой в ожидании, когда пробьет три четверти пятого, выглядит довольно неправдоподобно? Спите спокойно, господа, и до новой встречи.

Он захлопнул дверь перед носом Боманьяна и оказался на улице прежде, чем тот успел окликнуть слугу.

Из второй битвы он тоже вышел победителем.

В конце улицы Рауля ждала, выглядывая из-за шторы фиакра, привезшая его к Боманьяну Жозефина Бальзамо.

– Извозчик, – сказал Рауль, – на вокзал Сен-Лазар, к поездам дальнего следования.

Он прыгнул в фиакр и воскликнул, дрожа от радости и гордости:

– Смотри, дорогая, вот они, эти семь названий, которые нам так нужны! Взгляни на этот список.

– И что теперь? – спросила она.

– Все, дело сделано! Вторая победа за день, и какая победа! Боже мой, как же легко дурачить людей! Немного дерзости, ясное мышление, логика, железная воля – и ты летишь стрелой к своей цели! А препятствия устраняются сами. Согласись, Боманьян – хитрая лиса! И что же? Он сдался, как и ты, милая моя Жозина. Ну что, ученик оправдал твои надежды? Два первоклассных мастера – Боманьян и дочь Калиостро – раздавлены, стерты в порошок вчерашним школяром! Что скажешь, Жозефина?

Но он тут же спохватился:

– Ты не сердись на меня, дорогая, за то, что я так говорю?

– Ну что ты, конечно нет, – ответила она, улыбаясь.

– Ты больше не обижаешься из-за этой истории?

– Ах! – воскликнула она. – Не требуй от меня слишком многого. Все-таки не надо задевать мою гордость. Она сильна, а я злопамятна. Но на тебя я долго сердиться не могу. В тебе есть что-то обезоруживающее.

– Зато Боманьян, черт возьми, отнюдь не безоружен!

– Боманьян – мужчина.

– Так что ж! Буду воевать с мужчинами! И я действительно думаю, что создан для этого, Жозина! Создан для приключений, для побед, для всего невероятного и фантастического! Я чувствую, что нет ситуаций, из которых я не мог бы выбраться! Ведь это так заманчиво, правда, Жозина? Вступать в бой, когда уверен, что победишь?

По узким улочкам левобережья фиакр мчался как поезд, несущийся на всех парах. Они пересекли Сену.

– И с сегодняшнего дня я намерен побеждать, Жозина. У меня все карты на руках. Через несколько часов остановлюсь в Лильбонне. Разыщу вдову Руссен и с ее согласия или даже без оного осмотрю шкатулку из черного дерева, на которой выгравировано слово-отгадка. Вот и все! Нам, знающим это слово и названия семи аббатств, останется только забрать выигрыш!

Жозина смеялась его энтузиазму. А Рауль ликовал. Обнимая молодую женщину, он рассказывал о своем поединке с Боманьяном, смеялся над прохожими и оскорблял кучера, говоря, что его лошадь тащится как черепаха.

– Давай галопом, старый черт! Тебя удостоили чести везти в своей колыхаге короля Удачи и королеву Красоты, а твоя кобыла спит на ходу!

Фиакр проехал по авеню де л'Опера, потом пересек улицу Пти-Шан и улицу Капуцинов. На улице Комартен лошадь пустилась в галоп.

– Великолепно! – воскликнул Рауль. – Без двенадцати минут пять. Мы прибудем на вокзал вовремя. Конечно, ты поедешь со мной в Лильбонн?

– Зачем? Это лишнее. Достаточно, чтобы поехал один из нас.

– Тем лучше! – сказал Рауль. – Ты доверяешь мне, знаешь, что я не предаю и что мы играем на одной стороне. Победа одного – победа другого.

Но когда они поравнялись с улицей Обер, ворота по левой стороне внезапно распахнулись и фиакр, развернувшись на полном ходу, въехал во двор. Справа и слева от Рауля откуда

ни возмись появилось по трое мужчин, которые схватили его и грубо выволокли из экипажа, несмотря на то что он даже не пытался сопротивляться. В последнее мгновение он услышал, как Жозефина Бальзамо, оставшаяся в фиакре, командовала:

– На вокзал Сен-Лазар, живо!

Мужчины затащили Рауля в дом, швырнули в полутемную комнату и заперли массивную дверь на засов.

Ликование, все еще переполнявшее Рауля, было так сильно, что угасло не сразу. Он продолжал смеяться, но от нарастающей в нем ярости голос его уже дрожал.

– Значит, теперь мой ход! Ах!.. Bravo, Жозефина... Какой мастерский удар! Точно в цель! И правда – я не ожидал. Как же тебя, наверное, веселила моя триумфальная песнь: «Я создан для побед, для всего невероятного и фантастического!» Глупец, идиот! Уж если ты дурак дураком, так держал бы рот на замке. Какой позор!

Он бросился всем телом на дверь. Напрасный труд! Дверь была крепкая, тюремная. Его взгляд упал на маленькое окошко, через которое сочился желтоватый свет. Но как до него добраться? Внезапно послышался легкий шорох, и в полумраке Рауль разглядел на одной из стен, в углу, под самым потолком, что-то вроде бойницы с торчавшим из нее стволом ружья: оно перемещалось и останавливалось одновременно с ним, ежесекундно держа его под прицелом. Тогда весь свой гнев он обратил против невидимого стрелка, щедро осыпая его бранью:

– Подлец! Негодяй! Вылезай из своей дыры, уж я задам тебе жару! Хорошее ремесло ты себе выбрал! Иди скажи своей любовнице, что она ничего не унесет с собой в рай и что совсем скоро...

Он умолк. Вся эта болтовня вдруг показалась ему бессмысленной, и, разом перейдя от гнева к смирению, он растянулся на железной кровати, стоявшей в нише, где находился также и туалет.

– Если тебе так уж хочется, – сказал Рауль, – можешь меня убить, только не мешай спать...

На самом деле Рауль даже не помышлял о сне. Для начала следовало обдумать сложившееся положение и извлечь из него неприятные для себя уроки. Они свелись к одной-единственной фразе: Жозефина Бальзамо заняла его место, чтобы завладеть плодами победы, которую он подготовил. Но какие же возможности были в ее распоряжении, если она сумела избавиться от него за столь короткое время? Рауль не сомневался, что Леонар вместе с другим сообщником и в другом экипаже следовал за ними к дому Боманьяна, а потом получил указания от своей хозяйки и отправился на улицу Комартен расставлять ловушку в доме, арендованном специально для подобных целей, пока графиня поджидала Рауля в фиакре. Что мог он предпринять – один, совсем юный – против таких врагов? С одной стороны – Боманьян с целой армией сообщников и помощников, с другой – Жозефина Бальзамо и вся ее хорошо организованная банда!

Рауль решил так: «Вернусь ли я на стезю добродетели, на что еще не потерял надежду, или окончательно встану на путь авантюры, что более вероятно, но я клянусь, что у меня тоже будут все необходимые средства и возможности. Горе одиночкам! Только главари достигают цели. Я был сильнее Жозины, и, однако, это она сегодня вечером возьмет в руки драгоценную шкатулку, а Рауль тем временем будет вздыхать на сырой соломе».

Он был погружен в эти размышления, когда вдруг почувствовал глубокую апатию, сопровождающуюся общей слабостью. Он пытался побороть эту странную сонливость, но очень скоро его сознание заволочло туманом. Вдобавок его мучили тошнота и тяжесть в желудке. Стряхнув с себя слабость, Рауль сделал несколько шагов, но онемение распространилось по всему его телу, и он упал на кровать, пораженный ужасной мыслью: он вспомнил, что в фиакре Жозефина Бальзамо достала золотую бонбоньерку, привычным жестом положила в рот два-три драже, а одну конфетку машинально протянула ему.

«Она меня отравила... – подумал он, покрываясь влажной испариной. – В драже был яд...»

Проверить правильность этой гипотезы он не успел. Началось головокружение; ему казалось, что он вращается вокруг огромной дыры, в которую в конце концов и провалился, громко рыдая.

Мысль о смерти проникла в сознание Рауля так глубоко, что, когда он снова открыл глаза, у него не было уверенности, что он еще жив. Юноша заставил себя сделать парочку дыхательных упражнений, проверил голос, громко произнес несколько слов, даже ущипнул себя. Он жил! Далекий шум улицы окончательно привел его в чувство.

«Очевидно, что я не умер, – сказал он себе. – Но какого я высокого мнения о женщине, которую люблю! Из-за жалкого снотворного средства, которым она меня угостила, имея на это полное право, я сразу назвал ее отравительницей».

...Он не мог сказать, сколько времени длилось его забытие. День? Два дня? Больше? Голова была налита свинцом, рассудок словно подернулся туманом, а ломота во всем теле не давала пошевелиться.

У стены на полу Рауль заметил корзину с едой, которую, вероятно, спустили на веревке из бойницы. Ружье исчезло. Пленника мучили голод и жажда. Он поел и выпил воды. Усталость была так велика, что его даже не тревожила мысль о том, к каким последствиям может привести эта трапеза. Наркотик? Яд? Какая разница! Сон временный или вечный – все это стало ему безразлично. Он лег и снова заснул – на долгие часы, ночи и дни...

В конце концов, каким бы мучительным ни был этот сон, Раулю д'Андреци удалось распознать некоторые свои ощущения – так по вспышкам света на темных стенах определяют, что туннель скоро закончится. Ощущения показались ему приятными. Это были, без сомнения, сны – сны, в которых его мягко убаюкивал какой-то ровный, неумолчный гул. Один раз ему удалось поднять веки, и он увидел прямоугольную раму картины, холст в которой двигался, разворачивая все новые и новые пейзажи: яркие и темные, залитые солнцем или тонушие в золотистых сумерках.

Теперь ему было достаточно протянуть руку, чтобы взять еду. С каждым днем он все больше ощущал ее вкус. Еду сопровождало ароматное вино. И казалось, что вместе с ним в его жилы вливается энергия. В глазах исчез туман. Рама картины превратилась в открытое окно, в котором проплывали холмы, луга и деревенские колокольни.

Ныне он находился в другой, совсем маленькой комнате, в которой – он был уверен – ему уже приходилось жить. Вот только когда? В ней остались его вещи, белье, книги.

К стене была приставлена лестница. Рауль чувствовал себя достаточно сильным, чтобы ею воспользоваться. Сказано – сделано. Он приподнял головой люк в потолке, выбрался наружу и оказался под открытым небом. Слева и справа протекала река. Он прошептал: «Баржа „Ветреница“... Сена... Холм Двух Влюбленных...»

Рауль сделал несколько шагов.

Жозина была здесь, сидела в плетеном кресле.

Он не заметил, как весь его гнев, все негодование смыло волной нахлынувшей страсти. Да и чувствовал ли он когда-нибудь гнев и желание взбунтоваться?!. Нет, все потонуло в нестерпимом желании сжать ее в объятиях.

Враг? Воровка? Может, преступница? Нет. Просто женщина. Прежде всего – женщина. И какая женщина!

Одетая, по обыкновению, скромно, она прикрыла голову тончайшей вуалью, делавшей матовыми ее блестящие волосы и придававшей ей несомненное сходство с «Мадонной» Бернардино Луини. Обнаженная шея словно бы светилась, тепло и нежно. Тонкие руки лежали на коленях. Она задумчиво смотрела на холм Двух Влюбленных. И казалось, что нет больше на

свете такого чистого, такого мягкого лица, осиянного непостижимой улыбкой, которая дарила ему необыкновенно глубокое и загадочное выражение.

Рауль уже почти коснулся ее, когда она его наконец заметила. Жозефина слегка покраснела и опустила глаза, скрывая за своими длинными каштановыми ресницами несмелый, блуждающий взгляд. Ни одна девушка на свете не могла бы проявить больше стыдливости и простодушного страха при полном отсутствии жеманности и кокетства.

Его это тронуло до глубины души. Она страшилась их первой встречи. Что, если он захочет ее оскорбить? Бросится на нее с кулаками, будет говорить ужасные вещи? Или отвернется с презрением, хуже которого ничего нет? Рауль дрожал, как ребенок. В этот миг для него ничего не имело значения, кроме того, что во все времена имеет значение для любовников: поцелуй, сплетенье рук, слияние дыханий, безумие пожирающих друг друга взглядов и губы, изнемогающие от сладострастия.

Он упал перед ней на колени.



Глава 10

Искалеченная рука



Расплата за такую любовь – молчание, и они оба на него обречены. Даже когда уста говорят, звуки речи не нарушают мрачной тишины потаенных мыслей. Каждый погружен в собственные размышления, не участвуя в жизни другого. Надежда на откровенный разговор, которого алкал Рауль, чтобы излить душу, становилась все более призрачной.

Жозина, должно быть, тоже страдала от этого, судя по выражению крайней усталости на ее лице в некоторые минуты, и тогда казалось, что она готова к откровенности, которая сблизит любовников сильнее, чем ласки. Однажды она горько разрыдалась в объятиях Рауля, и он было подумал, что эта минута настала. Но она быстро овладела собой и еще более замкнулась.

«Жозина не может мне довериться, – подумал он. – Она из тех людей, которые живут сами по себе, в вечном одиночестве. Она в плену собственного придуманного образа, тайны, которую сама же создала и которая теперь цепко держит ее в своих сетях. Как дочь Калиостро, она привыкла к мраку, к замысловатости, к заговорам и интригам, к секретной деятельности. Рассказать кому-либо о своих авантюрах – значит дать ему нить, которая проведет его по лабиринту. Она боится этого и замыкается в себе».

Поэтому он тоже молчал и не упоминал ни об афере, в которую оба они вмешались, ни о загадках, требующих решения. Завладела ли она шкатулкой? Узнала ли заветное слово, открывающее замок? Удалось ли ей погрузить руку в легендарный тайник и зачерпнуть из него тысячи и тысячи драгоценных камней?

Об этом, как и обо всем остальном, оба хранили молчание.

К тому же, когда баржа миновала Руан, они стали редко оставаться вдвоем. Снова появился Леонар... который, впрочем, всячески избегал Рауля. Возобновились некие тайные сборища. Берлина, запряженная неутомимыми лошадами, каждый день увозила куда-то Жозефину Бальзамо. Но куда? С какой целью? Рауль отметил про себя, что рядом с рекой находились три аббатства: Сен-Жорж-де-Бошервиль, Жюмьеж и Сен-Вандрий. Но если она все еще вела поиски в этих трех, значит ей не удалось ничего найти и она потерпела полное фиаско?

Эта мысль побудила его действовать. Он распорядился привезти ему велосипед, который оставался на постоялом дворе поблизости от Этиговых Плетней, и доехал на нем до окрестностей Лильбонна, где жила мать Брижитт. Там он узнал, что двенадцать дней назад (именно в тот день, когда Жозефина Бальзамо куда-то отлучалась!) вдова Русслен, заперев дом, отправилась в Париж, к дочери. А накануне вечером, как утверждали соседки, к ней приезжала какая-то дама.

В десять часов вечера Рауль возвращался на баржу, стоявшую в излучине реки ниже Руана. По дороге он обогнал знакомую берлину, которую, выбиваясь из сил, тащили измученные клячи Леонара. У самой реки Леонар спрыгнул с козел, открыл дверцу, наклонился, извлек

из кареты безжизненное тело Жозины и взвалил его на плечо. Рауль соскочил с велосипеда и подбежал к нему. Вдвоем они перенесли молодую женщину в каюту, куда вскоре спустилась и чета Делатр.

– Позаботьтесь о ней, – сурово сказал Леонар слугам. – Она потеряла сознание. Скорее! И не вздумайте уйти отсюда!

Он вернулся к берлине и уехал.

Всю ночь Жозефина Бальзамо бредила, и ее речи были столь бессвязны, что Рауль не смог уловить в них никакого смысла. На следующее утро ей стало легче; ближе к вечеру Рауль съездил в соседнюю деревню, где купил руанскую газету. И в разделе городских новостей прочел следующее:

Вчера днем в жандармерию Кодбека обратился местный дровосек, который заявил, что слышал женские крики, доносившиеся из заброшенной печи для обжига извести на опушке Моливриерского леса. Жандармерия отправила на поиски сержанта и капрала. Когда представители власти подходили к опушке леса, где находится печь, они увидели, как двое неизвестных мужчин тащат женщину к экипажу с зашторенными окнами, стоявшему неподалеку. Рядом с ним ждала какая-то дама.

Когда жандармы обогнули насыпь, экипаж уже уехал. Они немедленно начали преследование, которое обещало быть недолгим и завершиться успехом. Однако экипаж был запряжен такими быстрыми лошадьми, а возница, очевидно, так хорошо знал местность, что злоумышленникам удалось ускользнуть по ведущему на север лабиринту многочисленных холмистых дорог между Кодбеком и Мотвилем. К тому же надвигалась ночь, помешавшая установить, куда скрылись похитители.

«И они этого никогда не узнают, – уверенно сказал себе Рауль. – Никто, кроме меня, не сможет восстановить факты, потому что только мне известна подоплека этого дела».

Поразмыслив, Рауль пришел к следующим выводам: «Совершенно очевидный факт: в заброшенной печи для обжига извести находится вдова Русслен под надзором их сообщника. Жозефина Бальзамо и Леонар, которые выманили ее из Лильбонна, приходят туда каждый день, пытаясь выудить из нее нужные сведения. Вчера допрос был, несомненно, проведен с большей жестокостью. Вдова Русслен кричала. Явились жандармы. Но сообщникам удалось ускользнуть. По дороге они доставили пленницу в другое узилище, приготовленное загодя, и таким образом снова замели следы. Но все эти тревожения вызвали у Жозефины Бальзамо нервный припадок, которыми она давно страдает. Она потеряла сознание».

Рауль развернул топографическую карту. От леса Моливриер до баржи «Ветреница» – тридцать километров по прямой. Значит, вдову Русслен держат взаперти где-то справа или слева от дороги.

«Итак, – сказал себе Рауль, – поле борьбы очерчено, и я не буду медлить с выходом на него».

На следующий день он принялся за работу: прогуливаясь по нормандским дорогам и опрашивая местных жителей, он старался узнать, где проезжала и где останавливалась «старая берлина, запряженная двумя клячами». Логика подсказывала, что рано или поздно ему удастся это выяснить.

В те дни любовь Жозефины Бальзамо и Рауля была особенно жадной, особенно страстной. Молодая женщина, зная, что ее разыскивает полиция, и помня, как она еле ускользнула от нее на постоялом дворе Вассёр в Дудвиле, не осмеливалась теперь покидать баржу и разъезжать по дорогам Ко. И каждый раз, когда Рауль возвращался после очередной своей экспе-

диции, они бросались в объятия друг друга с отчаянным желанием вкусить радости, которым, как оба предчувствовали, скоро придет конец.

Это были мучительные радости двух влюбленных, которых вот-вот разлучит судьба. Неискренние радости, отравленные сомнениями. Оба догадывались о тайных умыслах друг друга, и, когда они сливались в поцелуе, каждый из них знал, что другой, по-прежнему любя, вынашивает враждебные планы.

– Я люблю тебя, люблю, – отчаянно повторял Рауль, а сам лихорадочно искал способ вырвать мать Брижитт Руссен из лап Калиостро. Иногда они льнули друг к дружке с неистовством противников, вступивших в схватку. В их ласках была грубость, во взглядах – угроза, в мыслях – ненависть, в нежности – отчаяние. Они будто следили друг за другом, чтобы отыскать самое уязвимое место и нанести туда решающий удар.

Однажды Рауль проснулся посреди ночи от неясного чувства тревоги. Жозина подошла к его кровати и при свете лампы склонилась над ним. Он вздрогнул. Ее прелестное лицо, как всегда, улыбалось. Но почему эта улыбка показалась Раулю такой злобной и жестокой?

– Что с тобой? – спросил он. – Что ты от меня хочешь?

– Ничего, ничего... – сказала она рассеянно и отошла.

Но тут же вернулась, держа в руке фотографию:

– Я нашла это в твоём бумажнике. Не могу поверить, что ты постоянно носишь ее при себе. Кто это?

Он узнал Клариссу д'Этиг и нерешительно ответил:

– Даже не знаю... просто чья-то карточка...

– Перестань, – резко сказала она, – не лги мне. Это – Кларисса д'Этиг. Думаешь, я ее никогда не видела и не знаю о вашей связи? Она была твоей любовницей, ведь так?

– Нет-нет, никогда, – живо возразил он.

– Она была твоей любовницей, – повторила Жозина, – я в этом уверена, она любит тебя, и между вами ничего не закончилось.

Он пожал плечами и уже собрался сказать несколько слов в защиту девушки, когда Жозина произнесла:

– Довольно об этом, Рауль. Ты предупрежден, и так даже лучше. Я не буду искать с ней встречи, но, если однажды она попадет у меня на пути, ей несдобровать.

– И тебе тоже, Жозина, если ты тронешь хоть один волос на ее голове! – неосторожно вскричал Рауль.

Она побледнела. Ее подбородок слегка задрожал, и, положив руку на шею Рауля, она пробормотала:

– Значит, ты посмел встать на ее сторону против меня!.. Против меня!

Холодная рука судорожно сжалась на его горле. Рауль почувствовал, что Калиостро сейчас его задушит, и рывком встал с кровати. Теперь уже испугалась она и, ожидая нападения, выхватила из корсажа стилет, лезвие которого блеснуло в свете лампы.

Они стояли лицом к лицу, готовые броситься друг на друга, и это было так мучительно, что Рауль тихо сказал:

– О Жозина! Как грустно! Возможно ли, что мы дошли до такого?!

Обессиленная, она упала на стул, и Рауль бросился к ее ногам.

– Поцелуй меня, Рауль... поцелуй меня... и не будем больше ни о чем думать.

Они страстно обнялись, но он заметил, что она так и не выпустила стилет из руки... чтобы воткнуть его Раулю в затылок, ей было достаточно одного движения.

Тем утром, в восемь часов, он покинул «Ветреницу».

«Я не должен заблуждаться на ее счет, – сказал он себе. – Любовь? Да, она любит меня, любит искренне и хотела бы, как и я, любви безоглядной. Но это невозможно. Душа ее враждует со всем миром. Она не доверяет никому и ничему, и прежде всего – мне».

В сущности, она так и осталась для него непостижимой загадкой. Несмотря на все подозрения и улики, несмотря на злой дух, живущий в ней, он отказывался признать, что она может дойти до убийства. Мысли об убийстве никак не вязались с этим нежным лицом, которое не могли исказить даже ненависть и злоба. Нет, руки Жозины не запачканы кровью.

Но Рауль помнил о Леонаре и не сомневался, что тот способен подвергнуть матушку Русслен самым ужасным пыткам.

От Руана до Дюклера и дальше дорога шла мимо фруктовых садов, тянувшихся вдоль Сены, и белых известняковых скал. В известняке были выдолблены пещеры, где крестьяне и рабочие хранили свои инструменты, а иногда и сами находили в них приют. Именно там Рауль обнаружил троих мужчин, которые, заняв одну из этих пещер, плели корзины из камыша, растущего рядом на побережье. Перед их пещерой был небольшой огород, где они выращивали овощи.

Тщательное наблюдение и некоторые подозрительные детали позволили Раулю предположить, что папаша Корбю и двое его сыновей – известные своей гнусной репутацией браконьеры и мародеры – были сообщниками Жозефины Бальзамо, а их пещера, как и постоянные дворы, амбары и печи для обжига извести, входила в сеть секретных убежищ, которую она раскинула по всему Ко. Теперь эти подозрения следовало превратить в уверенность, но так, чтобы не привлечь к себе внимания. Стремясь незаметно приблизиться к пещере, он взобрался на скалу и вернулся к Сене по лесной тропинке, заканчивающейся небольшой, поросшей терновником ложбиной. Скотившись на самое ее дно, он очутился всего в четырех-пяти метрах от пещеры.

Там, под открытым небом, Рауль провел два дня и две ночи, питаясь принесенными запахами. Скрытый от посторонних глаз буйными высокими травами, он стал свидетелем жизни троих мужчин. На второй день он подслушал их разговор, и ему стало очевидно, что семейство Корбю тщательно сторожит вдову Русслен, которую после побега из леса Молеврие они держат пленницей в своем логове. Как же ее освободить? Или, по крайней мере, как добраться до нее и получить от несчастной женщины сведения, в которых она явно отказала Жозефине Бальзамо? Наблюдая за семейством Корбю, Рауль придумывал и отбрасывал множество планов. Но утром третьего дня он заметил баржу, которая спускалась по Сене к причалу, расположенному в километре от пещеры выше по течению.

Вечером, в пять часов, два человека спустились с баржи, перешли по мосткам на берег и двинулись вдоль реки. Несмотря на измененную походку и простонародную одежду, Рауль узнал Жозефину Бальзамо. Ее сопровождал Леонар.

Они остановились перед пещерой Корбю и поговорили с ними как со случайными встречными. Потом, улучив момент, когда вокруг никого не было, они быстро прошли в огород. Леонар исчез в пещере, а Жозефина Бальзамо осталась снаружи и села на шаткий старый стул возле густого кустарника.

Старик Корбю полтел огород. Сыновья плели под деревом корзины.

«Сейчас начнется новый допрос, – подумал Рауль д'Андреши. – Какая жалость, что я не могу на нем присутствовать!»

Он наблюдал за Жозиной, чье лицо было почти полностью скрыто широкими полями простой соломенной шляпы, какие носят крестьянки в жаркие дни. Она сидела неподвижно, немного наклонившись вперед и подперев голову руками.

Шло время. Рауль в очередной раз спрашивал себя, что бы ему предпринять, когда где-то совсем рядом раздались стоны и приглушенные крики. Да, голос, дрожавший от боли, доносился из зарослей травы, которые его окружали. Но как это было возможно? Он подполз к тому месту, где звуки раздавались громче всего, и ему не пришлось долго искать разгадку. Ложбина, которой заканчивался склон скалы, была заполнена осыпавшимися камнями, и среди

этих камней возвышалась небольшая кучка кирпичей, почти незаметная под плотным слоем почвы и корней.

Теперь ему все стало ясно: тут выходила на поверхность разрушенная кирпичная труба, когда-то служившая в пещере дымоходом. Через трубу и слой камней звук пробивался наверх.

Вновь раздался два пронзительных крика. Рауль подумал о Жозефине Бальзамо. Обернувшись, он увидел ее на краю огорода. Сидя в той же позе, наклонившись вперед, она машинально обрывала лепестки настурции. Рауль предположил (он очень хотел в это верить), что она ничего не слышит. А может быть, даже не знает?..

Несмотря на это, он содрогнулся от отвращения. Даже если она не являлась соучастницей жестокого допроса, которому подвергалась несчастная женщина, разве не была она такой же преступницей? И разве постоянные сомнения, которые до сих пор Рауль толковал в ее пользу, не должны были уступить место жестокой истине? Все, что он предчувствовал, все, что не хотел о ней знать, было ужасной правдой, ибо в конечном счете это она заправляла грязным делом, которое взял на себя Леонар, потому что она не могла вынести зрелища пыток.

Рауль осторожно отодвинул в сторону кирпичи и размельчил ком земли. Когда он закончил, крики как раз прекратились и начался разговор, но он был еле слышен, словно внизу говорили шепотом. Пришлось возобновить работу, чтобы освободить отверстие дымохода. Закончив, он наклонился, опустил голову в трубу и, вцепившись изо всех сил в ее шероховатые стенки, прислушался.

Первый голос принадлежал Леонару, а второй, женский, – несомненно, вдове Руссен. Несчастливая была измучена и смертельно напугана.

– Да, да, – лепетала она, – я продолжаю, как и обещала, но я так устала!.. Простите меня, добрый господин... И потом, все это произошло так давно, тому уже будет двадцать четыре года...

– Хватит болтать, – пробурчал Леонар.

– Да... – заторопилась она. – Так вот... Это было во время войны с Пруссией, двадцать четыре года назад... Когда пруссаки уже подходили к Руану, где мы жили, к моему бедному мужу, который был ломовым возчиком, пришли два господина... мы никогда их раньше не видели. С собой у них было много сундуков, и они спешили уехать в деревню, впрочем, как и многие другие в те дни. Они договорились о цене и очень торопились, так что мой муж сразу же уехал вместе с ними на подводе. К несчастью, после реквизиции у нас осталась только одна лошадь, и то не очень выносливая. Вдобавок был сильный снегопад... В десяти километрах от Руана она упала и больше уже не встала...

Эти господа дрожали от страха, потому что в любую минуту могли появиться пруссаки... Как раз в это время мимо проезжал доверенный слуга кардинала де Бонншоза по имени Жобер, которого мой муж хорошо знал. Господа тут же предложили ему уступить им лошадь за хорошие деньги... Жобер отказался. Они сначала упрасивали, потом угрожали... и вдруг набросились на него, как дикие звери, и избили до полусмерти, не слушая мольбы моего мужа... А потом обшарили его кабриолет, нашли там какую-то шкатулку, запрягли в подводу лошадь Жобера и уехали, оставив того умирать.

– Оставив уже мертвого, – уточнил Леонар.

– Да, мой муж узнал об этом несколько месяцев спустя, когда смог вернуться в Руан.

– А тогда он не заявил о них?

– Нет... но, наверное, следовало... – ответила вдова Руссен, смешавшись. – Вот только...

– Вот только, – усмехнулся Леонар, – они купили его молчание, ведь так? В шкатулке, которую они открыли у него на глазах, были драгоценности... И те люди отдали вашему мужу его долю добычи...

– Да... да... – отозвалась она. – Кольца... семь колец... Но смолчал он не из-за этого... Мой бедный муж был болен... и умер вскоре после возвращения.

– А шкатулка?

– Она оставалась в пустой подводе. И муж принес ее домой вместе с кольцами. Я тоже молчала, как и он. Это случилось так давно... Да вдобавок я боялась скандала... Ведь в убийстве могли обвинить моего мужа. Нет, лучше уж было молчать. Я уехала с дочерью в Лильбонн, а когда Брижитт поступила в театр, она забрала кольца с собой... мне-то к ним даже прикасаться не хотелось... Вот и вся история, мой добрый господин, не спрашивайте меня больше...

Леонар снова ухмыльнулся:

– Вот как! Неужто это вся история?

– Но я больше ничего не знаю, – испуганно сказала вдова Руссен...

– Гроша ломаного твои рассказы не стоят. Меня интересует совсем другое... И ты, черт побери, отлично знаешь, о чем я толкую!

– Знаю?

– Я про буквы внутри под крышкой! Все дело в них...

– Но те буквы наполовину стерлись, клянусь вам, мой добрый господин, и я даже никогда не пыталась их разобрать.

– Ладно, поверю. Но тогда мы возвращаемся к первому вопросу: куда делась шкатулка?

– Я вам уже говорила: у меня ее забрали как раз накануне того дня, когда вы приехали в Лильбонн вместе с дамой... под густой вуалью.

– Забрал... кто?

– Один человек...

– Этот человек ее разыскивал?

– Нет, он случайно заметил шкатулку в углу чердака. И заинтересовался – вещица, мол, старинная.

– Имя этого человека? Я тебя в сотый раз спрашиваю!

– Не могу я его вам назвать. Он сделал мне столько добра, а вы ему навредите, очень навредите, потому не буду я ничего говорить...

– Он первый посоветовал бы тебе сознаться...

– Может, да... может, нет... Откуда я знаю? Я же не могу спросить его... не могу ему написать... правда, мы видимся иногда... Послушайте, мы же должны встретиться в следующий четверг в три часа...

– Где?

– Не могу сказать... не имею права...

– Что?! Начинаем все сначала? – прорычал Леонар, потеряв терпение.

Вдова Руссен задрожала:

– Нет! Нет! О мой добрый господин, умоляю вас, нет!

Она вскрикнула от боли:

– Ах, негодяй! Что он со мной делает! Бедная моя рука...

– Говори же, черт тебя возьми!

– Да, да, я скажу...

Но тут голос несчастной пресекся. Она явно была на грани обморока. Однако Леонар настаивал, и Рауль уловил несколько слов, которые она в страхе пролепетала... «да... мы должны встретиться в четверг... на старом маяке...».

И затем: «Нет... я не вправе... я лучше умру... сделайте что хотите... правда... я лучше умру...»

Она замолчала. Леонар буркнул:

– Эй! Это еще что за штучки? Что стряслось с упрямой старухой? Не померла она, часом?.. Эй, старая кляча, ты у меня еще заговоришь! Даю тебе десять минут, и покончим с этим!

Дверь открылась и тут же закрылась. Несомненно, он пошел к Калиостро сообщить о выбитых у вдовы признаниях и получить дальнейшие распоряжения. В самом деле, привстав, Рауль увидел внизу их обоих, сидевших бок о бок. Леонар что-то взволнованно говорил. Жозина слушала.

Презренные негодяи! Рауль в равной степени ненавидел их обоих. Страдания вдовы Русслен потрясли его, и он весь дрожал от гнева и желания действовать. Ничто в мире не могло помешать ему спасти эту женщину.

По обыкновению, он ринулся в бой сразу, как только у него созрел план, малейшие детали которого выстроились в логической последовательности. В таких случаях колебания могут только помешать делу. Успех зависит от смелости, с какой мы преодолеваем препятствия, даже если не можем заранее знать о них.

Рауль бросил взгляд на своих противников. Все пятеро находились довольно далеко от пещеры. Он быстро нырнул в дымоход. Главное – как можно тише миновать участок, заполненный щебнем... но почти сразу на него обрушились обломки, до сих пор находившиеся в равновесии, и он рухнул вниз под грохот камней и битого кирпича. «Проклятье! – подумал он. – Хоть бы они ничего не услышали!»

Рауль замер. Вокруг было тихо. Царила непроглядная темнота, и он даже решил, что все еще находится в дымоходе. Но, вытянув руки, юноша понял, что труба вынесла его прямо в пещеру или, скорее, в туннель, вырытый позади пещеры, такой узкий, что его рука сразу натолкнулась на другую – горячую и дрожащую. Глаза Рауля уже привыкли к мраку, и он увидел блестящий взгляд, устремленный прямо на него, и бледное исхудалое лицо, искаженное ужасом.

Пленницу не связали, не заткнули ей кляпом рот. Да и зачем? Жертва была слишком слаба и напугана, чтобы думать о побеге.

Он наклонился к ней и сказал:

– Ничего не бойтесь. Я спас от смерти вашу дочь Брижитт, которая из-за шкатулки с кольцами тоже попала в лапы тех, кто вас мучает. Я проследил ваш путь из Лильбонна и явился спасти вас – при условии, что вы никогда никому не расскажете о том, что здесь произошло.

Но к чему эти объяснения, которые несчастная все равно была не в состоянии понять? Не медля больше, он подхватил ее на руки и взвалил на плечо. Затем, пройдя через пещеру, он слегка толкнул дверь и убедился, что она не заперта. Невдалеке Леонар и Жозина продолжали свой разговор. За ними, позади огорода, тянулась белая дорога, ведущая к Дюклеру, и по ней в обоих направлениях двигались крестьянские телеги.

Решив, что момент подходящий, Рауль рывком открыл дверь, сбежал по склону огорода и положил матушку Русслен под насыпь. И тут же у него за спиной раздались вопли. К нему мчалось семейство Корбю, сопровождаемое Леонаром, – все четверо вне себя от бешенства и готовые к жестокой схватке. Но что они могли поделать? В обе стороны ехали конные повозки. Нападать на Рауля при таком количестве свидетелей и силой отбивать вдову Русслен значило самым отдалиться в руки властей, а это грозило неминуемым расследованием и возмездием. Они, как и рассчитывал Рауль, остановились. Молодой человек окликнул двух монахинь в крылатых чепцах, одна из которых правила небольшим шарабаном, запряженным старой лошадей, и попросил их помочь бедной женщине, объяснив, что нашел ее без сознания на обочине дороги, с раздавленными колесами пальцами.

Монахини, содержавшие в Дюклере приют для умалишенных и лазарет, ревностно взялись за дело. Они перенесли вдову Русслен в шарабан и укутали ее в шали. Женщина все

еще была без сознания и бредила, тряся искалеченной рукой, большой и указательный пальцы которой распухли и кровоточили.

Шарабан быстро скрылся из виду.

А Рауль по-прежнему стоял, не в силах забыть ужасное зрелище – изуродованную руку, и его потрясение было так велико, что он не заметил приближающихся Леонара и троих Корбю, которые начали обходной маневр с тем, чтобы перекрыть ему путь к побегу. Когда наконец он их увидел, четверка уже окружила его и теперь теснила в огород... В эту минуту дорога была безлюдна, и положение дел казалось бандитам настолько благоприятным, что Леонар даже достал нож.

– Убери нож и оставь нас, – сказала Жозина. – Вы, Корбю, тоже. И без глупостей, слышите?

Все это время она не поднималась со стула, но теперь вдруг появилась из-за кустов.

Леонар возмутился:

– «Без глупостей»?! Глупость – это оставлять его в живых. Раз уж он у нас в руках!

– Уйди! – приказала она.

– Но эта женщина... Эта женщина нас выдаст!

– Нет. Вдова Русслен не станет болтать. Она будет молчать.

Леонар зашагал прочь, и графиня приблизилась к Раулю.

Он долго смотрел на нее, и в этом взгляде было столько ненависти, что она смутилась и пошутила, чтобы прервать молчание:

– Каждому свой черед, не правда ли, Рауль? Удача приходит то к тебе, то ко мне. Сегодня ты одержал верх. А завтра... Но что случилось? У тебя странный вид! И такой тяжелый взгляд...

Он решительно ответил:

– Прощай, Жозина.

Она слегка побледнела:

– Прощай? Ты хотел сказать – «до свидания».

– Нет! Прощай.

– Значит... значит... ты больше не хочешь меня видеть?

– Не хочу.

Она опустила глаза, дрожь пробежала по ее векам. Губы все еще улыбались, но улыбка стала горестной.

Она тихо сказала:

– Почему, Рауль?

– Потому что я увидел то, что никогда... никогда не смогу тебе простить, – ответил он.

– Что же ты увидел?

– Руку этой женщины.

Она словно разом лишилась сил и пробормотала:

– Ах! Понимаю. Леонар причинил ей боль... Но ведь я ему запретила... и думала, что она просто уступила угрозам...

– Ты лжешь, Жозина. Ты слышала крики этой женщины, как слышала их и в лесу Молеврие. Казнь совершает Леонар, но злая воля, замысел убийства исходит от тебя, Жозина. Это ты послала своего сообщника в маленький домик на Монмартре с приказом убить Брижитт Русслен, если она будет упорствовать. Это ты не так давно подложила Боманьяну яд в снотворное... И это ты расправилась с двумя друзьями Боманьяна – Дени Сент-Эбером и Жоржем д'Иновалем.

После этих слов она взбунтовалась:

– Нет, нет, я тебе не позволю... Все неправда, и ты это знаешь, Рауль.

– Да, ты придумала удобную сказочку о другой женщине... другая женщина, похожая на тебя, совершает преступления, в то время как ты, Жозефина Бальзамо, довольствуешься менее жестокими авантюрами! Сначала я в это поверил. Я тоже позволил запутать себя историями об одинаковых женщинах: дочке, внучке, правнучке Калиостро. Но теперь все кончено, Жозина. Если до сих пор я предпочитал не видеть то, что меня ужасало, то эта покалеченная рука заставила меня взглянуть в лицо правде.

– В лицо лжи, Рауль! Ты в плену ложных толкований. Я не знаю тех двоих, о которых ты говоришь.

Он ответил устало:

– Допустим. Возможно, я ошибаюсь. Но мне уже не хватает терпения смотреть на тебя сквозь флер таинственности, которым ты себя окутываешь. Для меня в тебе больше нет тайны, Жозина. Я вижу тебя такой, какова ты на самом деле: ты – преступница.

И он добавил еще тише:

– Возможно, ты просто нездорова. А что до лжи, так ею точно полна твоя красота.

Она молчала. Тень от соломенной шляпы смягчала и без того нежные черты ее лица. Оскорбления любовника никак не отразились на нем. Все в ней обольщало, дышало прелестью. Он был потрясен до глубины души. Никогда еще она не казалась ему такой красивой, такой желанной, и он задавался вопросом: не было ли это безумием – желание вернуть себе свободу, которую он проклял бы уже на следующий день?

Наконец она возразила:

– Моя красота – это не ложь, Рауль, и ты вернешься, потому что она принадлежит тебе.

– Я не вернусь.

– Нет, ты уже не можешь жить без меня, а «Ветреница» стоит совсем рядом. Завтра я буду ждать тебя там...

– Я не вернусь, – повторил он, чувствуя, что снова готов упасть перед ней на колени.

– Тогда почему же ты дрожишь? Почему так побледнел?

Он понял, что его спасение – в молчании и что надо бежать не оглядываясь.

Он оттолкнул руки Жозины, которые тянулись к нему, и зашагал прочь.



Глава 11

Старый маяк



Всю ночь Рауль крутил педали, стремясь уехать как можно дальше, – и для того, чтобы сбить с толку возможных преследователей, и для того, чтобы испытать спасительную усталость. Утром, порядком измученный, он остановился в лильбоннской гостинице.

Предупредив, чтобы его не будили, он запер дверь на два оборота ключа и едва не выбросил ключ в окно.

Рауль проснулся спустя сутки.

Одевшись и приведя себя в порядок, он уже думал только о том, чтобы поскорее оседлать велосипед и вернуться на «Ветреницу». Любовь не хотела сдавать позиции.

Он был очень несчастен; никогда раньше не испытывая страданий, привыкнув удовлетворять свои малейшие капризы, он сердился на собственное отчаяние, которому было так легко положить конец.

«Может, не мучить себя? – думал он. – Через два часа я буду там. И что мешает мне уехать на несколько дней позже, когда я лучше подготовлюсь к разрыву?»

Но он не мог. Видение изуродованной руки не оставляло его; он припоминал другие варварские и чудовищные поступки своей любовницы и не мог вернуться к ней.

Жозина совершила это, значит Жозина – убийца, значит Жозина не боится испачкаться в крови и считает нормальным, естественным делом убивать людей, если преступление идет на пользу ее планам.

Но Рауль страшился убийства. Он испытывал к нему физическое отвращение, все его инстинкты бунтовали против него. Мысль о том, что он способен в припадке ярости пролить чью-то кровь, приводила его в ужас. И то, что этот ужас был тесно связан с образом женщины, которую он любил, невыносимо терзало его.

Он остался в гостинице, но ценой каких усилий! Сколько рыданий подавил он в себе! В каких столах изливался его бессильный бунт! В его воображении Жозина протягивала к нему свои прекрасные руки и губы для поцелуя. Легко ли устоять перед сладострастным зовом этой женщины?

Испытав сердечную муку, он только теперь осознал, какое страдание причинил Клариссе д'Этиг. Он словно бы услышал ее рыдания. Представил ее тоску, величину ее разочарования. Мучимый раскаянием, он мысленно обращал к ней полные нежности речи, в которых вспоминал сокровенные часы их любви.

Рауль сделал даже больше. Зная, что молодая девушка получает корреспонденцию прямо в руки, он осмелился написать ей письмо.

Простите меня, дорогая Кларисса. Я поступил с Вами как негодяй, но давайте надеяться на лучшее будущее. Думайте обо мне со всем снисхождением Вашего щедрого сердца. Еще раз простите, дорогая Кларисса, простите меня.

Рауль.

«О, рядом с ней, – говорил он себе, – я быстро забуду все эти гнусности! Нежные губы и невинный взгляд – это не главное; важнее преданная, глубокая душа – такая, как у Клариссы!»

Однако он обожал глаза и загадочную улыбку Жозины и, думая о ее ласках, нимало не печалился о том, что душа молодой женщины не была ни преданной, ни глубокой.

Все эти дни Рауль занимался поисками старого маяка, который упоминала вдова Руссен. Так как она жила в Лильбонне, он не сомневался, что маяк находится где-то поблизости, и потому в первый же вечер направился на окраину города.

И он не ошибся. Расспросив местных жителей, он выяснил, что, во-первых, старый заброшенный маяк стоит в лесу, окружающем замок Танкарвиль, а во-вторых, что собственник этого маяка доверил ключи от него вдове Руссен, которая каждую неделю, по четвергам, приходит наводить там порядок. После небольшой ночной вылазки ключи оказались у Рауля.

Двое суток отделяли его от того дня, когда человек, ставший владельцем шкатулки с драгоценностями, должен был встретиться с вдовой Руссен, и, поскольку тяжелобольная вдова не могла отменить предстоящее свидание, все складывалось так, что именно Раулю предстояло явиться на эту встречу, представлявшуюся ему чрезвычайно важной.

Эта перспектива взбодрила его. Он снова был озабочен лишь решением одной-единственной загадки, уже несколько недель не дававшей ему покоя. Но теперь, похоже, разгадка была близка.

Чтобы ничего не оставлять на волю случая, накануне Рауль посетил место встречи, а в четверг, за час до назначенного времени, быстрым шагом прошел сквозь лес Танкарвиль; он был уверен в успехе своего предприятия и потому чувствовал радость и гордость.

Частью лес этот простирается до Сены; купы деревьев растут и в расщелинах скал. От главной развилки одна из дорог ведет через ущелья и отвесные склоны к крутому мысу, где стоит наполовину скрытый от глаз заброшенный маяк. По будням это место абсолютно пустынно, но по воскресеньям тут иногда появляются гуляющие. Если зимой подняться на бельведер маяка, то перед вами откроется изумительный вид на канал Танкарвиль и устье реки. Однако в это время года внизу все утопало в зелени. Единственная довольно большая комната с двумя окнами, обстановка которой состояла из двух стульев, занимала весь первый этаж и со стороны суши выходила на огороженный участок, заросший крапивой и дикими травами.

По мере продвижения к маяку шаг Рауля замедлялся. У юноши было ощущение, впрочем вполне оправданное, что грядут некие важные события, что его ждет не просто встреча с неизвестным и разрешение великой загадки, но и неминуемая последняя битва, в которой враг будет полностью разбит.

И этим врагом была Калиостро – Калиостро, которая, как и он, слышала вырванные у вдовы Руссен признания. Не желая потерпеть поражение и имея неограниченные возможности для поисков, она, конечно, легко нашла маяк, где должен был разыгаться последний акт этой драмы.

– Но я не просто задаюсь вопросом, придет ли она на встречу, – сказал Рауль вполголоса, подтрунивая над собой, – а и очень надеюсь, что она там будет, что я увижу ее снова и что мы оба выйдем из схватки победителями и падем друг другу в объятия.

Он перелез через ограду, кое-как приделанную к низкой каменной стене, утыканной осколками бутылок, и внимательно осмотрелся. На траве не было никаких следов. Но ограду можно было преодолеть в другом месте и попасть в дом через одно из боковых окон.

Его сердце учащенно билось. Он сжал кулаки, готовый дать отпор, если окажется, что его заманили в ловушку.

«Как я глуп! – подумал он. – Какая ловушка?»

Он легко открыл замок изъеденной червями двери и шагнул внутрь.

Рауль мгновенно почувствовал, что в комнате он не один. Кто-то прятался в нише за дверью... Но не успел он повернуться к нападавшему и увидеть глазами то, что подсказал ему инстинкт, как вокруг его шеи обвилась веревка и потянула его назад, а чье-то колено со всей силой уперлось ему в поясницу.

Задыхаясь и согнувшись дугой, Рауль перестал сопротивляться и, потеряв равновесие, упал.

– Отлично, Леонар! – пробормотал Рауль. – Прекрасная месть!

Но он ошибся. Это был не Леонар. Рауль узнал в стоявшем к нему боком человеке Боманьяна. И пока тот связывал ему руки, он, исправляя свою ошибку, воскликнул со всей непосредственностью молодости:

– Смотрите-ка, монах-расстрига!

Веревка на его шее была привязана к заклепчному кольцу на противоположной стене прямо над окном. Боманьян, действуя быстро, но с каким-то рассеянным видом, приоткрыл это окно и гнилые решетчатые ставни. Затем, пользуясь кольцом как шкивом, он натянул веревку, заставив Рауля шагнуть вперед. В просвете окна юноша увидел беспорядочное нагромождение каменных глыб и мощные стволы деревьев, пышные кроны которых загоразивали горизонт.

Боманьян повернул его, прижал спиной к ставням и связал ему лодыжки.

Итак, ситуация выглядела следующим образом: если Рауль попытается пойти вперед, веревка, завязанная скользящим узлом, задушит его. Если же Боманьяну захочется избавиться от своей жертвы, то ему достаточно будет просто подтолкнуть его: ставни обрушатся и Рауль повиснет над бездной.

«Отличная диспозиция для серьезного разговора», – усмехнулся про себя Рауль. Впрочем, он уже принял решение. Если намерение Боманьяна состоит в том, чтобы предоставить ему выбор: смерть или рассказ о том, как далеко ему удалось продвинуться в раскрытии тайны, – он без малейшего колебания выдаст все секреты.

– К вашим услугам, – сказал Рауль. – Спрашивайте.

– Молчи! – яростно приказал ему Боманьян.

И прижал к его рту клочок ваты, привязав его шарфом и закрепив узел на затылке.

– Один звук, одно движение, и я мигом отправлю тебя за окно, – предупредил он.

И оценивающе посмотрел на Рауля взглядом человека, прикидывающего, не совершить ли задуманное прямо сейчас.

После этого Боманьян неверной тяжелой походкой пересек комнату и сел на корточки у стены, чтобы через приоткрытую дверь видеть все, что творится снаружи.

«Плохо дело, – подумал Рауль, сильно встревоженный. – И еще хуже то, что я ничего не понимаю. Почему он здесь? И значит ли это, что он и есть тот самый благодетель вдовы Руссен, которого она не хотела выдавать?»

Но эта гипотеза его совсем не удовлетворила.

«Нет, здесь что-то другое. Я, конечно, попал в ловушку случайно: по неосторожности и наивности. Такой тип, как Боманьян, наверняка отлично знал все, что касается Руссен: знал обо всех ее встречах и о времени, когда они проходили, а потом, выяснив, что вдове похитили, вместе со своими сообщниками начал наблюдать за окрестностями Лильбонна и Танкарвиля... Так они обнаружили меня, выяснили, когда и куда я уходил... и расставили западню... и вот теперь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.